

С. В. Новиков

**Юго-Западный Иран
в античное
время**

от Александра Македонского
до Ардашира I

(Сузиана при Александре,
дидохах, Селевкидах и
Аршакидах)

2015/05/30 15:02

ББК 63.3(0)3
Н73

Рецензенты:
доктор исторических наук Г. А. КОШЕЛЕНКО,
кандидат исторических наук А. В. СТРЕЛКОВ

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Новиков С. В.

Н73 Юго-Западный Иран в античное время (от Александра Македонского до Ардашира I). — М.: Изд-во МГУ, 1989. — 183 с.: ил.

ISBN 5—211—00276—8.

В монографии на основе археологических, эпиграфических, нарративных и нумизматических источников рассматриваются узловые проблемы развития одного из регионов древнего Ирана в эпоху от завоевательных походов Александра Македонского до захвата Юго-Западного Ирана Сасанидами. Выявляется характер античной письменной традиции, исследуются городской строй, социально-экономические отношения и роль классического рабства в городах и в аграрной периферии, политическое и экономическое развитие региона в составе Селевкидского и Парфянского государств, особенности эволюции сельских и городских поселений в эллинистическое и постэллинистическое время. Особое внимание уделяется роли и взаимовлиянию греко-македонских и местных элементов в различных областях жизни населения, контактам и взаимодействию оседлых групп населения и кочевников.

Для историков, археологов, востоковедов, а также читателей, интересующихся историей эллинизма.

И 0503010000—052
077(02)—89 36—89

ББК 63.3(0)3

ISBN 5—211—00276—8

© Издательство Московского
университета, 1989 г.

Введение

Объектом предлагаемого исследования является регион Юго-Западного Ирана в античное время, т. е. в период от восточных походов Александра Македонского, завершившихся в 324 г. до н. э., вплоть до битвы при Хормиздагане (224 г. н. э.), когда последний парфянский царь Артабан V потерпел сокрушительное поражение от основателя государства Сасанидов Ардашира I. Само определение «Юго-Западный Иран» требует некоторых пояснений. Обычно в термин «Иран» вкладываются два различных понимания¹. Как понятие географическое Иран — это обширное плато, лежащее в Юго-Западной Азии, которое простирается от долины Инда до долины Тигра и от Закавказья, Каспийского моря и степей Закаспия до Персидского залива. Как понятие политическое Иран — крупное государство, занимающее большую часть территории Иранского плато, за исключением крайних восточных областей. Таким образом, с географической точки зрения рассматриваемый регион включает в себя обширную Карунскую (Хузистанскую) низменность, являющуюся восточным продолжением Месопотамской аллювиальной равнины (историческая Сузиана), и огибающие ее с севера на юго-восток горные области Загроса (древний Аншан, Элимаида античных авторов). С точки зрения политических рамок Юго-Западный Иран включает в себя современную иранскую провинцию (остан) Хузистан, а также частично территории главных губернаторств страны — Луристана, Бахтиарии и Бойерахмеди — Сердсир-Кохгилуйе.

Юго-Западный Иран как историко-географическая область сохранял свою важность и значение на протяжении многих веков. Сузиана являлась одним из центров развития раннеземледельческих культур Месопотамии. Центральный город области — Сузы — стал столицей Эламского царства, объединившего в своих границах плодородные орошаемые долины Сузианы и богатые древесиной и полезными ископаемыми плоскогорья и горные районы Аншана-Элимаиды. Народы этого региона в составе империи Ахеменидов имели более развитые социально-экономические отношения, язык и письменность.

После недолгого вхождения этих территорий в состав Ассирийской державы и Вавилонии Юго-Западный Иран был захвачен Ахеменидами, организовавшими здесь сатрапию своего царства. Сузы стали административной столицей, где располагались центральный аппарат государства вместе с царской канцелярией, государственная казна и сокровищница. Провинция Элам, включившая в свои границы Сузиану и горные районы Элиманды, став наряду с Персидой и Мидией столицей сатрапией, приобрела важное экономическое и политическое значение в Персидской державе. С этих пор история рассматриваемых территорий неразрывно связана с историей Ирана.

В результате завоевательных походов Александра Македонского было создано огромное государство, включившее в свой состав остатки некогда могущественной, но уже побежденной греко-македонцами империи Ахеменидов. После смерти македонского царя в 323 г. до н. э. правителям эллинистической династии Селевкидов удалось объединить в единое государственное образование восточные области этого рыхлого конгломерата территорий, неоднородных по географическим условиям, уровню развития экономики, этническому составу населения. Юго-Западный Иран стал составной частью царства Селевкидов.

Приход в Юго-Западный Иран греков и македонцев не мог не отразиться на социально-экономической структуре общества. В застойную среду древневосточной экономики были внесены отношения нового, более развитого типа — отношения античного рабства. Изменяются социальная структура и этнический состав населения региона. Завоевателям удалось подчинить своему контролю в основном лишь равнинные части области, в то время как население предгорий и горных областей оставалось чаще всего не затронутым новыми веяниями в экономической и социальной жизни. Сузы, так же как и несколько других городских центров Юго-Западного Ирана, приобретают статус греческого полиса, особого социально-политического объединения греко-македонского населения, получившего в историографии название восточноэллинистического полиса².

Указанные изменения в области социально-экономической жизни становятся отчетливо выраженными после перехода региона под власть парфянских царей. Это завоевание не могло не способствовать установлению более тесных экономических связей как с соседними областями, так и между оседлым земледельческим населением и скотоводами предгорий и гор. Аршакиды, захватившие Юго-Западный Иран во II в. до н. э., столкнулись с наследием греко-македонских завоевателей во многих областях жизни и прежде всего с самоуправляющимися восточноэллинистическими полисами.

Парфянское завоевание не смогло в полной мере затронуть некоторые удаленные, периферийные районы страны. Знать

таких областей, пользуясь временным ослаблением контроля со стороны центральной власти, постоянно стремилась к сепаратизму. Результатом этого процесса явилось формирование в границах Парфянской державы ряда полуавтономных государственных образований, лишь номинально подчинявшихся суверенитету аршакидских владык. Такие «вассальные» царства — Элиманда и Харакена — образовались на территории Юго-Западного Ирана в эпоху парфянского господства, что также повлияло на экономику и социальную жизнь региона.

Постепенно Юго-Западный Иран приобретает значение своеобразной буферной зоны между развитой в социально-экономическом и культурном отношении Месопотамией, где наблюдалось смешение многих языков и этносов, и ираноязычной Персидой, остававшейся традиционно в стороне от бурных экономических, политических и социальных потрясений, меньше подверженной новациям смутных периодов истории.

Поразительное смешение этнических групп и языков народов, населявших Юго-Западный Иран, особенности развития экономики, на которую накладывало свой отпечаток близкое соседство земледельцев равнин и скотоводов гор и предгорий, постоянные контакты между ними, длительное существование замкнутых полисных общин, особенности процесса государственной дезинтеграции, наметившегося при Селевкидах и получившего наиболее яркое проявление при парфянах, а также традиционное экономическое и политическое значение региона в рамках указанных государственных образований позволяют рассматривать Юго-Западный Иран в качестве миниатюрной копии государств Селевкидов и Аршакидов. Этот регион вообрал в себя все характерные черты и противоречия этих могучих держав древности, что дает возможность при исследовании ряда аспектов его истории получить, правда с известными оговорками, своеобразные модели указанных государственных образований.

Таким образом, основными задачами исследования являются анализ характера изменений, происходивших в жизни населения Юго-Западного Ирана, выяснение роли греко-македонского этнического компонента и степени его интеграции в массив местного населения, определение значения такого социально-политического образования, как восточноэллинистический полис в структуре государств Селевкидов и парфян, рассмотрение уровня развития экономики и рабства, в частности. Общую картину социально-экономических отношений в регионе, а также механизм взаимодействия оседлого и кочевого населения невозможно представить и без анализа развития сельской округи Сузианы, эволюции сельских поселений. На основе преимущественно эмпирического материала предполагается рассмотреть в работе в частности, как в структуре которого имели свои ярко выраженные особенности города и на сельской территории.

2
ПОЛИСА!

2015/05/30 15:02

Таков круг вопросов, затрагиваемых в данной работе. При этом мы должны отметить следующее обстоятельство. Не приходится сомневаться в том, что указанные изменения модифицировали культуру как коренного населения, так и завоевателей. Однако в силу ограничений объема предлагаемой работы анализ культурных достижений народов Юго-Западного Ирана не проводится.

Поставленные задачи определяют хронологические рамки исследования, которые ограничены, с одной стороны, последней третью IV в. до н. э., с другой — 224 г. н. э., т. е. обнимают период господства в Юго-Западном Иране селевкидских правителей и парфянских царей вплоть до захвата региона Сасанидами. Это время было насыщено бурными политическими событиями, важными изменениями во всех областях жизни народов Юго-Западного Ирана.

Указанный хронологический период является наименее изученным в истории древнего Ирана и, в отличие от других областей, применительно к рассматриваемому региону достаточно полно обеспечен источниками различных категорий. Проблема исследования истории отдельного историко-географического региона, включенного в качестве политической и административной единицы в государственное образование, становится еще более актуальной, если обратить внимание на то, что в современной исторической литературе пока нет работ, в которых удалось бы проследить и подвергнуть анализу ведущие стороны жизни населения какого-либо отдельного района Ирана в селевкидо-парфянское время. При наличии таких региональных исследований появляется возможность обратиться к разработке сводной истории тех государственных образований, в состав которых входили эти регионы в разные исторические периоды.

Примечания

¹ См.: Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961. С. 6—7.

² См.: Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 1—22.

Глава I.

Источники, историография

§ 1. История археологического изучения

Археологические памятники Юго-Западного Ирана стали активно посещаться европейскими учеными еще в XIX в. Некоторые из них были объектом внимания Г. Роулинсона и Г. А. Лэйярда¹, предпринявших несколько поездок в регион и описавших ряд памятников Хузистана. В 1840 г. городищем Суз заинтересовался английский генерал Уильямс, член комиссии по демаркации турецко-персидской границы². Научное исследование городища было начато в начале 50-х годов XIX в. английским геологом Лофтусом. Он обмерил развалины древних Суз и опубликовал среди находок греческую надпись³. Ему удалось определить, что руины древнего городища принадлежат столице некогда могущественного Элама. С 1884 по 1886 г. здесь были предприняты первые археологические работы под руководством М. и Ж. Дьелафуа. В центре внимания экспедиции находились остатки резиденции персидских царей, обнаруженные на одном из холмов городища, а также развалины храма огня⁴.

Планомерное археологическое изучение Суз началось с 1897 г. под руководством Ж. де Моргана, когда правительство Персии предоставило Французской археологической Миссии монопольное право на производство раскопок⁵. Эти работы продолжались вплоть до конца 70-х годов нашего века с небольшими перерывами. В числе руководителей Французской археологической Миссии, осуществлявшей свои работы как в Сузах, так и на ряде других памятников Юго-Западного Ирана, следует назвать таких известных археологов, как Р. Меккенем (с 1913 г.) и Р. Гиршман (с 1946 г.)⁶.

Проведенные раскопки ранних памятников Юго-Западного Ирана дали множество чрезвычайно интересных материалов конца IV—III тыс. до н. э., в том числе и так называемую «крашеную» (расписную) керамику, анализ которой позволил разработать классификацию древних культур с расписной керамикой, открытую в Месопотамии. К сожалению, значительная часть исследований приходится на время, когда методика таких работ была еще недостаточно совершенна. Погоня за эффектными памятниками более ранних, нежели античная, эпох, пренебрежение к

2015/05/30 15:02

Таков круг вопросов, затрагиваемых в данной работе. При этом мы должны отметить следующее обстоятельство. Не приходится сомневаться в том, что указанные изменения модифицировали культуру как коренного населения, так и завоевателей. Однако в силу ограниченного объема предлагаемой работы анализ культурных достижений народов Юго-Западного Ирана не проводится.

Поставленные задачи определяют хронологические рамки исследования, которые ограничены, с одной стороны, последней третью IV в. до н. э., с другой — 224 г. н. э., т. е. обнимают период господства в Юго-Западном Иране селевкидских правителей и парфянских царей вплоть до захвата региона Сасанидами. Это время было насыщено бурными политическими событиями, важными изменениями во всех областях жизни народов Юго-Западного Ирана.

Указанный хронологический период является наименее изученным в истории древнего Ирана и, в отличие от других областей, применительно к рассматриваемому региону достаточно полно обеспечен источниками различных категорий. Проблема исследования истории отдельного историко-географического региона, включенного в качестве политической и административной единицы в государственное образование, становится еще более актуальной, если обратить внимание на то, что в современной исторической литературе пока нет работ, в которых удалось бы проследить и подвергнуть анализу ведущие стороны жизни населения какого-либо отдельного района Ирана в селевкидо-парфянское время. При наличии таких региональных исследований появляется возможность обратиться к разработке сводной истории тех государственных образований, в состав которых входили эти регионы в разные исторические периоды.

Примечания

¹ См.: Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961. С. 6—7.

² См.: Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 1—22.

Глава I.

Источники, историография

§ 1. История археологического изучения

Археологические памятники Юго-Западного Ирана стали активно посещаться европейскими учеными еще в XIX в. Некоторые из них были объектом внимания Г. Роулисона и Г. А. Лэйярда¹, предпринявших несколько поездок в регион и описавших ряд памятников Хузистана. В 1840 г. городищем Суз заинтересовался английский генерал Уильямс, член комиссии по демаркации турецко-персидской границы². Научное исследование городища было начато в начале 50-х годов XIX в. английским геологом Лофтусом. Он обмерил развалины древних Суз и опубликовал среди находок греческую надпись³. Ему удалось определить, что руины древнего городища принадлежат столице некогда могущественного Элама. С 1884 по 1886 г. здесь были предприняты первые археологические работы под руководством М. и Ж. Дьелафуа. В центре внимания экспедиции находились остатки резиденции персидских царей, обнаруженные на одном из холмов городища, а также развалины храма огня⁴.

Планомерное археологическое изучение Суз началось с 1897 г. под руководством Ж. де Моргана, когда правительство Персии предоставило Французской археологической Миссии монопольное право на производство раскопок⁵. Эти работы продолжались вплоть до конца 70-х годов нашего века с небольшими перерывами. В числе руководителей Французской археологической Миссии, осуществлявшей свои работы как в Сузах, так и на ряде других памятников Юго-Западного Ирана, следует назвать таких известных археологов, как Р. Меккенем (с 1913 г.) и Р. Гиршман (с 1946 г.)⁶.

Проведенные раскопки ранних памятников Юго-Западного Ирана дали множество чрезвычайно интересных материалов конца IV—III тыс. до н. э., в том числе и так называемую «крашеную» (расписную) керамику, анализ которой позволил разработать классификацию древних культур с расписной керамикой, открытых начиная с 1919 г. в Месопотамии. К сожалению, знания о древней истории Юго-Западного Ирана приходится собирать из таких разрозненных источников, которые еще недостаточно совершенны. Погоня за эффектными памятниками более ранних, нежели античная, эпох, пренебрежение к

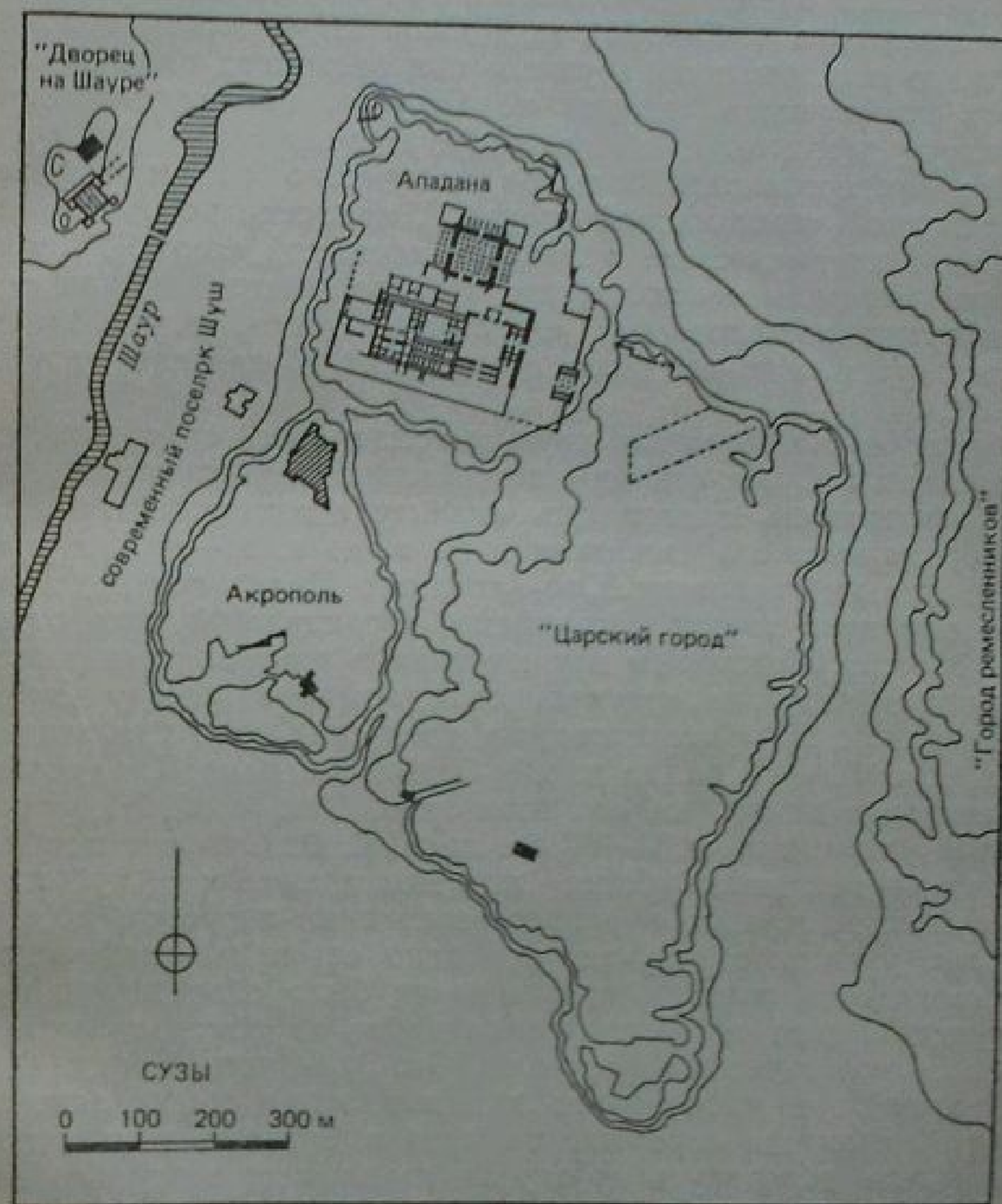
2015/05/30 15:02

жилым комплексам и орудиям труда, а также практически полное отсутствие на первых порах аналогичных материалов соседних регионов мешали научному осмыслению результатов изысканий в Сузiane. Ж. де Морган не уделял должного внимания архитектуре жилых комплексов и типологии погребений. Более поздние селевкидо-парфянские слои сузского городища чаще всего игнорировались. Кроме всего прочего они оказались менее массивными по сравнению, например, с эламскими и ахеменидскими остатками. Ситуация усугублялась тем, что городище Суз было обжито вплоть до XIII в. н. э., что повлекло за собой значительные перестройки на его территории. Почти все находки эллинистического периода происходят из переотложенных слоев, что осложняет их датировку⁷.

Сузское городище имеет вид четырех массивных холмов, растянувшихся в длину на многие сотни метров и достигающих местами в высоту около 40 м⁸. Так называемый «холм акрополя» представляет собой искусственно укрепленную возвышенность, огибаемую с северо-запада рекой Шауром. Здесь находятся остатки царского города эламских правителей. «Холм ападаны», расположенный к северо-востоку от сузского акрополя, скрывает руины дворцов ахеменидских владык, в частности Дария I и Артаксеркса Мнемона, а также развалины ападаны — грандиозного сооружения, построенного Дарием I для устройства торжественных приемов. Раскопки французских археологов начала 70-х годов окончательно выяснили план комплекса ахеменидских дворцов. Он включал в себя монументальные пропилеи, внутренний двор, царский дворец, размещавшийся на прямоугольной террасе размером 400 × 260 м. Сам дворец состоял из 110 комнат, коридоров, дворов общей площадью более 20 тыс. кв. м⁹. В отношении ападаны, площадь которой приближается к 15 тыс. кв. м, удалось определить, что она по своему плану повторяет аналогичное сооружение в Персеполе. Ее потолок держался на 6 рядах колонн высотой почти 20 м, украшенных капителями с изображениями бычьих голов¹⁰. Пропилеи, входное сооружение, размещались в восточной части террасы дворца. Здесь в 1972 г. французскими археологами была найдена статуя Дария I¹¹. В южной части всего дворцового комплекса находились сооружения, скрывающие в своих развалинах сокровищницу, царские склады и ремесленные мастерские.

Неподалеку от дворца Дария (в четырех километрах к северо-востоку) расположено храмовое сооружение, возведенное на искусственной террасе, которое в свое время было исследовано М. Дьелафуа. В центре здания находилось помещение с четырьмя колоннами — храм огня¹². Традиционно оно датировалось ахеменидским временем. Однако недавно Р. Гиршману удалось пересмотреть эту раннюю датировку. Он доказал, что четырехколонный храм огня был возведен позже, в раннеселевкидское время¹³.

В центре сузского городища, к юго-востоку от акрополя, возвышается так называемый «царский город» — бывшая резиденция ахеменидской и сасанидской знати. Наконец, необходимо упомянуть холм в восточной части городища, на котором располагался так называемый «город ремесленников», или «новый город», содержащий кроме более ранних, также и слои селевкидо-парфянского времени. Здесь же был открыт некрополь этого периода¹⁴.

План сузского городища
Карта составлена по: CDAFI. 4. 1974. Fig. I.

Лучше всего к началу III в. н. э. относятся археологические остатки эламской культуры в Сузе. В III в. н. э. здесь же античного периода (конец IV в. до н. э. — III в. н. э.)

по ряду причин, главная из которых была указана выше, исследованы еще недостаточно. Тем не менее раскопки французских археологов, предпринятые под руководством Р. Гиршмана начиная с 1946 г., позволили выделить, в частности, архитектурные остатки селевкидского и парфянского периодов в «царском городе» и «городе ремесленников», давшие возможность определить планировочные решения жилищ и кварталов горожан¹⁵. Были также опубликованы образцы керамики селевкидо-парфянского времени из раскопок Р. Гиршмана в «городе ремесленников» в 1947—1948 гг.¹⁶ Слои III — первой половины II в. до н. э. были обнаружены при раскопках ряда объектов так называемого «дворца на Шауре», принадлежавшего комплексу дворцовых сооружений ахеменидского периода Суз. Из них происходит большое количество образцов фрагментированной чернолаковой посуды¹⁷, аналогии которой имеются среди керамического материала афинской агоры¹⁸. Керамический материал селевкидского времени выявлен и при археологических исследованиях «царского города», а также при недавних раскопках входного сооружения в царский дворец Дария¹⁹.

Благодаря многолетним крупномасштабным археологическим работам в Сузах открыты погребальные сооружения²⁰, дающие возможность подвергнуть анализу практику погребального обряда местного населения в III в. до н. э. — I в. н. э.²¹

Сельские же поселения Юго-Западного Ирана почти не находились в поле зрения сотрудников Французской археологической Миссии. Некоторым исключением в этом плане являются раскопки квартала «ахеменидской деревни», предпринятые Р. Гиршманом. Этот исследователь датировал слои указанного сооружения VII—IV вв. до н. э.²² Однако недавно Д. Стронах передатировал некоторые его горизонты. Так, слой III, относимый Р. Гиршманом к V—IV вв. до н. э., Д. Стронах считает возможным датировать более поздним временем — рубежом IV и III вв. до н. э., т. е. раннеселевкидским периодом²³.

Кроме указанного случая, ни одно селевкидо-парфянское или сасанидское сельское поселение не было обследовано путем стационарных археологических работ за почти столетний период археологического изучения Юго-Западного Ирана. Однако важнейшую информацию для выявления общих закономерностей развития аграрной периферии Сузианы в античное время можно почерпнуть из опубликованных сравнительно недавно исследований, базирующихся на методике сплошного регионального археологического обследования. Такие работы были предприняты на Сузской равнине сначала Р. Мак Адамсом²⁴, затем Р. Дж. Уэнком²⁵. Благодаря им было установлено, что селевкидо-парфянский период в истории региона может рассматриваться как время определенного экономического подъема. Необходимо в связи с этим упомянуть и о разведочных маршрутах по территории древней Элимаиды, предпринятых

в 1976 г., которые преследовали цель установить местоположение столицы царства Камнаскиров — Селевкию на Гедифонте-Солоку²⁶. Они дали образцы керамики парфянского времени и в некоторой степени пополнили нумизматическую коллекцию Юго-Западного Ирана.

Чрезвычайно важный материал по истории храмовых комплексов, расположенных в Юго-Западном Иране на территории древней Элимаиды, получен в результате исследований святилищ Шами, Бард-е Нешанде и Масджид-и Солайман. Храмовый комплекс в Шами был обследован в 1936 г. А. Стейном²⁷. Несмотря на незначительный объем археологических раскопок, удалось выявить великолепные образцы скульптуры селевкидского и парфянского времени. Были определены назначение и планировка храма на священной террасе комплекса.

Остатки другого религиозного комплекса — группы террас с находившимися на них храмами в Масджид-и Солайман — еще в XIX в. привлекли внимание специалистов. В 30—40-х годах прошлого века их посетили Г. Роулинсон и Г. Лэйрд, которые осуществили предварительное обследование памятника²⁸. Э. Херцфельд в 1929 г. и М. Сиру в 1937 г. предприняли описание священных террас и сняли их план²⁹. Планомерные археологические работы здесь были начаты Р. Гиршманом в 1949 г. Ему принадлежит и окончательная публикация результатов раскопок³⁰.

Весьма показательно сравнение архитектуры сельских святилищ иранского населения Элимаиды в Масджид-и Солайман и Бард-е Нешанде. Последнее также исследовал Р. Гиршман³¹. Необходимо отметить, что Бард-е Нешанде осталось не затронутым греко-македонским завоеванием, в отличие от Масджид-и Солайман, где македонцы основали свое военное поселение.

Раскопки этих памятников дали большое число находок, позволяющих во многом по-новому рассмотреть некоторые аспекты социально-экономической и культурной жизни народов Юго-Западного Ирана. В связи с этим важное значение приобретают исследования другой группы источников — наскальных рельефов, официальных памятников правителей и их наместников в этой части древнего Ирана. Рельефы являются одновременно памятниками материальной культуры, искусства, письменности и идеологии. Исполненные в прокламативном стиле, они максимально насыщены информацией, продиктованной экономикой, политикой и идеологией рассматриваемой эпохи. Среди наиболее интересных следует назвать рельефы, обнаруженные в Сузах³², Хунг-и Ноурузи³³, Танг-и Сарваке³⁴, Танг-и Бутане³⁵, Бард-е Нешанде³⁶.

Многочисленные рельефы — в основном бронзовая и бронзовая — стали темой многих пуб-

ликаций³⁷. Для характеристики народно-эстетических воззрений населения Юго-Западного Ирана имеет важное значение анализ такого рода памятников искусства, как коропластика³⁸.

В результате археологических работ как в самих Сузах, так и на многих других памятниках региона было найдено большое число монет селевкидо-парфянского времени. Ж. Ле Ридер опубликовал сводный труд по истории сузского монетного двора³⁹. Другая сводная публикация, осуществленная Ж. Ле Ридером совместно с К. Оже и Р. Кюрие⁴⁰, посвящена нумизматическому материалу, обнаруженному в Масджид-и Солайман и Бард-е Нешанде. Опубликованы и монеты, найденные при исследовании других памятников Сузианы и Элимаиды⁴¹.

Число эпиграфических памятников, освещающих некоторые вопросы истории Сузианы при Селевкидах и Аршакидах, сравнительно невелико⁴². Однако при общем дефиците источников этой категории с территориями Селевкидского и Парфянского царств оно все же весьма представительно. Важно отметить, что практически все надписи, привлекаемые к исследованию, найдены в переотложенных слоях сузского городища, что в определенной мере затрудняет их датировку. Однако часть из них привязывается к определенному историческому периоду благодаря палеографическому анализу текста, остальные имеют датировочные формулы. Надписи на греческом языке несут богатую информацию о государственном устройстве, городском строе полиса Селевкия на Эвлее-Сузы, о взаимоотношениях центральной власти и греко-македонского полисного коллектива как во времена Селевкидов, так и в парфянский период, об экономике, роли рабства, идеологических воззрениях и культурной жизни греков и македонцев, граждан этого восточноэллинистического полиса.

Все перечисленные категории источников по истории Юго-Западного Ирана могут приобрести значимость и важность только при сопоставлении с другими, в первую очередь нарративными источниками. Сведения греческих и латинских авторов при комплексном анализе позволяют дополнить и скорректировать информацию, содержащуюся в источниках иного характера.

Несмотря на достаточно богатый, накопленный к настоящему времени источниковый материал, в современной исторической науке до сих пор нет ни одной работы, объектом исследования в которой стала бы история отдельного региона древнего Ирана, охватывающая не только важный и значительный временной период (от Александра Македонского до первых Сасанидов), но и затрагивающая широкий круг таких проблем, как социально-экономическое развитие, политические связи, роль восточноэллинистического полиса, взаимодействие городских центров и сельской округи, населения равнинных территорий и кочевников предгорий и т. д. Все это в полной

мере относится и к истории Юго-Западного Ирана, включавшего в свои границы равнинные области Сузианы и горные районы Элимаиды.

Еще с конца XIX в., т. е. со времени, когда стали появляться первые серьезные научные труды по истории Ирана и сопредельных областей, в которых с той или иной степенью полноты рассматривалась преимущественно политическая история, Юго-Западный Иран упоминался лишь как регион, бывший ареной политической борьбы в эпоху от Ахеменидов до Сасанидов включительно. При этом, как правило, все эти исследования базировались в основном на источниках нарративного характера на классических языках.

Подобная ситуация объяснялась общим состоянием источниковой базы того времени, не позволявшей подробно анализировать большинство аспектов исторического развития какого-либо конкретного региона древнего Ирана. Более того, чаще всего такая цель и не ставилась, поскольку далеко не в полной мере была исследована, к примеру, картина политической жизни, восстанавливаемая преимущественно на данных, извлеченных из произведений греко-римских авторов. Естественно, что об анализе экономики, социальной структуры, культуры, который требует привлечения источников иных категорий, не приходится и говорить.

В предлагаемом кратком обзоре невозможно остановиться на всех предшествующих исследованиях по истории древнего Ирана, один перечень которых занял бы много страниц. В связи с этим отметим, что для нашего исследования наибольшее значение имеют работы последних трех-четырёх десятилетий. Поэтому мы не будем обращаться здесь к ранней зарубежной и советской историографии⁴³. Кроме того, на работах, посвященных отдельным частным вопросам, уместно будет остановиться в соответствующих разделах нашей монографии.

Как уже отмечалось, история Юго-Западного Ирана при Селевкидах и парфянах не была объектом специального анализа. Развитию этого региона (вернее, некоторым его аспектам), уделялось внимание либо в общих трудах по истории эллинизма, Селевкидской или Парфянской держав, либо в связи с изучением ряда государств Ближнего и Среднего Востока, территории которых некогда входили в состав упомянутых государственных образований. При этом, как правило, в связи с генеральной темой того или иного исследования проблемы, связанные с историей Юго-Западного Ирана, чаще всего оставались в тени или рассматривались довольно бегло.

Так, в капитальном труде Н. Дибвойза, посвященном политической истории Парфии⁴⁴, автор серьезно изучил все известные к тому времени категории источников. Однако истории Сузианы и Элимаиды он не касается ни вкратце, ни подробно, в связи с основным предметом исследования — историей восточной периферии эллинистического мира. Наряду с

этим особенностью работы Н. Дибвойза является преимущественное, если не сказать исключительное, исследование лишь греко-римских нарративных источников.

В работе Р. Н. Фрая⁴⁵ рассматривается история Ирана с древнейших времен вплоть до X в. н. э. Автор показывает глубокое знание истории и культуры этой страны. Но наряду с этим многие вопросы истории Юго-Западного Ирана в античное время остаются без ответа. Мало того, Р. Н. Фрай даже не использует в своем труде собственно географический термин одной из областей интересующего нас региона — Сузиана, акцентируя свое внимание лишь на главном городе области — Сузах.

Особенно широко и глубоко освещена история Ирана в ряде исследований Р. Гиршмана. Среди них наибольшую ценность представляет его монография «Иран от истоков до прихода ислама»⁴⁶, в которой наряду с проблемами общего характера автор в соответствующих разделах обращает внимание на некоторые аспекты исторического развития древних Сузианы и Элимаиды. Этот же круг вопросов, но более популярно, однако без ущерба для достоверности, рассмотрен в другой, более ранней монографии Р. Гиршмана⁴⁷. Вместе с тем в работах этого автора имеются и некоторые спорные, на наш взгляд, положения. Он, в частности, постоянно подчеркивает наличие полной «гармонии» между парфянскими царями и греческими городами, ссылаясь при этом в основном на Сузы. На самом деле ситуация была иной.

Среди монографий советских авторов, изучающих общие проблемы иранской истории в древности, в первую очередь следует назвать капитальный труд М. М. Дьяконова⁴⁸. В этом исключительно важном исследовании для своего анализа автор привлекает наряду с нарративными другие категории источников, позволяющие во многом по-новому трактовать некоторые проблемы политической и экономической истории Ирана, и в частности Сузианы и Элимаиды. Однако необходимо учитывать, что, например, ряд эпиграфических документов из Суз М. М. Дьяконов датирует не совсем точно, используя не весь их корпус, что в определенной мере снижает ценность некоторых его выводов.

Сохраняет свою значимость исследование А. Г. Бокшанина «Парфия и Рим»⁴⁹, в котором нашел наиболее подробное освещение вопрос о становлении политического дуализма в Передней Азии. Наряду с этим автор вкратце касается и проблематики, связанной с греческим полисом на Востоке, в частности с ролью полиса Селевкия-Сузы в структуре Парфянской державы.

Гораздо менее важны для нас такие работы общего характера по истории Ирана, как очерк М. С. Иванова⁵⁰, коллективный труд ленинградских иранистов⁵¹ и аналогичное более позднее исследование их ленинградских и московских коллег⁵².

В этих работах авторы, изучавшие селевкидо-парфянский период иранской истории, либо вообще не обращаются к проблемам истории Юго-Западного Ирана, либо трактуют их крайне бегло и поверхностно.

Из работ, в которых специально рассматриваются отдельные проблемы истории Сузианы и Элимаиды в интересующий нас период, следует в первую очередь назвать труд Н. В. Пигулевской о городах Ирана в период раннего средневековья⁵³. В этой монографии наряду с анализом ряда вопросов истории Ирана на рубеже древности и средневековья сравнительно подробно анализируется важный эпиграфический документ — послание парфянского царя Артабана II к гражданам Селевкии-Суз, служащее одним из главных источников для характеристики городского строя этого полиса. Недостатком работы является малое привлечение данных других эпиграфических документов этого города.

Особое место в этой связи занимает ряд исследований, осуществленных Г. А. Кошеленко. Ему принадлежат сводка и анализ эпиграфических документов из Суз наряду с сопоставлением их данных с источниками другого рода⁵⁴. В своей монографии, посвященной культуре Парфии, Г. А. Кошеленко уделил определенное внимание основным культурным достижениям народов Сузианы и Элимаиды⁵⁵. В другой его работе по проблематике парфянской культуры в сжатом виде дан анализ культуры и искусства Сузианы⁵⁶. Представляют значительный интерес и важность материалы ряда статей этого автора, в которых анализируются различные аспекты политической, экономической и культурной истории государства парфян (вопросы взаимоотношения греко-македонских гражданских коллективов восточноэллинистических полисов и парфянской администрации, денежная политика первых Аршакидов и др.).

Преимущественно проблеме развития искусства народов Юго-Западного Ирана в античное время в сравнении с более ранним ахеменидским и более поздним сасанидским периодами истории Ирана посвятил свои работы В. Г. Луконин⁵⁷. Однако исследованиям и Г. А. Кошеленко и В. Г. Луконина присущ один общий недостаток: в них практически не учтены предварительные результаты работ в Бард-е Нешанде и Масджид-и Солайман, давшие значительный качественно новый источниковый материал.

Из исследований зарубежных ученых, затрагивавших в основном отдельные моменты истории Юго-Западного Ирана, следует прежде всего назвать публикацию нумизматического материала из раскопок Суз, осуществленную Ж. Ле Ридером. Наряду с этим, используя источники других категорий, ученый написал краткий, но достаточно обстоятельный очерк развития города Суз в селевкидо-парфянское время⁵⁸. Однако политическая и экономическая история этого полиса анализируется автором лишь в общих чертах.

2015/05/30 15:03

Ценной сводкой материала для изучения эволюции сельских поселений Сузской равнины в интересующий нас период является исследование Р. Дж. Уэнка⁵⁹. Ему же принадлежит и краткий анализ этой проблемы⁶⁰.

Для освещения некоторых проблем культуры, искусства и идеологии населения Юго-Западного Ирана особое место принадлежит трудам Р. Гиршмана⁶¹ и Д. Шлюмберже⁶². Ценна в свете поставленных проблем и региональная сводка материалов, посвященных исследованию иранских храмовых комплексов огня, которую осуществил сначала К. Эрдманн⁶³, затем К. Шиппман⁶⁴, хотя в отношении Элимаиды селевкидо-парфянского времени недостаточно, на наш взгляд, учтен материал сельских святилищ Бард-е Нешанде и Масджид-и Солайман.

Предложенный краткий обзор литературы показывает, что на настоящий момент в обширной и фундаментальной научной литературе такому региону Ирана, как его юго-западная часть, уделялось очень мало внимания. В тех же работах, в которых этот регион был предметом специального исследования, анализировались только отдельные аспекты его развития.

§ 2. Юго-Западный Иран в античной традиции

Задачей настоящего раздела является попытка дать сводку наиболее важных данных античной письменной традиции о Юго-Западном Иране: свидетельств античных авторов как собственно о его историческом и географическом центре — Сузиане, так и о соседних, исторически связанных с этой областью территориях⁶⁵, для того чтобы в дальнейшем иметь возможность проверить полученный материал данными других категорий исторических источников (археологическими, эпиграфическими, нумизматическими). Это позволит определить, насколько полна и достоверна информация античных авторов⁶⁶, а также еще раз подчеркнуть роль, значение и, очевидно, настоятельную необходимость привлечения к исследованию иных, нежели античная письменная традиция, видов источникового материала.

Античных авторов, в поле зрения которых был регион Юго-Западного Ирана, немного, и всех их можно условно распределить на следующие группы. Сведения Геродота⁶⁷, Ктесия⁶⁸, Ксенофонта⁶⁹ и Диодора⁷⁰ дают возможность получить данные по истории анализируемого региона в составе Ахеменидского государства. Ряд основных источников по истории походов Александра Македонского на Восток — произведения Диодора⁷¹, Помпея Трога в компиляции Юстина⁷², Квинта Курция Руфа⁷³, Плутарха⁷⁴ и Флавия Арриана⁷⁵, будучи сами по себе вторичными источниками, донесли до нас тем не менее ценнейшую информацию более ранних авторов, современников

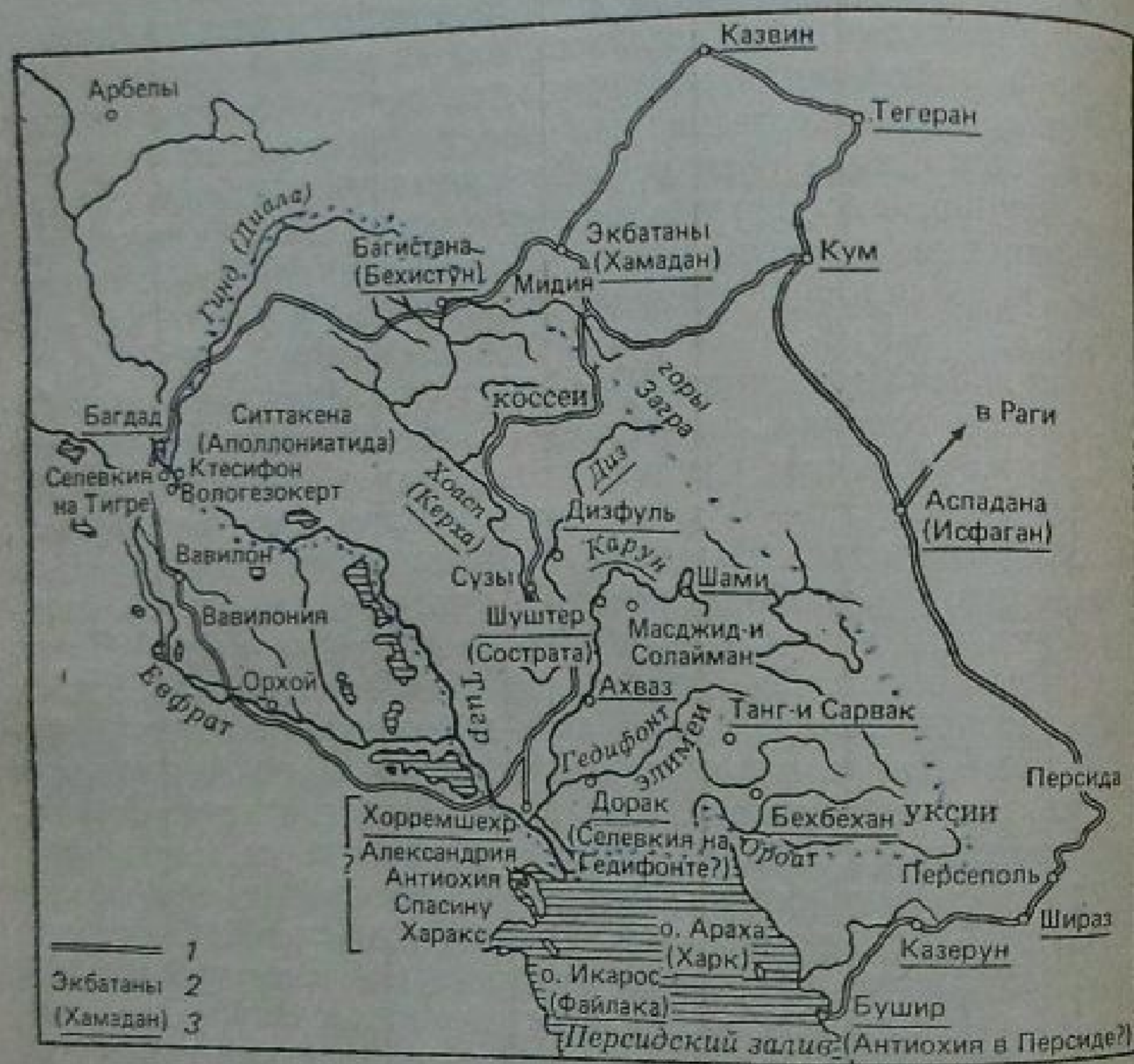
Александра⁷⁶, о восточном походе и об областях Юго-Западного Ирана в составе Селевкидского и Парфянского государств. Страбон⁷⁷, Плиний Старший⁷⁸, Птолемей⁷⁹, Аммиан Марцелин⁸⁰ представляют важные материалы по географии региона, а Полибий⁸¹, Аппиан⁸², Павсаний⁸³, Иосиф Флавий⁸⁴ и ряд других авторов дают сведения о происходивших здесь некоторых политических событиях. Совершенно очевидно, что необходимо использовать и сравнивать разновременные сообщения как перечисленных, так и не названных нами, но эпизодически привлекаемых к исследованию античных авторов. Чаще всего эта информация отрывочна, не синхронна описываемым событиям, что, естественно, вызывает определенные трудности в ее интерпретации. Тем не менее привлечение к анализу данных античной письменной традиции может дать определенное представление о некоторых проблемах истории Юго-Западного Ирана в эпоху от Ахеменидов до первых Сасанидов включительно.

Историческим центром Юго-Западного Ирана являлась Сузиана. Этот топоним, упоминаемый многими античными авторами также в форме Сусида, происходит от названия главного города области — Суз, столицы некогда могущественного Эламского царства. Наиболее подробное описание Сузианы мы находим у Страбона, который отмечает, что Сусида является почти что частью Персиды и расположена между Персидой и Вавилонией. Он считает, что выгодное географическое и стратегическое положение области в свое время оценили персы, которые после завоевания Мидийского царства заложили в Сузах резиденцию своих царей. Сузиана, в отличие от Персиды, родины Ахеменидов, лежала в глубине их государства, соседствуя с Вавилонией, Мидией и Персидой, т. е. наиболее важными областями державы. По мнению Страбона, Сузиана всегда находилась под чужим владычеством и входила как область в более крупные государственные образования. При этом, правда, Страбон отмечает, что сказанное не относится ко временам героическим, разумея под ними эпоху могущества Эламского царства (Strab., XV, 3, 2). Выгодным географическим положением, очевидно, и обусловлено то внимание, которое стали уделять Сузиане правители Ахеменидского царства.

Обратимся к информации античных авторов, которая позволяет рассмотреть географическое положение Сузианы в ахеменидское время и изменение ее границ в последующие периоды, а также роль соседних приграничных областей, входящих в регион Юго-Западного Ирана.

Сузиана, как уже указывалось, была расположена между Персидой и Вавилонией и простиралась на юг до побережья Персидского залива (Diod., II, 2, 1; Ctes., fg. 1b). Южное побережье Сузианы, по словам Непарха, флотоводца Александра Македонского, с юга граничила с Персидой, а на западе — с Евфратом (Strab., XV, 3, 2). Восточная граница Сузианы, по мнению Страбона, проходила по реке Тигрису, а южная — по реке Евфрату. Восточная граница Сузианы, по мнению Страбона, проходила по реке Тигрису, а южная — по реке Евфрату.

лена от Вавилонии руслом реки Гинд (совр. Диала). Эта граница далее на юг проходила по правому берегу реки Тигр, пересекавшей область Ситтакену (Strab., XI, 13, 6) вплоть до озера, в которое Тигр вместе с реками Сузианы впадает, а на этого озера — уже в Персидский залив. Таким образом, в ахеменидское время с запада к Сузиане примыкала Ситтакена, а собственно западная граница региона проходила по правому

Карта-схема Юго-Западного Ирана и соседних областей

- 1 — современные дороги
- 2 — древнее название
- 3 — современное название.

Карта составлена по: Le Rider G. Suse sous les Séleucides et les Parthes. Les trouvailles monétaires et l'histoire de la ville//MMAI. T. 38. Paris, 1965. Carte 1.

берегу Тигра и его притока Гинда. При этом указанные реки традиционно относились к региону Вавилонии (Strab., XVI, 1, 9).

Южной границей региона было побережье Персидского залива (Diod., II, 2, 1; Strab., XV, 3, 2—4; Arr. Ind., 42, 2), а естественной восточной границей с Персидой — река Ороатис (Arr. Ind., 39, 9), которую Страбон называл Ороатидой (Strab., XV, 3, 1; ср.: Ptol, VI, 3), Плиний — Оратисом. По-

следний также считал, что Оратис отделял от Персиды Элимаиду, «соседнюю горную страну» (Plin. N. H., VI, 111), являющуюся частью Сузианы (Arr. Ind., 40, 1). С севера от Мидии Юго-Западный Иран отделялся горами Загроса (совр. Луристан). Восточнее, по сообщению Страбона (Strab., XV, 3, 12; XVI, 1, 17), обитало разбойничье племя паретакенов, которые больше занимались земледелием, нежели западные соседи паретакенов — коссеи (Strab., XVI, 1, 18), являвшиеся в свою очередь южными соседями мидийцев (Arr. Ind., 40, 6; Strab., XI, 13, 6).

Племена коссеев, обитавших восточнее Сузианы в долинах Загроса (Plin. N. H., VI, 134), также характеризуются античными авторами как разбойники, занимавшиеся грабежом. Все они были хорошими бойцами, прекрасными стрелками из лука. Причину их агрессивности пытаются объяснить Страбон и Диодор, которые считают, что коссеи вынуждены жить за счет чужого добра, так как обитают они в небольшой и бедной стране (Strab., XVI, 1, 18; Diod., XVII, 111, 4). Полагаясь на неприступность мест своего обитания и на свою высокую воинскую выучку, коссеи никогда не подчинялись чужеземному властителю; были они независимы и от персидских царей (Diod., XVII, 111, 4; Polyb., V, 44, 7). Коссеи даже получали дары, когда ахеменидские владыки, проведя лето в Экбатанах, покупали себе, таким образом, право проезда по их территории при возвращении в Вавилон (Strab., XI, 13, 6). Диодор, описывая пути, ведущие из Сузианы в Мидию, упоминает две дороги, одна из которых — безопасная, но жаркая и длинная, на 40 дней пути; вторая — трудная и узкая. Последняя, однако, была короче и намного прохладней (Diod., XIX, 19, 2). Именно она, очевидно, и проходила по территории враждебных и воинственных коссеев.

С востока и юго-востока к Сузиане примыкала Элимаида, «суровая страна», жители плодородных областей которой занимались земледелием, а горная часть была населена воинами, являвшимися хорошими лучниками (Strab., XVI, 1, 18; Polyb., V, 44, 9). Арриан сообщает, что они проживали в горных деревушках, построенных в малодоступных местах. В случае угрозы неприятельского вторжения элимен скрывались на неприступных горных вершинах, а затем, после ухода врагов, снова возвращались к разбою, благодаря которому и существовали (Arr. Anab., VII, 15, 2). Плиний считает, что Сузиану отделяла от Элимаиды река Эвлей. На побережье же Персидского залива Элимаида примыкала к Персиде (Plin. N. H., VI, 134—136).

Следует назвать еще одно горное племя Юго-Западного Ирана — уксиев, проживавших к востоку от Сузианы. Территория их обитания находилась по соседству с Сузами. Она несколько вдавалась в персидскую Персиду, оставляя узкий проход между собой (Polyb., V, 44, 9).

2015/05/30 15:03

была обрывистая горная страна с трудно проходимыми ущельями (Strab., XV, 3, 4). Арриан подчеркивал, что уксии являлись соседями с жителями области Сузианы (Arr. Ind., 40, 1, 6), очевидно, ошибочно отождествляя эту племенную группу с элимеями.

Уксии занимались разбоем (Arr. Ind., 40, 1; Plin. N. H., VI, 136) и, так же как элимеи, требовали денег с ахеменидских царей во время их переездов из Суз в Персеполь (Arr. Anab., III, 17, 1; Strab., XV, 3, 4). Арриан делит уксию на равнинных и горных, причем именно горные уксии никогда не были подвластны персидским царям (Arr. Anab., III, 17, 1). Земли равнинных уксию — очень плодородные, орошались обильными водами реки Паситигр (Curt., V, 3, 1). Отсюда, как свидетельствует Диодор, торговцы возили в Вавилонию различные сельскохозяйственные продукты (Diod., XVIII, 67, 3). Что же касается горных уксию, то они проживали в неприступных местах и пройти по этим горным теснинам было практически невозможно (Diod., XVII, 67, 4).

Все эти племенные группы постоянно враждовали друг с другом. Как отмечает Страбон, элимеи воевали с паретакенами, жителями Ситтакены и Сузианы, а уксии в свою очередь вели боевые действия против элимеюв (Strab., XV, 3, 12). В этой борьбе нередко создавались временные союзы: когда элимеи вступили в борьбу с жителями Сузианы и вавилонянами, коссеи, заключив с ними союз, выставили в помощь элимеюм 13 тысяч конных лучников (Strab., XI, 13, 6; XVI, 1, 18). Позже Александр Македонский подчинил эти племена своей власти (Arr. Ind., 40, 7, 8). Но уже в эпоху парфянского господства некоторые из них образуют полуавтономные царства, зависимые от центральной власти Аршакидов (Strab., XVI, 1, 18). Вообще в парфянское время между названными воинственными народами конфликтов наблюдалось уже меньше. Страбон и Юстин объясняют это могуществом парфян, которым удалось распространить свой суверенитет над большинством местных народностей и племен (Strab., XV, 3, 12; Just., XII, 6, 8).

Благодаря Геродоту и Ксенофону становятся известны некоторые элементы боевого вооружения киссийцев. Это — льняной панцирь, традиционный защитный доспех (Xen. Согор., VI, 3, 35). Дополнительную информацию по этому вопросу дает Геродот, сообщающий, что в походе Ксеркса на Элладу участвовали и подразделения киссиев. Они выступили в поход в традиционных персидских одеждах, только вместо войлочных шапок они носили так называемую митру — повязку на лбу, концы которой свешивались по обеим сторонам лица (Her., VII, 62). Именно из Суз выступило войско Ксеркса к Сардам, направляясь в Элладу (Diod., XI, 2, 3). Киссийские всадники были снаряжены подобно своим пехотинцам (Her., VII, 86). В Фермопильском сражении киссийские воины вмес-

те с мидянами являлись ударной силой Ксеркса (Her., VII, 210). Впоследствии полководцам эллинистического времени не раз предоставлялась возможность оценить высокую военную выучку народов Юго-Западного Ирана. Конных элимеюв, например, можно было встретить в войске Антиоха III, когда тот выступил на войну с римлянами (Arr. Сог., 32). Те же элимеи оказали помощь Селевкиду Деметрию II, предпринявшему попытку восстановить свою власть в Месопотамии, которую удалось захватить парфянскому царю Митридату I (Just., XXXVI, 1, 4).

Таким образом, опираясь на сведения античных авторов, мы можем установить, что на территории Юго-Западного Ирана в эпоху Ахеменидов располагались следующие области. Центральную часть региона занимала Сузиана, к ней с северо-запада и запада примыкала плодородная Ситтакена, населенная земледельцами, которая в свою очередь граничила с Вавилонией. Сузиану окружали и земли некоторых, по единодушному мнению античных авторов, «разбойничьих» народов. На севере и северо-востоке — это коссеи, паретакены; элимеи обитали к востоку и юго-востоку от Сузской равнины, непосредственно гранича с уксиями. Последние в свою очередь соседствовали уже с более отдаленной Персидой. В ахеменидское время весь этот регион был объединен в отдельный податный округ и назывался Киссией-Сузианой.

После завоевания этих территорий Александром Македонским центральная часть Юго-Западного Ирана становится отдельной провинцией Сузианой. В селевкидское время между Вавилонией и Сузианой образуется еще одна провинция — Аполлониатида, включавшая территории к востоку от Тигра, в древности называвшиеся Ситтакеной. Страбон считает Ситтакену частью Вавилонии (Strab., XI, 13, 6; XV, 3, 12). Это была обширная и плодородная местность, именно по ее территории проходил путь для едущих из Вавилона в Сузы (Strab., XVI, 1, 17).

Во II в. до н. э. в результате некоторых событий (о них речь пойдет ниже), не нашедших отражения в античной письменной традиции, происходит обособление этой части области в полуавтономное царство Харакена. Столицей его стал город Спасину-Харакс, расположенный в низовьях Тигра. Его описание дают Плиний Старший и Иосиф Флавий (Plin. N. H., VI, 138—139; Jos. Fl. Ant., I, 6, 4), которые отмечают, что этот город был основан еще Александром Македонским и первоначально состоял из двух частей. В первой были поселены жители ранее существовавшего местного города Дурина и уволенные в запас из армии Александра солдаты, во второй — македонцы. Поселение получило название Пелла (по месту рождения Александра). В результате объединения царств был разрушен, а затем восстановлен в 100 г. до н. э. Антиохом III или Антиохом (quintus regnum — «пятым царем») — Антиохом III или

Антионом IV (возможно альтернативное толкование), давшим ему свое имя. Затем он снова был разрушен стихией и вновь восстановлен Спасоном, сыном Сагдодона, царем соседних арабских племен.

Некоторые дополнительные материалы по этому вопросу дает Полибий. Описывая события 222—220 гг. до н. э., связанные с восстанием Молона, этот автор упоминает некоего Пифида, наместника (τὸν ἑταρχόν) Эритрейского моря, и Тихона, стратега области у Эритрейского моря (στρατηγὸν ἐπὶ τοῦς κατὰ τὴν Ἐρυθρὰν θάλατταν τόλους — Polyb., V, 46, 7; 54, 14). Указанная область находилась на юге Вавилонии; она примыкала с запада к Сузиане и называлась Месеной (Strab., II, 11, 31), позже — Харакемой. Скорее всего это была южная часть Ситтакены-Аполлониакиды.

Примерно в это же время консолидируется в отдельное полузависимое от парфян царство и Элиманда, ядро которой располагалось к юго-востоку от Сузской равнины (Plin. N. H., VI, 136). Столицей Элиманды стал город Селевкия на Гедифонте, до прихода греков и македонцев называвшийся Солофонте, до прихода греков и македонцев называвшийся Солофонте (Strab., XVI, 1, 18). Известны провинции этого царства — Массабатика, Габiana и Корбиана (Strab., XI, 13, 6). Страбон перечисляет три удобных доступа в эту страну: один путь из Мидии и области Загроса вел через Массабатику, второй из Сусиды проходил через Габiana, третий шел с востока из Персиды (Strab., XVI, 1, 18). Плиний в связи с этим отмечает, что через Массабатику (по Плинию, Массабатену) проходила удобная дорога в далекую Бактрию (Plin. N. H., VI, 134).

Таким образом, мы видим, что в селевкидскую и парфянскую эпохи происходит некоторое перераспределение территорий Юго-Западного Ирана между вновь организованными царствами. Центральная часть региона — Сузиана — оказывается отрезанной от своих прежних границ (с юга, юго-запада и востока) царством Харакема и Элиманским царством, территории которых прилегали к побережью Персидского залива. На севере и северо-западе границы Сузианы не претерпели каких-либо изменений вплоть до прихода Сасанидов.

Античные авторы высоко оценивали природные богатства территорий Юго-Западного Ирана. Страбон называет Ситтакену обширной и плодородной местностью, упоминая, что перетакены занимались земледелием. Среди элимеев также были земледельцы (Strab., XVI, 17—18). Плодородными и хорошо орошаемыми считались земли равнинных уксиев (Strab., V, 3, 1; Diod., XVII, 67, 3). Неарх говорит о Сузиане как о довольно населенной и богатой стране (Agg. Ind., 42, 5). Аналогичного мнения придерживался и Страбон, отмечая ее плодородие и богатство хлебом, причем урожайность ячменя и пшеницы была чрезвычайно высокой — сам-100, иногда

сам-200 (Strab., XV, 3, 10—11). Такая высокая урожайность зерновых стала следствием того, что при пахоте здесь не проводили частых борозд, так как в этом случае скопление корней могло помешать росту молодых побегов. По сообщению Аристобула, в этой местности выращивали рис (Strab., XV, 1, 18), а Диодор, описывая события 317 г. до н. э., связанные с пребыванием бывшего соратника Александра — Евмена — в Сузиане и снабжением его войск продовольствием, упоминает кроме риса еще сезам и финики, подчеркивая, что эти продукты производились здесь в изобилии (Diod., XIX, 13, 6).

Македонцы, осевшие в этой стране после походов Александра, стали заниматься виноградарством, причем лозу, очевидно, ранее здесь не произраставшую, они принесли с собой. Однако это мог быть и какой-то пока неизвестный в Сузиане сорт винограда. Впрочем, о том, что вавилоняне, например, не знали винограда, как будто бы свидетельствует Геродот (Her., I, 193). Если верить Геродоту, то до прихода в Юго-Западный Иран греков и македонцев, здесь также не был известен виноград. Виноградную лозу македонцы стали выращивать новым, менее трудоемким способом, отличным от традиционного. Они уже не выкапывали специальных ям для лоз, а делали в почве углубления с помощью кольев с железными наконечниками. В полученные таким образом лунки высаживались отростки лозы (Strab., XVI, 3, 11). Очевидно, это было связано с разной степенью качества и плодородия почв в Македонии и Сузиане.

Из-за недостатка строительного леса здесь, так же как и в Вавилонии (Strab., XVI, 1, 5), применяли доски и балки из пальмового дерева. Ствол финиковой пальмы, росшей в Сузиане в изобилии, использовался в строительстве кровли зданий в качестве балок для перекрытия. При этом Страбон отмечает интересные особенности такого строительного материала: балки из финиковой пальмы со временем выгибались в верхней части, лучше поддерживая крышу. Правда, такие балки, как правило, были не очень длинными, что вынуждало строителей возводить дома с узкими и длинными помещениями. К тому же, для улучшения теплоизоляции жилищ в жарком климате равнинной части Юго-Западного Ирана, жители покрывали крыши своих домов значительным слоем земли, тяжести которой длинные балки из дерева финиковой пальмы едва ли выдержали бы (Strab., XV, 3, 10).

Необходимость в таких строительных конструкциях объяснялась своеобразием климата Сузской равнины. Поистине, отмечает Страбон, Сузиана — это «страна, опаленная зноем». Этот автор приводит яркие примеры, доказывая свое утверждение. Холодная вода, выставленная на солнце, моментально нагревалась, а рассыпанные на солнце зерна ячменя начинали «прыгать, как в воде». Летом, когда зной был особенно силен, когда лучи солнца падали на землю, змеи, выходя из нор, начинали прыгать, как в воде.

рискнувшие пересечь городскую улицу, заживо зажаривались
посреди дороги (Strab., XV, 3, 10).

Причиной такой летней жары, по мнению античных авто-
ров, были высокие горы Загроса на севере равнины, которые
перехватывали все ветры, несущие спасительную прохладу. Во-
обще, заключает Страбон, в Сузиане царит безветрие (Strab.,
XV, 3, 10). Что касается других достопримечательностей обла-
сти, то Страбон и Плиний упоминают нефть, которую, в отли-
чие от вавилонского асфальта-битума, первый именует «жид-
ким асфальтом» (Strab., XVI, 1, 15; Plin. N. H., VI, 99). По
сообщению Геродота, в Киссии-Сузиане близ царского поместья
Ардеррика также имелись источники сырой нефти (Her., VI,
119). Возможно, Страбон и Плиний имели в виду именно эти
месторождения.

Какие сведения о реках Юго-Западного Ирана предостав-
ляют античные авторы? Геродот знает лишь одну реку Киссии-
Сузианы — Хоасп. Она судоходна, на ней лежит город Сузы
(Her., I, 188; V, 49, 52). Диодору Хоасп не известен; по его
сведениям, здесь протекало несколько других рек — Тигр, Па-
ситигр, Копрат и Эвлей. Наиболее крупная река — это, по мне-
нию Диодора, Паситигр, которая берет начало в стране уксии-
ев. Ее бурные воды на протяжении тысячи стадиев несутся по
горным ущельям и пропастям; затем она орошает равнину и,
пройдя 600 стадиев, впадает в Персидский залив (Diod.,
XVII, 67, 2). В данном случае, как нам представляется, Дио-
дор ошибочно называет эту реку Тигром, поскольку в других
частях своего произведения Паситигр локализуется им в Сузи-
ане, но никак не в Вавилонии, где Тигр и протекает. Евмен и
его армия, направляясь в Персию, пересекли эту реку (Diod.,
XIX, 21, 2). Ксенофил, хранитель сузской сокровищницы, встре-
тил Антигона, который возвращался из Персиды в Сузы, на
реке Паситигре (Diod., XIX, 48, 6). Наконец, понтонный мост,
по которому переправился Евмен (Diod., XIX, 18, 4), нахо-
дился именно на Паситигре в Сузиане, а не на Тигре. Впро-
чем, Диодор все же видит разницу между Тигром, протекаю-
щим намного западнее, который отделял Вавилонию от Сит-
такены, и Паситигром, рекой Юго-Западного Ирана (Diod.,
XVII, 110, 3; 67, 1—2). Притоком Паситигра является река
Копрат, берущая начало из горных районов. Наконец, Дио-
дору известна еще одна река региона — Эвлей, на которой, по
его словам, находится поселение Бадаке (Diod., XIX, 18, 3).

Квинт Курций Руф называет лишь Хоасп и Паситигр, под-
черкивая, что Паситигр берет начало в горах уксииев и на про-
тяжении 50 стадиев (по Диодору, 1000 стадиев) несет по
камням среди лесистых берегов. Лишь после этого река течет
по равнине в более ровном русле до Персидского залива. Па-
ситигр в этой части судоходен, причем от Суз до него к восто-
ку — четыре перехода. Курций Руф, так же как и Диодор,
иногда именуется эту реку Тигром, но поясняет, что местные жи-

тели называют ее Паситигром (Curt., V, 3, 1—2). Вторая ре-
ка, известная Квинту Курцию Руфу, это Хоасп, русло которого
располагалось вблизи Суз, несколько западнее города. Именно
на этой реке Александр встретил сатрапа Сузианы Абулита,
который сдал город без боя македонскому царю (Curt., V,
2, 9).

Информация Страбона о реках Юго-Западного Ирана бо-
лее пространна и в определенной степени запутана. Так же
как и Геродот, Страбон считает, что Сузы лежат на реке Хо-
аспе, истоки которой находятся в стране уксииев (Strab., I, 3,
1; XV, 3, 4). Восточнее Хоаспа расположены реки Копрат и
Паситигр (так же, как и Хоасп, берущий начало из страны ук-
сииев); все они несут свои воды по Сузиане и впадают в Персид-
ский залив (Strab., XV, 3, 6).

Поликлету, чьи сведения приводит Страбон, известны Хоасп,
Тигр и Эвлей, которые, по его мнению, судоходны. Эти реки
впадают в некое озеро, а из него — в Персидский залив. Одна-
ко, как подчеркивает Страбон, «другие говорят», что реки, про-
текающие через Сусиду, сливаются в одно русло, а именно в
русло Тигра (напротив промежуточных каналов Евфрата).
Поэтому Тигр при устьях называется Паситигром (Strab.,
XV, 3, 4). В данном случае, это не Тигр Вавилонии, поскольку,
как сообщает Страбон, если проплыть вверх по Паситигру
150 стадий, встретится понтонный мост, находящийся в 60 ста-
диях от Суз. Следовательно, город располагался на расстоянии
210 стадий от побережья Персидского залива. Но Страбон ло-
кализует некое сузианское поселение близ устья Тигра в 500
стадиях от Суз (Strab., XV, 3, 5), и здесь имеется в виду
именно река Вавилонии, а не Сузианы. Таким образом, место
впадения Паситигра в Персидский залив было расположено
восточнее устья Тигра и впадающих в него Хоаспа и Эвлея.
Перечисление Страбоном рек Сузианы в направлении с запада
на восток также довольно показательное: после Хоаспа следу-
ют Копрат и Паситигр. Следовательно, мнение о том, что ниж-
нее течение Тигра называлось Паситигром, никак не может
относиться к вавилонскому Тигру, располагавшемуся к запа-
ду от Хоаспа.

Арриан не знает Хоаспа и Копрата, зато ему хорошо извест-
ны Эвлей и Паситигр. Описывая возвращение флота Неварха из
Индии, он отмечает следующее (Arr. Ind., 42, 1—7): известие
о прибытии Александра в Сузиану Неварх получил тогда, ког-
да его флот был на стоянке в устье Евфрата у вавилонского
селения Диридотис. Отсюда флот двинулся назад, на восток, с
тем, чтобы, достигнув Паситигра и поднявшись по этой реке,
соединиться с Александром. Имея слева берег Сузианы, флот
Неварха миновал заболоченное озеро, в которое впадает Тигр
(вавилонский) и впадает в Персидский залив. От Суз
на расстоянии около 500 стадий (Curt., по сообщению) рассто-
яния, это, очевидно, и есть то поселение, которое упоминает

Страбон) (Strab., XV, 3, 5), и достиг устья Паситигра. Затем флот поднялся вверх по Паситигру, где у поитонного моста соединился с армией Александра.

Расположение Паситигра к востоку от Суз подтверждается сведениями о том, что, покинув этот город, именно Паситиг форсировал Александр, направляясь усмирять уксие (Агг. Анаб., III, 17, 1). Арриан дает некоторые дополнительные сведения и об Эвлее (Агг. Анаб., VII, 1—2; 7, 6). Прежде всего, по его мнению, эта река была судоходна, имела свое отдельное от Тигра (вавилонского) устье, а также соединялась до впадения в Персидский залив каналом, прорытым к Тигру, по которому Александр смог переправить в Вавилонию часть своих кораблей.

Плиний сообщает, что исток Эвлея находился в Мидии (Plin. N. H., VI, 135), с ним солидарен и Птолемей (Ptol., VI, 3). Затем Эвлей пересекал горы Загроса, огибал сузский акрополь и впадал в Персидский залив (Plin. N. H., VI, 135—136). Между его устьем и устьем Тигра Александр построил город, первоначально называвшийся Пеллой, в дальнейшем — Александрией, Антиохией и, наконец, Спасину-Хараксом. Эвлей, как считает Плиний, принимал два притока: Гедифон, бравший начало с гор, отделявших Сузиану от Персиды, и Адуну, чей исток был в Сузиане (Plin. N. H., VI, 135). Кроме этих притоков, со ссылкой на Онесикрита, упоминается еще река Гранис, орошавшая земли Сузской равнины (Plin. N. H., VI, 99). Птолемей более краток в отношении притоков Эвлея. Он только констатирует их наличие, отмечая при этом, что некоторые из них впадают в Эвлей еще в Мидии, другие — в Сузиане (Ptol., VI, 3). Кроме Эвлея Плиний называет реку Хоасп, которая, по его мнению, проходя между Селевкией и Кте-сифоном, впадает сначала в так называемые Халдейские озера, а затем уже в Персидский залив (Plin. N. H., VI, 130). Известен Плинию и Паситигр, который упоминается в связи с возвращением Александра Македонского из восточного похода. По Паситигру флот царя поднялся к Сузам (Plin. N. H., VI, 134). В Элимаде Плиний локализует некие реки Бриксу и Ортаксию (Plin. N. H., VI, 134).

Наконец, упомянем информацию Павсания, который локализует Сузы на реке Хоаспе (Paus., X, 31, 7), и мнение Аммиана Марцеллина о реках Юго-Западного Ирана. Оно довольно лаконично и в определенной степени загадочно. Ни одной из перечисленных рек Аммиан Марцеллин не знает. Описывая районы Персии, известные ему, он упоминает Сузиану. Среди наиболее важных рек Сузианы Аммиан Марцеллин называет Ороат, Харакс и Мосей (Oroates et Naгах et Mosaeus — Амт. Магс., XXIII, 6, 26). Эти реки, как он считает, пересекают с севера на юг весь Иран, поскольку в песчаных степях, отделяющих Каспийское (Гирканское) море от Красного, они образуют множество озер. Уже одно упоминание о

песчаных степях вызывает определенные сомнения, равно как и констатация наличия здесь множества озер. Если первую из упомянутых рек можно попытаться идентифицировать с Ороатом Арриана, Ороатидой Страбона или Оратисом Плиния, отделявшим Юго-Западный Иран от Персиды, то о двух остальных приходится лишь строить предположения.

Некоторые античные авторы отмечают не совсем обычные свойства воды ряда рек Юго-Западного Ирана. Страбон пишет, что вода Эвлея отличалась своими оригинальными качествами: она была самой легкой из всех, «так что вес аттической котилы этой воды на драхму легче другой воды». Именно поэтому ахеменидские цари предпочитали пить воду из Эвлея (Strab., XV, 3, 22). По мнению Плиния, аршакидские монархи поступали так же (Plin. N. H., VI, 135; XXXI, 35). Впрочем, подобные неожиданные оценки качества воды, но уже для реки Хоаспа дают Геродот и Квинт Курций Руф. Первый сообщает, что кипяченую воду из этой реки всегда возили в серебряных сосудах за персидскими царями, а Кир II пил исключительно воду этой реки (Her., I, 188; ср.: Aelian V. N., XII, 40)⁸⁵; Курций Руф просто констатирует, что вода Хоаспа была очень вкусна (Curt., V, 2, 9).

Анализ сведений античных авторов о реках Юго-Западного Ирана дает возможность заключить, что вопрос об их идентификации с современными водными протоками рассматриваемого региона только на основе используемой категории исторических источников решить невозможно. Очевидно, в разные периоды к одним и тем же рекам Юго-Западного Ирана прилагались разные названия, что и нашло свое отражение в столь разновременных источниках.

Античные авторы оставили многочисленные свидетельства о главном городе Юго-Западного Ирана, бывшей столице Эламского царства — Сузах. Попытаемся дать сводку этой информации. Как уже отмечалось, Сузиана попадает в поле зрения ахеменидских царей уже в середине VI в. до н. э. К этому времени относится передаваемая Ксенофонтом романтическая новелла о любви ассирийского вельможи Абдарата, называемого царем Суз (ὁ Σουσῶν βασιλεύς), и прекрасной сузианки Панфеи, самой красивой, по мнению древних, женщины в Азии (Xen. Cyrop., IV, 6, 11; VIII, 3, 2—16; XVI, 1, 31—51). Ценность этого рассказа заключается не только в его высоких художественных особенностях, но и в том, что он дает возможность узнать имя (очевидно, легендарное) последнего ассирийского наместника Элама. Кир II превратил Сузы в одну из столиц своей державы. Ксенофонт сообщает, что царь избрал местом жительства центральные районы своего царства, где и основал три столицы-резиденции (четвертой остались Пасаргады). В Сузах же он основал и свою резиденцию, поскольку климат там был самым приятным.

2015/05/30 15:04

жил в Сузах, а в разгар лета переезжал в Экбатаны (Херодот., VIII, 6, 22; Анаб., III, 5, 15; Diod., I, 46, 4). Сузы, таким образом, стали весенней резиденцией и административным центром персидских царей. Здесь находилась и часть государственной казны.

Геродот, рассматривая административное устройство Ахеменидской державы V в. до н. э., помещает Сузиану в восьмой податной округ, отмечая, что из Суз и остальной Киссии поступало в казну 300 талантов в качестве ежегодного взноса (Нег., III, 91; V, 49).

Некоторые античные авторы донесли до нас легендарные свидетельства об основании центрального города Юго-Западного Ирана — Суз. По их мнению, Сузы основал Тифон, отец Мемнона, эфиопского царя, союзника троянцев в войне с ахейцами. Поэтому акрополь Суз стали традиционно называть Мемнонием (Diod., I, 22, 3; Strab., XV, 3, 2). Плиний считает, что Сузы стали столичным городом Ахеменидов при Дарии, сыне Гистаспа (Plin. N. H., VI, 133). Жителей города именовали киссиями (Strab., XV, 3, 2), также как всю страну Геродот называет Киссией (Нег., III, 91). Между прочим Эсхил в трагедии «Персы» указывает, что мать Мемнона носила имя Киссии, а жители города называли себя киссийцами (Aesch. Pers., 117—119, 555, 1019).

Геродот называет Мемнонием царский дворец в Сузах (Βασιλῆα τὰ Μερμόνια καλεῖμενα — Нег., V, 52). Архитектура сузского дворца стала своеобразным эталоном для прочих роскошных построек этого типа. Павсаний передает заявление Агесилая о том, что, хотя Сарды ахеменидского времени превосходили все города богатством и красотой, дворец сардского сатрапа тем не менее устроен так же, как царский дворец в Сузах (Paus., III, 9, 5). Сузский дворец, построенный, как и городские стены, из обожженного кирпича и асфальта, был украшен больше, чем подобные сооружения в Персеполе и Пасаргадах (Strab., XV, 3, 2—3). Интересно мнение Павсания, который скептически заметил, что ни он сам не видел городских стен в Мемноновых Сузах (Σοῦσα Μερμόνια), ни от другого кого-либо не слышал, кто видел бы их собственными глазами (Paus., IV, 31, 5). То же самое говорит и Поликлет у Страбона (Strab., XV, 3, 2), а сам Страбон дополнительно информирует о том, что в окрестности Сузы имели 200 стадий (около 35—40 км). По его словам, в Сузах на акрополе каждому царю сооружали в виде памятника его правления особое жилище, сокровищницы, склады для полученной дани. Слухи о величине этих сокровищ и ценности даров были общезвестны. Так, например, тиран Милета Аристагор, призывая спартанцев к походу на Персию, заявил: «Если вы завоюете этот город, то смело можете спорить в богатстве с самим Зевсом» (Нег., V, 49). Ценности сузской сокровищницы пополнялись не только за

счет покоренных народов и различных даров. Часть их — это богатства, конфискованные ахеменидскими правителями у некоторых преступных должностных лиц (Нег., III, 28). Широко были известны и сокровищницы сузских храмов. О существовании храма Анахиты (Ἀφροδίτης Ἀναΐτιδος) в Сузах со времени Артаксеркса II как будто бы свидетельствует Берос⁸⁶ (FHG, II, 1848, p. 509, fig. 16). Очевидно, именно этот храм имел в виду Плиний, помещая его близ сузского акрополя на берегу Эвлея (Plin. N. H., VI, 135).

Административный и столичный центр Персидской державы был связан с западными сатрапиями хорошо охраняемой и обеспеченной стоянками «царской дорогой», которая пересекала реку Хоасп, вела далее на северо-запад через Арбелы, Армению, Каппадокию в Лидию и Фракию вплоть до Эфеса (Нег., V, 52). Судходным Хоаспом из Суз можно было достичь Персидского залива.

В Сузиане и в столице кроме местного населения и персов проживало немало иноземцев. Еще в 525 г. до н. э., когда Камбиз захватил Египет и превратил его в сатрапию своего государства, он насильно переселил в Сузы последнего фараона XXVI династии вместе с шестью тысячами египтян (Ctes., fig. 29, 9). Ктесий ошибочно называет этого фараона Амиртеем — описываемые события приходятся на время правления Псамметиха III, сына Амасиса, Амиртей же правил позже, около 415 г. до н. э. Близ Суз в поместье Дария Ардеррика были поселены эретрийцы с острова Эвбея, оказавшие сопротивление персам в 490 г. до н. э. (Нег., VI, 119). Интересную информацию о судьбе этих переселенцев дает Флавий Филострат, греческий автор эпохи Римской империи⁸⁷. Они занимались земледелием, причем для защиты от кочевников-киссиев, наносивших урон посевам, свое поселение и пашни эретрийцы окружили искусственным рвом, по которому пустили воду. Качество почв в этом районе Сузианы было низким, очевидно, из-за значительного засоления. К тому же, как это следует из текста Филострата, находившиеся вблизи открытые месторождения нефтепродуктов («смесь смолы, масла и воды») также ухудшали плодородие земли. Когда в I в. н. э. эти места посетил Аполлоний из Тианы, он обратил внимание на святилища эретрийцев, устроенные по эллинскому образцу, а также на надгробья, украшенные рельефами с греческими надписями. Если в IV в. до н. э. эретрийцы еще говорили на греческом языке и помнили эллинскую поэзию, то к I в. н. э. потомки первопоселенцев уже забыли язык предков и обходились местным (Philostr. Vit. Apoll., I, 23—24).

По свидетельству Диодора, на севере Сузианы проживали беотийцы, насильственно переселенные сюда после похода Ксеркса на Грецию в 480 г. до н. э. Диодор сообщает, что в течение 150 лет после этого события, беотийцы не знали своего языка, а говорили на языке, который знали местные (Diod. Sic., XII, 110, 4—6).

2015/05/30 15:04

Иногда греки попадали в этот район Ирана и по собственной воле. Так, некий Демокед из Кротона, исцеливший Дария, получил, по словам Геродота, дом для жилья в Сузах и был наделен особыми царскими привилегиями (Heg., III, 129—132). Очевидно, греки состояли и в большом штате переводчиков, содержащихся при царском дворце (Heg., III, 140). Проживали в Сузах и иудеи (Jos. Fl. Ant., XI, 1—2), например виночерпий царя Неемия (Jos. Fl. Ant., XI, 5, 6).

Античные авторы — историки походов Александра — более или менее подробно описывают захват Сузианы и самого города. Арриан (Agg. Anab., III, 16, 1—2) вскрывает тактический замысел Дария III, по расчетам которого Александр после убедительной победы при Гавгамелах не преминул бы захватить Вавилон и Сузы, так как дорога для обоза туда не трудная, а места, по которым придется передвигаться армии, густонаселенные. Отдавая эти богатейшие города македонскому царю без боя, Дарий, бежавший тем временем в Мидию, надеялся получить передышку и накопить силы для отпора. Ему казалось, что Александр и его войско надолго задержатся в этих городах для грабежа и отдыха. Время будет работать на Дария, так как путь в гористую Мидию сложен и пройти туда большому войску Александра нелегко.

Замысел Дария подтвердился лишь отчасти. После сражения при Гавгамелах Александр послал своего казначея Филоксена с небольшим отрядом в Сузы. Сам он тем временем беспрепятственно вступил в Вавилон и, не задерживаясь, сразу же направился в Сузы. На марше к этому городу передовые отряды во главе с царем встретили Оксафра, сына персидского сатрапа Сузианы Абулита, с письмом от Филоксена, в котором сообщалось, что жители Суз сдают Александру и город и казна (Agg. Anab., III, 16, 6; Curt., V, 2, 8). По мнению Диодора добровольная сдача Суз была санкционирована самим Дарием по тем же причинам, которые изложил Арриан (Diod., XVII, 65, 5; Agg. Anab., III, 16, 1—2). Курций Руф не разделяет этой точки зрения, считая, что причина добровольной сдачи города либо заключалась в желании Дария удержать македонцев от грабежа сокровищ, либо объяснялась действиями сатрапа Абулита, который добровольно решил на этот шаг для того, чтобы сохранить за собой в дальнейшем пост сатрапа Сузианы (Curt., V, 2, 8).

Так или иначе после 20-дневного перехода армия Александра без сопротивления заняла Сузы. Проводником ее был уже упоминавшийся сын Абулита (Curt., V, 2, 9). Его имя известно, между прочим, еще из сообщения Арриана, который, описывая битву при Гавгамелах, упоминает его в качестве командира отряда сузианцев и уксийев в войске Дария под именем Оксафра (Agg. Anab., III, 8, 5).

При подходе к Сузам у реки Хоаспа Александра встретил сам Абулит с щедрыми подарками, «достойными царя» (Curt., V, 2, 8).

donis regalis opulentiae — Curt., V, 2, 9). Абулит не ошибся в своих предположениях: в дальнейшем Александр оставил за ним сатрапию (Curt., V, 2, 17), а его сын был назначен сатрапом соседней Паретакены (Agg. Anab., III, 19, 5).

О количестве захваченных в Сузах сокровищ наиболее лаконично сообщает Юстин, который передает, что Александр нашел здесь 40 тыс. талантов (Iust., XI, 14, 9). Плутарх в этой связи отмечает, что кроме указанной суммы деньгами, Александр захватил огромное количество утвари и различных ценностей, среди которых находились дорогие пурпурные ткани, которые, пролежав в сокровищнице почти два века, сохранили свой первоначальный вид. Со ссылкой на Диона из Колофона в числе богатств сузской сокровищницы Плутарх упоминает сосуды с водой из Нила и Истра, наличие которых как бы символизировало размах и могущество власти персидских царей (Plut. Alex., 36).

В сообщении Диодора о захваченных сокровищах фигурирует та же цифра — 40 тыс. талантов золота и серебра, но в слитках. Это был, по его мнению, своеобразный неприкосновенный запас персидских царей. Кроме того, здесь оказалось еще 9 тыс. талантов чеканной монетой — дариками (Diod., XVII, 66, 1—2). Сведения Арриана почти аналогичны: «тысячи 50 талантов серебром и прочее царское имущество» (Agg. Anab., III, 16, 7). Оказавшиеся в сокровищнице медные статуи Гармодия и Аристокитона, убийц сына тирана Писистрата, вывезенные Ксерксом в качестве трофея из Эллады, Александр отправил обратно в Афины, где они были установлены в Керамике на площадке у подъема на акрополь (Agg. Anab., III, 16, 7—8). Известно, что по приказу персидских царей во время греко-персидских войн из Греции в качестве трофеев вывозились изображения эллинских богов и посвященные им предметы. Все они, как отмечает Арриан, доставлялись в персидские города и, в частности, в Сузы (Agg. Anab., VII, 19, 2). Это была обычная практика завоевателей — оскверняя священные для других народов кумиры, они выставляли их на всеобщее обозрение в своих городах, прокламируя тем самым свою власть над завоеванными. Кстати говоря, один из таких кумиров, вывезенных из Эллады в Персию, был замечен еще Фемистоклом в Сардах в местном храме Матери богов. Это была медная статуя гидрофоры. Однако попытка вернуть этот священный предмет в Афины закончилась, как известно, безрезультатно (Plut. Them., 31).

В ознаменование успешного захвата Суз македонский царь совершил, как сообщает Арриан, жертвоприношения по «образцам отечественным» и учредил празднество с гимнастическими состязаниями. По его приказу был проведен факельный бег (Agg. Anab., III, 16, 9).

Описывая предшествующие события, Плутарх и Юстин упоминают еще о некоторых трофеях, захваченных в Сузах, а также о том, что Александр подарил Абулиту 30 талантов золота. Плутарх упоминает еще о некоторых трофеях, захваченных в Сузах, а также о том, что Александр подарил Абулиту 30 талантов золота.

2015/05/30 15:04

Плутарха, Квинта Курция Руфа и Диодора, Александр впервые здесь, в одной из столиц персидской державы, воссел на трон ахеменидских владык. У Плутарха эта сцена лишена каких-либо драматических подробностей: Александр просто как бы примерил под себя трон Дария (Plut. Alex., 37; Plut. De fort. Alex., 329 D). У Диодора и Квинта Курция Руфа данная символическая церемония перехода трона персидских царей к македонскому завоевателю показана более подробно и не лишена драматической окраски. Трон оказался высок для роста Александра, и приближенным пришлось ему под ноги подставить столик, за которым Дарий обычно совершал трапезу. Македонцы в этом увидели «волю и промысел благого демона», повергнувшего страну к ногам победителя, а бывшие слуги Дария — изменчивость судьбы и унижение перед властью македонцев (Diod., XVII, 66, 3—7; Curt., V, 2, 13—15). Так или иначе этот символический акт еще больше укрепил права завоевателей над побежденным царством персов и показал верность Александра своему союзническому долгу, повинувшись которому он совершал свой поход «отмщения» за те бедствия, которые претерпели эллины в ходе греко-персидских войн.

Надежды Дария на задержку войск македонского царя в Сузах не оправдались: вскоре тот выступил на захват Персеполя. Предварительно Александр оформил систему управления Сузианой. Перс Абулит, как упоминалось, сохранил за собой пост сатрапа Сузианы (Curt., V, 2, 17; Agg. Anab., III, 16). Стратегом области был назначен Архелай, сын Феодора (Agg. Anab., III, 16, 9). Ему был вверен гарнизон в 3 тысячи человек (Curt., V, 2, 16), не считая выслуживших свой срок македонцев-ветеранов, которых Александр оставил в городе во главе крепостной стражи. Командовал ими Ксенофил. Хранителем сузской сокровищницы был назначен Калликрат (Curt., V, 2, 16—17). Фрурархом акрополя стал Мазар, имевший придворный титул «друга» (Agg. Anab., III, 16, 9).

В то же время Александр отправил из Суз к Средиземному морю Менета, назначенного гиппархом Сирии, Финикии и Киликии, с тремя тысячами талантов. Эти деньги предназначались наместнику Македонии Антипатру для подавления восстания спартанцев, вспыхнувшего в Элладе (Agg. Anab., III, 16, 9—10). Тогда же в Сузы прибыли подкрепления из Македонии под командованием Аминты, сына Андромеда. Это позволило Александру произвести в войсках некоторые переформирования, значительно усилившие не только фалангу, но и конные подразделения. Во главе реорганизованных конных ил, делившихся уже на два лоха, стали проверенные в боях командиры (Agg. Anab., III, 16, 10—11).

Покинув Сузы, Александр оставил в одном из дворцов семь Дария, находившуюся в почетном плену, — мать, его дочерей и сына, приставив к ним учителей греческого языка (Diod., XVIII, 67, 1). Однако на пути к Персеполю случилась

непредвиденная задержка, вызванная тем, что горные уксии, через земли которых двигалось войско Александра, потребовали такую же плату за проход, какую они традиционно получали от ахеменидских владык (Agg. Anab., III, 17, 2). В отличие от горных уксиев уксии-земледельцы, обитатели равнинных частей этой области, сразу же покорились завоевателю. Возмущенный Александр, не знавший до сих пор поражений, решил проучить непокорных горцев и отправил назад их посольство, требовавшее плату за проход, многозначительно пообещав, что именно в охраняемых ими теснинах они и получают требуемое (Agg. Anab., III, 17, 2). Во главе небольшого отряда, ведомый местным проводником, Александр к рассвету по узким горным тропам вышел к деревням горцев, без труда взял добычу, многих перебил (Agg. Anab., III, 17, 2; Diod., XVII, 67, 4). Тем временем его сподвижник Кратер, командовавший другим отрядом македонцев, занял господствующие над перевалами высоты, куда могли бы отступить теснимые уксии. Этот тактический маневр вполне удался: горные уксии, не приняв боя, отошли к горным вершинам, где и были атакованы македонцами во главе с Кратером (Agg. Anab., III, 11, 5; Diod., XVII, 67, 2). Арриан передает мнение Птолемея, согласно которому мать Дария вымолила у Александра разрешение остаться уксиям жить на своей земле. Тем не менее царь обложил их натуральной данью, так как эти пастушеские племена не имели денег. Ежегодно горные уксии были обязаны поставлять 100 лошадей, 500 вьючных животных, 30 тыс. овец (Agg. Anab., III, 11, 5). Покоренное племя уксиев Александр подчинил Абулиту, сатрапу Суз (Curt., V, 3, 16).

После успешного захвата Персеполя и его сокровищницы Александр решил часть богатств поместить в Сузах, для чего из близлежащих областей потребовал караван вьючных и упряжных мулов и три тысячи верблюдов (Diod., XVII, 71, 2).

Описанные события датируются осенью 331 — зимой 330 г. до н. э. Другие сведения об интересующем нас регионе, сохранившиеся в античной традиции, относятся уже к началу 324 г. до н. э., т. е. ко времени завершения восточных походов.

Встретившись со своим флотом на реке Паситигре, Александр привел армию в Сузы, где провел всю весну и лето 324 г. За время шестилетнего восточного похода некоторые сатрапы завоеванных областей, пользуясь своей безнаказанностью из-за отсутствия контроля со стороны царя, перестали ему повиноваться и злоупотребляли властью на местах, что приводило к многочисленным волнениям среди местного населения. Так, еще на обратном пути к Сузам, в Кармании, Александру донесли о неповиновении некоторых чиновников, в частности некоего Геракеона. Судя по описанию, Геракеон был незначительным должностным лицом. Он был казнен в Сузах в грабеже одного из городских храмов, и его постигла участь других своевольных сатрапов, казненных по приказу

Александра (Агг. Анаб., VII, 27, 5). Сатрапа Сузианы Абулита за то, что он не приготовил никаких припасов к возвращению армии из Индии, Александр заточил в тюрьму (Plut. Alex., 68), а затем, расследовав его злоупотребления, подверг смертной казни «за плохое управление Сузами» (Агг. Анаб., VII, 4, 1). Не ушел от казни и сын Абулита, которого Плутарх именует Оксартосом (Alex., 68), а Арриан — Оксафром, сатрапом Паретакены (Анаб., III, 19, 5; VII, 4, 1). Он также был обвинен в многочисленных злоупотреблениях. При этом, следуя версии Плутарха, Александр собственноручно заколол его копьем (Plut. Alex., 68).

Одним из важнейших мероприятий Александра, осуществленных за время отдыха его армии в Сузах, были знаменитые массовые свадьбы греков и македонцев с персидскими девушками. По свидетельству Аристовула, сам Александр женился одновременно на старшей дочери Дария Барсине и младшей дочери царя Оха Парисатиде (Агг. Анаб., VII, 4, 4). Плутарх же считает, и с ним солидарен Диодор, что супругой македонского царя стала дочь Дария Статира (Plut. Alex., 70; Diod., XVII, 107, 6; ср.: Iust., XII, 10, 9). За своих приближенных из числа «друзей» он выдал знатнейших персиянок (Plut. Alex., 70; Агг. Анаб., VII, 4, 6). Юстин осуждает этот шаг Александра, объясняя его тем, что царь хотел массовыми свадьбами как бы смягчить свой проступок такими же проступками своих приближенных (Iust., XII, 10, 10). Плутарх же говорит об обратном: данным актом соединялись два могущественных народа — македонцы и персы, что, естественно, способствовало укреплению авторитета Александра среди завоеванных народов (Plut. De fort. Alex., 329 E). В другом произведении он тем не менее считает, что популярности Александра среди местных жителей содействовал прежде всего его брак с дочерью знатного бактрийца Роксаной (Plut. Alex., 47).

Всего было заключено более 10 тыс. браков, причем все новобрачные получили приданое и подарки (Агг. Анаб., VII, 4, 8). О роскоши свадеб говорит еще и то, что на общем свадебном пиру присутствовали три тысячи гостей, которые в свою очередь также получили подарки — каждому была предназначена золотая чаша для возлияний (Plut. Alex., 70). Александр погасил из собственных средств долги своих воинов (Plut. Alex., 70), общая сумма которых, по сообщению Арриана, составляла 20 тыс. талантов (Агг. Анаб., VII, 5, 3). Плутарх называет меньшую сумму — 9870 талантов (Plut. Alex., 70; De fort. Alex., 343). В недошедших до нас мемуарах Харета Митиленского, придворного летописца македонского царя, весьма ярко описываются массовые свадьбы в Сузах. Некоторые факты из произведения Харета известны из сочинений более поздних авторов — Элиана и Афиней (Aelian. V. N., VIII, 7; Athen., XII, 538).

Отметим еще одно событие, связанное с пребыванием Алек-

сандра в Сузах. Диодор сообщает о параде 30 тыс. молодых персов-однолеток, собранных по приказу царя и обученных военному делу (Diod., XVII, 108, 1—3), которых в случае мятежа предполагалось противопоставить македонским войнам. Весь этот корпус в качестве самостоятельной боевой единицы Александр включил в состав своей армии.

Вскоре участь непокорных уксов испытал на себе другой горный народ Юго-Западного Ирана — коссеи, которые, по словам Диодора, «пренебрежительно отнеслись к доблести македонцев, не считая ее для себя опасной» (Diod., XVII, 111, 5). Опыт борьбы с горцами Александр уже имел, и в течение 40 дней лишь с небольшим легковооруженным отрядом он покорил этот народ, заставив его «принять рабское иго» (Diod., XVII, 111, 4—5). После замирения с коссеями Александр основал в этих неприступных ранее местах большие города и дал отдых своему войску (Diod., XVII, 111, 6).

Сразу же после смерти македонского царя в 323 г. в Вавилоне между его военачальниками произошел первый раздел империи. В подробных списках наследников, сохранившихся у Диодора (Diod., XVIII, 3, 3), Арриана (Агг. Hist. succ. Alex., fig. 1^a, 5—8 1^b, 2—6)⁸⁸, Курция Руфа (Curt., X, 10, 1), Корнелия Непота (Corn. Nepos., XVIII, 2)⁸⁹ и Орозия (Oros., III, 24)⁹⁰, содержащих перечисление областей государства Александра Македонского, отданных в управление новым владельцам, Сузиана и другие области Юго-Западного Ирана в качестве административных единиц не упоминаются. Лишь Юстин (Iust., XIII, 4, 14) и анонимный автор «Завещания Александра»⁹¹ (Inscr. auct. Epit. reg. gest., 121) в качестве владетеля Сузианы называют некоего Кена (Coenus).

Рассмотрим подробнее информацию Юстина. Прежде всего вызывает недоумение место Сузианы в перечислении этого автора: Сирия, Киликия, Великая Мидия, Сузиана, Великая Фригия, Ликия, Памфилия, Кария, Лидия, Малая Фригия, Фракия, Каппадокия и т. д., т. е. эта область названа в ряду преимущественно малоазийских сатрапий государства Александра Македонского (Iust., XIII, 4, 12—16). И лишь после среднеазиатских и индийских владений упомянуты Персия, Вавилония и Месопотамия, завершающие этот длинный список (Iust., XIII, 4, 19—23). Именно здесь следовало бы встретить Сузиану.

Следующее соображение касается имени самого Кена. В сочинениях историков похода Александра упоминаются два персонажа, носящих имя Кен. Во-первых, это Кен, сын Полемократа, зять Пармениона, гиппарх в войске Александра (Агг. Анаб., III, 18, 6; IV, 16, 18; V, 16, 3; Curt., III, 9, 7; IV, 13, 28; V, 4, 20, 30; VII, 1, 1, 12, 1, 14—15, 17), выступивший от имени македонского царя в Индии в 325 г. в связи с завоеванием Индии и сразу же после этого «внезапно» заболевший от болезни (Агг. Анаб., VI, 2, 1; Curt., IX, 3, 20). Во-вторых,

некий Кен, письменно сообщивший Александру о положении дел в Европе и Азии, пока тот покорял Индию (Curt., X, 1, 43). Кстати говоря, кроме Курция Руфа, ни один из историков походов Александра ни разу не упоминает эту личность, равно как и письмо о положении дел на завоеванных и подчиненных македонскому царю территориях.

Совершенно очевидно, это были два разных лица. Смерть Кена, сына Полемократа, последовала в Индии у реки Акесина осенью 326 г. до н. э., письмо же о событиях в Европе и Азии было получено Александром на обратном пути из Индии, в Персиде, в конце 325 г. до н. э. Следовательно, Кен, сын Полемократа, уже не мог иметь отношения к разделу завоеванных территорий. А Кена версии Юстина если можно соотнести с адресатом Александра у Курция Руфа, то уже не в качестве владетеля Сузианы, так как другие довольно информированные историки восточных походов Александра Македонского хранят о нем молчание. К тому же место Сузианы в списке областей перечисляемых Юстином, наталкивает на мысль о том, что в его версию вкралась ошибка. Видеть Сузиану среди малоазийских сатрапий, равно как и вручать ее гипотетичному Кену, было бы большой натяжкой. Другие письменные источники косвенно подтверждают наши предположения.

Несколько позже Сузиана вновь появляется в поле зрения античных авторов. После гибели Пердикки, одного из сподвижников Александра, Антипатр, выбранный верховным правителем державы Александра, на совещании в Трипарадесе в Сирии отдает Сузиану Антигену, командиру привилегированного подразделения аргираспидов — «носителей серебряных щитов» (Diod., XVIII, 39, 6; Plut. Eum., 13). Надо полагать, и это подтверждает Диодор (Diod., XVIII, 39, 6), назначение Антигена на столь высокий пост явилось наградой за убийство Пердикки, в котором Антиген вместе с Селевком, получившим тогда же в управление соседнюю Вавилонию, приняли непосредственное участие. Арриан также придерживается этой версии (Arrian Hist. succ. Alex., fg. 1, 35).

Следующий сюжет, в котором местом действия являются Сузиана и некоторые другие области Юго-Западного Ирана касается перипетий борьбы между Евменом, бывшим секретарем Александра Македонского, все еще стремившимся сохранить единство империи, и возглавляемой Антигоном коалицией диадохов, каждый из которых преследовал свои сепаратистские цели и, как правило, имел свое войско и подвластную территорию, ревностно защищаемую и по возможности расширяемую за счет военных успехов. Сатрап Мидии Пифон и Селевк, правивший Вавилонией, заручившись поддержкой Антигона (Iust. XIV, 1, 1; Diod., XIX, 12, 5; 13, 3; 17, 2), выступили против Евмена. Собрав большое войско наемников, последний двинулся из Вавилонии в Сузиану, надеясь за счет богатств сузской сокровищницы пополнить свои средства для продолжения борьбы

и объединить здесь силы своих союзников (Diod., XIX, 12, 3; 14, 4—8; 15, 1—3). Надо сказать, что и раньше Евмен неоднократно пользовался деньгами из этого источника (Diod., XIX, 15, 5).

Когда войска Антигона, Селевка и Пифона подошли к Сузам, Евмен приказал Ксенофилу, которому в свое время еще Александр доверил надзор за казной, хранящейся в сузской сокровищнице (Curt., V, 2, 16—17), не выдавать никаких денег Антигону и его союзникам без его личного приказа (Diod., XIX, 17, 3). Ксенофил остался верен Евмену и, когда Антигон прибыл в Сузы (армия Евмена отошла в это время к реке Тигру — Plut. Eum., 15), отказался сдать ему казну (Diod., XIX, 18, 1). Антигон решается на осаду сузского акрополя и поручает эту акцию Селевку (Diod., XIX, 18, 1). Он смещает с поста сатрапа Сузианы Антигена, которого в дальнейшем мы встречаем в числе заговорщиков против Евмена (Plut. Eum., 16). Однако Антигена ждал бесславный конец: он был сожжен на костре уже по приказу Антигона (Diod., XIX, 44, 1). Причина смещения Антигена ясна — он не поддавался уговорам Селевка и Пифона отстранить Евмена от командования македонцами (Diod., XIX, 13, 1—2). В результате Сузиана достается Селевку, но лишь формально, поскольку он все еще безуспешно осаждал сузский акрополь (Diod., XIX, 18, 1). Тем временем Евмен, заняв выгодные в тактическом отношении высоты у берегов Тигра, стал готовиться к сражению с Антигоном, чьи войска подходили в это время к реке Копрату (Diod., XIX, 18, 3). Битва, в которой успех сопутствовал Евмену, произошла летом 317 г. до н. э. Значительно потрепанные войска его противника отступили к сузианскому селению Бадаке, находившемуся севернее Суз на берегу Эвлея (Diod., XIX, 19, 1). После короткого отдыха Антигон решает двинуть свои войска в Экбатаны, преследуя цель расколоть единство армии Евмена, так как союзные ему сатрапы верхних областей, обеспокоенные угрозой захвата своих владений, могли его покинуть. Так и случилось. С оставшимися ему верными подразделениями Евмен отправился в Персиду, поскольку не доверял сатрапу этой области Певкесту, способному, как он считал, пойти на предательство и принять сторону Антигона.

Марш от реки Паситигра до Персеполя занял 24 дня. Диодор отмечает, что очень трудной была первая часть пути, по скудной припасами и очень знойной равнине. Другая же часть маршрута, проходившая по возвышенной, с целебным климатом территории, компенсировала лишения солдат Евмена. Ее плодородные земли, хорошо орошаемые водными протоками, обеспечили войска всем необходимым. Проживали здесь наиболее воинственные персидские племена, которые тем не менее не решились выступить против македонцев. Вследствие населенности эта область привлекла к себе войска Антигона (Diod., XIX, 21, 2—3). Дорога, по которой двигалось войско Евмена,

была хорошо знакома македонцам, так как она совпадала с маршрутом армии Александра, по которому он после захвата Суз пошел в Персеполь.

Решающее сражение между Евменом и Антигоном произошло в Габие, одной из провинций Элимаиды, где после захвата в Персеполь расположились на зимовку войска Евмена (Plut. Eum., 15; Diod., XIX, 26, 5). Пехота Антигона опять потерпела поражение, но его кавалерия заметно ослабила свои маневры позиции армии Евмена. Действия союзной Евмену конницы Певкеста не отличались решительностью, мало того, в самый важный момент эти подразделения даже покинули поле боя. Ни один из соперников не сумел одержать победы на поле сражения, но исход всей борьбы решил предательство аргираспидов: под давлением Антигона, которому удалось захватить их обоз с женами и детьми, они пленили и выдали Евмена (Diod., XIX, 40—44; Plut. Eum., 17—19; Iust., XLV, 3, 4; App. Syr., 53; Corp. Neros., XVIII, 7—13; Polyaeu. IV, 6, 13⁹²).

Сузская сокровищница все же стала добычей энергичного Антигона. По возвращении из Персиды у реки Паситигр Антигона встретил Ксенофил, хранитель казны, которому Селевк, взявший осадой к этому времени акрополь Суз, приказал всем повиноваться новому властителю. Опасаясь, как бы Ксенофил и верные ему войска опять не воспрепятствовали взятию сокровищницы, Антигон поспешил всячески приблизить его к себе (Diod., XIX, 48, 6). Это удалось, и казна оказалась в руках Антигона (Diod., XIX, 48, 7). Было взято деньгами 5 тыс. талантов, кроме того, Антигону досталось большое число произведений искусства, в том числе знаменитая лоза из чистого золота, которую вместе с золотым платаном преподнес в свое время Дарнию I лидиец Пифий, сын Атиса, внук Крез (Hec., VII, 27). Этот подарок Пифия стал чуть ли не штампом для античных авторов в описании фантастических богатств ахеменидских царей, роскошь и великолепие которых была, очевидно, несколько преувеличена. Так, Ксенофонт передает язвительную реплику аркадянина Антиоха, побывавшего послом в Персии, который заявил, что «пресловутый платан оказался такой величины, что под тенью его листья не мог бы найти защиты от солнца даже кузнечик» (Xen. Hell., VIII, 1, 38). В целом сумма взятых в Сузах сокровищ и денег составила, как сообщает Диодор, 20 тыс. талантов (Diod., XIX, 48, 7—8).

Уже упоминалось, что в 317 г. сатрапом Сузианы после Антигона стал Селевк, являвшийся таковым лишь номинально. В начале 316 г. до н. э. между Антигоном и Селевком возник конфликт, в результате которого последний удалился в Египет под покровительство Птолемея (Diod., XIX, 55—56). Как указывает Диодор, сатрапом Сузианы после этих событий был назначен некий Асписас, один из местных жителей (... Ἀσπίσας ἐν τῶν ἐγγυρῶν — Diod., XIX, 55, 1).

После этих событий Юго-Западный Иран и Сузиана, в частности, почти на столетие выпадают из поля зрения античных авторов. Новые сведения о регионе относятся к 222—221 гг. до н. э., когда, как сообщает Полибий, сатрап Мидии Молон и его брат, сатрап Персиды Александр, изменили Антиоху III и попытались отложиться от него (Polyb., V, 40, 7; 41, 1—9). Они уже имели перед собой пример мятежных Диодота и Андрагора, которые еще при Антиохе II отделились от Селевкидского государства и образовали собственные царства (Iust., XLI, 4).

Небольшому отряду под командованием стратегов Ксенона и Феодота не удалось справиться с Молоном и его братом, и они, встретив активное сопротивление мятежников, скрылись (Polyb., V, 42, 5; 43, 6—7). Молон тем временем захватил Ситтакену, которая, очевидно, со времени Александра получила статус сатрапии и стала называться Аполлониатидой (Strab., XI, 13, 6; XV, 3, 12; XVI, 1, 1). Антиох III, занятый в это время подготовкой к походу в Египет, двинул против мятежников войска теперь уже под командованием Ксенета, назначенного «полномочным стратегом» (Polyb., V, 45, 6). Последний, прибыв в Селевкию на Тигре, вызвал к себе тогдашнего правителя Сузианы Диогена и наместника земель у Эритрейского моря Пифиада (Polyb., V, 46, 7) и объединенными силами пошел на восставших. Переправившись через Тигр и захватив обоз Молона, он попал в ловушку, устроенную мятежниками. Сам Ксенет и его войско были разбиты (Polyb., V, 47, 3—7; 48, 10). Сокрушительный разгром Ксенета позволил Молону подчинить себе все верхние сатрапии. Он захватывает Вавилонию и область у Эритрейского моря (Polyb., V, 48, 12—14). Только граждане Суз оказали сопротивление Молону. Несмотря на то что сам город был взят с ^{НАДЕТА} ~~надега~~, Молон не смог захватить сузский акрополь, где укрепился наместник Сузианы Диоген, сохранивший верность Антиоху III. Полибий сначала называет Диогена в должности епарха, а потом именуется уже стратегом этой области (Polyb., V, 54, 12). Молон был вынужден оставить часть своего войска для осады сузского акрополя, а сам вернулся в Селевкию на Тигре.

Только теперь Антиох начал осознавать всю опасность мятежа его бывшего наместника восточных областей, которому удалось отвоевать почти все верхние сатрапии. Неудачи двух первых попыток подавления восстания вынудили его лично возглавить войско и двинуться на Молона. Решающее столкновение царя и мятежников произошло в Аполлониатиде (Polyb., V, 52, 4—9). Отметим, что Молон не очень уютно чувствовал себя на завоеванных территориях. Полибий постоянно подчеркивает его недоверие к египетским сатрапам и к египетской Сузианы (Polyb., V, 24, 4). Остатки восставших в Сузах о непокоренном сузском акрополе, который все еще успешно удерживал Диоген. Сражение с войсками царя было проиграно,

Молон покончил с собой (Polyb., V, 54, 1—4). Антиох III восстановил порядок в мятежных областях, причем в Мидии он поставил сатрапом того самого Диогена, который не позволил Молону захватить акрополь Суз. Стратегом же Сузианы был назначен некий Аполлодор (Polyb., V, 54, 12).

Спустя почти три десятилетия, в 187 г. до н. э. Антиох III нашел здесь, в Юго-Западном Иране, свое последнее пристанище. Остро нуждаясь в деньгах и пытаясь найти новые источники доходов, он решил произвести принудительный займ у администрации храма Бела, располагавшегося в Элимаиде (Strab., XVI, 1, 18). Однако местные жители оказали ему упорное сопротивление, и попытка грабежа закончилась для Антиоха Великого трагически — он был убит вместе со своим окружением. Диодор, так же как и Страбон, называет это святилище то храмом Бела (... δὲ κατὰ τὴν Ἐλυμαίδα, τὸ ἱερόν τοῦ Βήλου — Diod., XXIX, 15), то храмом Зевса (... κατὰ τὴν Ἐλυμαίδα τέρμενος τοῦ Διὸς — Diod., XXVII, 3). Юстин же считает, что храм был посвящен Юпитеру Элимейскому (Elymaei Iovis — Iust., XXXII, 2, 1—2).

Примечательно, что сокровища святилищ Элимаиды еще не раз становились объектом посягательств со стороны селевкидских и парфянских владык. Младший сын Антиоха III Великого, впоследствии Антиох IV Эпифан, также пытался пополнить свою казну для выплаты контрибуции римлянам за счет грабежа храмов Элимаиды. Аппиан в «Сирийских делах» замечает, что Антиох «ограничил святилище Афродиты в Элимнае и умер от истощения» (App. Syr., 66). Полибий считает, что живущие вблизи храма варвары «не допустили царя до этого кощунства» и тот скончался в состоянии умопомешательства в Табах в Элимаиде (очевидно, в Габиене — Polyb., XXXI, 11, 1). Определенная информация об этом сюжете содержится в так называемых «I и II книгах Маккавеев», вошедших в христианский канон Ветхого завета. Повествование в этих книгах ведется разными авторами и в значительной степени параллельно. Так, сообщается, что в Элимаиде был очень богатый храм, в котором среди жертвенных даров якобы хранилось оружие и доспехи самого Александра Македонского (I Макк., 6, 1—2). Этот храм был посвящен богине Нанайе (II Макк., 1, 13). Скорее всего, именно его имел в виду Элиан, когда описывал достопримечательности элимаидского храма Анахиты (Aelian. De nat. anim., XII, 23). Попытка захвата храма и его сокровищ не удалась из-за активного противодействия его персонала и местных жителей (I Макк., 6, 3—4; II Макк., 1, 14—16)⁹³.

Иосиф Флавий в изложении этих событий придерживается информации автора I книги Маккавеев (Jos. Fl. Ant., XII, 9, 1). Следуя иудейской традиции, авторы книг Маккавеев и Иосиф Флавий связывают болезнь и преждевременную смерть

Антиоха IV с гонениями этого царя на приверженцев иудейской религии, а также с осквернением их храмов, в частности Иерусалимского (I Макк., 6, 12; II Макк., 9, 3—5; Jos. Fl. Ant., XXI, 9, 1).

Поздние христианские писатели полностью восприняли эту версию. Например, Иероним Стридонский (340—420 гг.) в своих толкованиях на книги пророка Даниила Ветхого завета, в которых, безусловно, под мифологическими образами скрываются реальные исторические лица и события истории Сирии и Иудеи II в. до н. э., сообщает, в частности, что Антиох IV хотел ограбить необычайно почитавшийся храм Дианы в Элимаиде, однако, получив отпор местных жителей, скончался «от скорби» в Табах (Hieron. In Dan., XI, 44—45). Это случилось в 163 г. до н. э.

Лишь позже, в 139 г. до н. э., теперь уже парфянскому царю Митридату I удалось захватить два местных элимаидских святилища, посвященные, по словам Страбона, Афине и Артемиде (Strab., XVI, 1, 18; ср.: Iust., XLI, 6, 8), и похитить оттуда сокровища на сумму 10 тыс. талантов. Поскольку Страбон в одном и том же месте своего труда последовательно перечисляет имена Бела, Афины, Артемиды, можно считать, что в Элимаиде функционировали по крайней мере три местных храма этих божеств с богатейшими сокровищницами. Очевидно, два из них (храмы Бела и Артемиды) были в свое время объектами нападения Антиоха III Великого и Антиоха IV Эпифана.

Источники свидетельствуют, что кроме захвата храмовых сокровищ Элимаиды Митридат I овладел и Селевкией на Гедифонте — столицей Элимаидского царства. Страбон называет этот город *μεγάλη πόλις* и сообщает его прежнее название — Солока (Strab., XVI, 1, 18; ср.: Iust., XLI, 6).

Грабеж храмов Элимаиды и подчинение ее городов парфянской власти объяснялись, очевидно, не только корыстолюбием завоевателя, но и желанием отомстить элимеям за их поддержку Деметрия II, пытавшегося вытеснить парфян из бывших владений слабейшего Селевкидского царства: элимеи входили в состав армии Деметрия II (Iust., XXXVI, 1, 4). Но его выступление против Митридата I окончилось тем не менее поражением.

После этих событий Юго-Западный Иран выпадает из поля зрения античных авторов (если не считать Филострата) уже почти на 5 столетий. Очень короткое и, на наш взгляд, мало достоверное упоминание об этом регионе можно найти у Аммиана Марцеллина, который в кратком очерке, посвященном описанию Персии (уже сасанидского времени), считает, что среди немногих городов Сузианы, под которой он, очевидно, понимал всю юго-западную часть этого Ирана, упоминаются лишь Сузы (Amian. Marcell., XXVI, 26). Этим городом служит резиденцией неких царей Арсиана, Села и Араха (Arsiana et

Sele et Aracha). Остальные города этой области, окруженной Ассирией, Вавилонией, Мидией и Персией, по мнению Аммиана Марцеллина, малы и незначительны (Аmm. Магс., XXIII, 6, 14; 26).

В связи с этой информацией попытаемся дать сводку данных античных авторов о городах и поселениях Юго-Западного Ирана в селевкидо-парфянское время и их полисном статусе. Что касается последнего обстоятельства, то в произведениях античных авторов практически никак не нашли отражения факты существования полисной организации в ряде городов Юго-Западного Ирана⁹⁴. Прежде всего это Сузы, Александрия-Антиохия-Спасину-Харакс. Последний был основан на месте бывшего царского города Дуррина и македонского поселения (pagus) Пеллы (Plin. N. H., VI, 138) и располагался в низовьях Тигра (ср.: Ios Fl. Ant., I, 6, 4; XX, 2, 2; 4).

Арриан (Агг. Ind., 42, 4) и Страбон (Strab., XV, 3, 5) упоминают сузианское поселение Агинис (κόμη τῆς Σουσίδος, ἢ καλῶσιν "Αγίνιν), которое локализуется ими также в этом районе, близ устья Тигра. Диодор (Diod., 19, 1) называет еще один город Сузианы — Бадаке (πόλις Βαδάκης), расположенный к северу от Суз на берегу Эвлея. С определенной долей уверенности можно отнести к региону Юго-Западного Ирана и некий город (πόλις), основанный Александром близ Аравийской земли. Он заселил его эллинами-наемниками и воинами-ветеранами (Агг. Анаб., VII, 21, 7). Плинию известен еще один город Юго-Западного Ирана — Магоа, расположенный неподалеку от Спасину-Харакса на Эвлее (Plin. N. H., VI, 135).

На юге Ситтакены-Аполлониакиды Антиохом I был основан город (oppidum) Апамея (Plin. N. H., VI, 129), называемый в источниках как Апамея в Месене или Апамея на Селее (Ptol., V, 18, 9; Plin. N. H., VI, 132, 146; Аmm. Магс., XXIII, 6, 23; Steph. Byzant., s. v.). По упоминаниям Птолемея (Ptol., VI, 1, 6) и Полибия (Polyb., V, 51), известен город Аполлония, которую более поздний автор Стефан Византийский помещает между Вавилоном и Сузами (Steph. Byzant., s. v. N 25). Здесь же, в Аполлониакиде, в 500 стадиях к востоку от Селевкии на Тигре, находился город Артемита (Strab., XVI, 1, 17), упоминаемый также Исидором Харакским⁹⁵ как πόλις Ἐλλήνιος. Исидор дает его местное название — Халасар (Isid. Char. Mans. Parth., 2). Знают этот город также Плиний (Plin. N. H., VI, 177) и Птолемей (Ptol., VI, 1). Здесь же, между реками Тигром и Турнадотом (?), Плиний помещает город Антихоию (Plin. N. H., VI, 132).

В Элимаиде, как уже отмечалось, существовал город (ἡ πόλις) — Strab., XVI, 1, 18 и oppida — Plin. N. H., VI,

136) Селевкия на Гедифонте (Селевкия в Элимаиде), прежде называвшаяся Солокой. Здесь же, на берегу Паситигра, располагался и город Сострата, причем Плиний Старший именуется его и как Состра (Plin. N. H., VI, 136; XII, 78).

Вот такое письменное наследие оставили античные авторы о Юго-Западном Иране, важнейшей области Среднего Востока. Нельзя сказать, что сведений об этом регионе мало. Однако большинство из них относится преимущественно ко времени до походов Александра Македонского, почти все они предельно кратки и отрывочны, нередко и ошибочны, о чем еще предстоит сказать. Иногда некоторые данные просто неверны. Следовательно, для того чтобы ответить на весь комплекс вопросов, касающихся состояния социально-экономических отношений, роли рабства, значения такого привнесенного извне социально-политического организма, как восточноэллинистический полис, уровня сельскохозяйственного развития региона, состояния ирригации, наконец, для освещения развития некоторых аспектов культуры народов Юго-Западного Ирана в эпоху от Александра Македонского до первых Сасанидов, необходимо привлечь прежде всего данные археологии, нумизматики, эпиграфики. При этом, естественно, античная письменная традиция сохраняет свое значение, но уже не как ведущий источник, а как источник, играющий лишь служебную, вспомогательную роль.

Примечания

¹ Rawlinson H. C. Notes on a March from Zohāb, at the Foot of Zagros, along the Mountains to Khuzistan (Susiana), and from Thence through the province of Luristan to Kirmanshach, in the Year 1836//JRGs. 1839. N 9. P. 26—126; Layard A. H. A Description of the Province of Khuzistan//JRGs. 1846. N 16. P. 1—105.

² См.: Бартольд В. В. Историко-географический обзор Ирана//Бартольд В. В. Сочинения. М., 1971. Т. 7. С. 182; Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961. С. 339. Ст. 2.

³ Loftus W. K. Travels and Researches in Chaldaea and Susiana; with an Account of Excavations at Warka, the «Erech» of Nimrod, Shush, «Shushan the Palace» of Ester in 1849—1852. London, 1857.

⁴ Dieulafoy M. L'acropole de Suse d'après les fouilles exécutées en 1884—1886 sous les auspices du Musée du Louvre. Paris, 1893.

⁵ См.: Михаэлис А. Художественно-археологические открытия за столет. М., 1913. С. 229; Бузескул В. Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира. Ч. I: Восток. Пб., 1923. С. 167; Дьяконов М. М. Указ. соч. С. 8.

⁶ См.: Хинц В. Государство Элам. М., 1977. С. 7—8. Французская Миссия издавала серию публикаций материалов археологических работ в Сузиане, выходивших под разными названиями. Подробнее см.: Дьяконов М. М. Указ. соч. С. 339. Прим. 1.

⁷ См.: Бартольд В. В. Указ. соч. С. 182. Ст. 31; Ghirshman R. Cinq campagnes de fouilles à Suse (1946—1951). Paris, 1952.

⁸ Ghirshman R. Cinq campagnes... P. 2; Berghe L. Vanden. Archéologie de l'Irak. Leiden, 1959. P. 72—73. Карта Сузского городища опубликована в Ghirshman R. Cinq campagnes de fouilles à Suse-Achéménide//MMAI. 1952. P. 19—21. Карта Сузского городища и археологических объектов, вскрытых в последнее время, имеется во втором томе CDAFI

(1974, P. 25). Аэрофотоснимки городища представлены в следующих изданиях: Ghirshman R. Village... Pl. I—II; Le Rider G. Suse sous les Séleucides et les Parthes. Les trouvailles monétaires et l'histoire de la ville//MMAI. T. 38. Paris, 1965. Pl. I.

⁸ Ghirshman R. L'Apadana de Suse//IA. 1963. Vol. 3. Fasc. 2. P. 148—154; Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. С. 256—257.

¹⁰ См.: Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Указ. соч. С. 256.

¹¹ Keruyran M., Stronach D., Vallat F., Yoyotte J. Une statue de Darius découverte à Susa//JA. 1972. P. 235—266.

¹² Dieulafoy M. Op. cit. P. 390—411; Erdmann K. Das Iranische Feuerheiligtum. Leipzig, 1941. S. 15 sq.

¹³ Ghirshman R. Terrasses sacrées de Bard-è Néchandeh et Masjid-i Solaiman. L'Iran du Sud-Ouest du VIII-e s. av. n. ère au V-e s. de n. ère. Vol. I. Texte//MDAI T. 45. Paris—Leiden, 1976. P. 197—200.

¹⁴ Ghirshman R. Cinq campagnes... P. 12—14; Idem. Village... P. 9—10.

¹⁵ Ghirshman R. Travaux de la mission Archéologique en Susiane en hiver 1952—1953//Syria. T. 30. Fasc. 3—4. 1954. P. 231—232; Idem. Cinq campagnes... P. 9—10.

¹⁶ Опубликована в журнале «Berytus» (см.: Berytus. Vol. XII. 1958. P. 1 ff.).

¹⁷ Lambrouse A. and Boucharlat R. La fouilles du Palais du Chaour à Suse en 1970—1971//CDAFI. 2. 1974. P. 61—168; см. также CDAFI. 10. 1979. P. 21 ff.

¹⁸ The Athenian Agora. Vol. XII. Black and Plain Pottery/By B. A. Sparkes and L. Talcott. Princeton, 1958. No. 1074, 1240—1241.

¹⁹ CDAFI. 4. 1975. P. 43 ff.

²⁰ Morgan J. de. Recherches dans le Tell la ville Royale//MDP. T. I. Recherches archéologique. Première série. Paris, 1900. P. 63—65; Урва-ла J. M. Fouilles à Suse en 1929//Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale. Vol. 26. N 3, 1929. P. 134—140; Ghirshman R. Cinq campagnes... P. 12—14; Idem. Iran from the Earliest Times to the Islamic Conquest. London, 1954. P. 270—271; Berghe L. Vanden. Archéologie... P. 82.

²¹ См.: Кошеленко Г. А. Культура Парфии. М., 1966. С. 212—213; Литвинский Б. А. Погребальные сооружения и погребальная практика в Парфии (к вопросу о парфяно-бактрийских соответствиях)//Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М., 1983. С. 81—123.

²² Ghirshman R. Village... P. 16—18.

²³ Stronach D. Achaemenid Village I at Susa and the Persian Migration to Fars//Iraq. Vol. 36. 1974. P. 239—248.

²⁴ Adams R. McC. Agricultural and Urban Life in Early South-Western Iran//Science. Vol. 136. 1962. N 3511. P. 109—122.

²⁵ Wenke R. J. Imperial Investments and Agricultural Developments in Parthian and Sassanian Khuzestan: 150 B. C. to 640 A. D. //Mesopotamia. Vol. X—XI. Firenze, 1975—1976. P. 31—217.

²⁶ Hansman J. Seleucia and Three Dauraks//Iran. Vol. XVI. 1978. P. 154—161.

²⁷ Stein A. Old Routes of Western Iran. London, 1940. P. 146—154.

²⁸ Rawlinson H. C. Op. cit. P. 78—85; Layard A. H. Op. cit. P. 81—82.

²⁹ Herzfeld E. Bericht über archäologische Beobachtungen im südlichen Kurdistan und in Luristan//AMI. I. 1929. S. 65—75; Siroux M. Masjid-é Suleimān//Athār-é Irān. III. 1938. P. 157—160.

³⁰ Ghirshman R. Terrasses sacrées... P. 55—146.

³¹ Ibid. P. 5—51.

³² Ghirshman R. Un bas-relief d'Artaban V avec inscription en pehlevi-archaïque//Monuments et mémoires de la foundation Piot. T. 44. Paris, 1950. P. 97—104.

³³ Berghe L. Vanden. Le relief parthe de Hung-i Naurūzi//IA. Vol. 3. Fasc. 2. 1963. P. 155—168.

³⁴ Henning W. B. The Monuments and Inscriptions of Tang-i Sarvak//Asia Major. N. S. Vol. II. Part 2. London, 1952. P. 151—178.

³⁵ Bivar A. D. H., Shaked S. The Inscription at Shimbar//BSOAS. Vol. 27. Part 2. 1964. P. 265—290.

³⁶ Ghirshman R. Terrasses sacrées... P. 21—28.

³⁷ См. обзоры Г. А. Кошеленко и Р. Гиршмана; Кошеленко Г. А. Культура Парфии. С. 207—211; Ghirshman R. Persian Art. Parthian and Sassanian Dynasties. N. Y., 1962; Idem. Terrasses sacrées... P. 227—279.

³⁸ Wenke R. J. Imperial Investments... P. 65—68; Ghirshman R. Terrasses sacrées... Pl. CXV, 4—5, CXXV, 4—6; Кошеленко Г. А. Культура Парфии. С. 211—212.

³⁹ Le Rider G. Op. cit. P. 45—254.

⁴⁰ Augè Ch., Curiel R. et Le Rider G. Terrasses sacrées de Bard-è Néchandeh et Masjid-i Solaiman. Les trouvailles monétaires//MMAI. T. 44. Paris, 1979.

⁴¹ Wenke R. J. Imperial Investments... P. 57—58. Tabl. 4; Фу-е А. de la. Les monnaies de l'Elymaide//MDP. T. VII. Paris, 1905.

⁴² SEG. Vol. VII, 1934. N 1—34; Cumont F. Portrait d'une reine parthe trouvé à Suse//CRAI. 1939. P. 330—339.

⁴³ Об изучении эллинистической истории и истории Парфянского государства см. обстоятельные очерки Г. А. Кошеленко (Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 23—73) и А. Г. Бокшанина (Бокшанин А. Г. Парфия и Рим. Ч. I. М., 1960. С. 9—28).

⁴⁴ Debevoise N. C. A Political History of Parthia. Chicago, 1938.

⁴⁵ Frye R. The Heritage of Persia. Cleveland and N. Y., 1963; см. также русский перевод: Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972.

⁴⁶ Ghirshman R. L'Iran des origines à l'Islam. Paris, 1976.

⁴⁷ Ghirshman R. Iran from the Earliest Times...

⁴⁸ См.: Дьяконов М. М. Указ. соч.

⁴⁹ См.: Бокшанин А. Г. Парфия и Рим. Ч. I. М., 1960; Ч. II. М., 1966.

⁵⁰ См.: Иванов М. С. Очерк истории Ирана. М., 1952.

⁵¹ См.: Пигулевская Н. В., Якубовский А. Ю., Петрушевский И. П. и др. История Ирана с древнейших времен до конца 18 века. Л., 1958.

⁵² История Ирана. М., 1977.

⁵³ См.: Пигулевская Н. В. Города Ирана в раннем средневековье. М.—Л., 1956.

⁵⁴ См.: Кошеленко Г. А. Греческий полис... С. 113—122.

⁵⁵ См.: Кошеленко Г. А. Культура Парфии. С. 204—213.

⁵⁶ См.: Кошеленко Г. А. Родина парфян. М., 1977.

⁵⁷ См.: Луконин В. Г. Искусство древнего Ирана. М., 1977.

⁵⁸ Le Rider G. Op. cit. P. 255—451.

⁵⁹ Wenke R. J. Imperial Investments...

⁶⁰ Wenke R. J. Elymeans, Parthians, and the Evolution of Empires in Southwestern Iran//JAOS. Vol. 101. 1981. N 3. P. 303—316.

⁶¹ Ghirshman R. Persian Art...; Idem. Terrasses sacrées...

⁶² Schlumberger D. L'Orient hellénisé. Paris, 1970; см. также русский перевод: Шлюмберже Д. Эллинизированный Восток. М., 1985.

⁶³ Erdmann K. Das Iranische Feuerheiligtum. Leipzig, 1941.

⁶⁴ Schippmann K. Die Iranischen Feuerheiligtümer. Berlin—N. Y., 1971.

⁶⁵ По этой теме имеется лишь краткая сводка Ю. Б. Юсифова «Злам в античных источниках» (см.: Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. Тезисы докладов. Ереван, 1980. С. 89—91).

⁶⁶ Литература по этой теме в основном следовала традиционному подходу к изучению культуры Парфии, который был характерен для советской историографии.

В связи с этим Предварительно отметим, что античные источники по истории древнего Востока кратко представлены в «Источниковедении истории древнего Востока» (М., 1984. С. 242—247), а также в соответствующем разделе моно-

графини М. А. Дандамаева и В. Г. Луконина «Культура и экономика древнего Ирана» (С. 23—35). Очень важна специальная работа «Источниковедение древней Греции (эпоха эллинизма)» (М., 1982. С. 22—156). Письменные источники римского времени рассмотрены в кн.: Бокщанин А. И. Источниковедение древнего Рима. М., 1981.

⁶⁷ О Геродоте см.: Мищенко Ф. Геродот и его место в древнегреческой образованности//Геродот. История в девяти книгах. Т. I. М., 1982. С. 1—CLXIX; Он же. Не в меру строгий суд над Геродотом//Там же. Т. I. М., 1988. С. 1—LXX; Лурье С. Я. Геродот. М.—Л., 1947; Доватур А. И. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957; Борухович В. Г. Научное и литературное значение труда Геродота//Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972. С. 457—499. См. также историографический очерк в кн.: Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Историография нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982. С. 14—41. В зарубежной литературе различные аспекты творчества Геродота освещены довольно подробно. Укажем лишь некоторые исследования: Welles J. The Persian Friends of Herodotus//JHS. Vol. 27. 1907. P. 37—47; De Sanctis G. La composizione della storia di Erodoto//Rivista di filologia e di istruzione classica. Vol. 4. 1926; Legrand Ph. Hérodote. Paris, 1932; Baumgartner V. Herodots babylonische und assyrische Nachrichten//Archiv Orientalní. T. 1. 1950. S. 69—106; Myles J. Herodotus, Father of History. Oxford, 1952; Harvey F. The Political Sympathies of Herodotus//Historia. Bd. XV. 1966; Schmitt R. Medisches und persisches Sprachgut bei Herodotus//Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Leipzig—Wiesbaden. Bd. III. 1967. S. 119—145.

⁶⁸ На русском языке о Ктесии см.: Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Указ. соч. С. 27—29; Пьянков И. В. Восточные сатрапии державы Ахеменидов в сочинении Ктесия: Автореф. канд. дис. М., 1966; Он же. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия. Душанбе, 1978. Среди зарубежных исследований о Ктесии и его произведении выделим следующие: Marquart J. Die Assyriaka des Ktesias//Philologus, supplbd. V. 1893; Renehan R. Photius on Ctesias//AJPh. Vol. 84. 1963. N 1; Bigwood J. M. Ctesias of Cnidus//Harvard Studies in Classical Philology. Vol. 70. 1965. P. 262—265.

⁶⁹ Подробный обзор данных, относящихся к литературной деятельности Ксенофонта, см.: Фролов Э. Д. Жизнь и литературная деятельность Ксенофонта//Учен. зап. ЛГУ, № 251, сер. ист. наук, вып. 28. Л., 1958. С. 41—74, здесь же подробная библиография. См. также: Лурье С. Ксенофонт и его «Греческая история»//Ксенофонт. Греческая история. Л., 1932. С. 1—XV; Максимова М. И. Ксенофонт и его «Анабасис»//Ксенофонт. Анабасис//Ксенофонт. Киропедия. М., 1977. С. 243—267; Борухович В. Г. Местонахождение «Киропедии» в истории греческой прозы//Там же. С. 268—288; Bauer A. Die Kyros-Sage und Verwandte. Wien, 1882; Delebecque E. Essai sur la vie de Xénophon. Paris, 1957; Roy J. Xenophon's Evidence for the Anabasis//Athen. Vol. 46. 1968. N 1—II.

⁷⁰ О Диодоре и его творчестве см.: Соболевский С. И. Диодор Сицилийский//История греческой литературы. Т. III. М., 1960. С. 153—156.

⁷¹ В этом плане важны следующие исследования: Laquer R. Diodorea//Hermes. Bd. 86. Hft. 3. 1958; Drews R. Diodorus and His Sources//AJPh. Vol. 83. 1962. N 4; Orlandi T. Duride in Diodoro XIX—XX//La Parola del Passato. Vol. 96. 1964; Goukowsky P. Clitarque seul? Remarques sur les sources du livre XVII de Diodore de Sicile//REA. Vol. 71. 1969. N 3—4; Biaggi F. Comment travaillait Diodorus de Sicile//REG. T. 37. 1974. N 414—418; Hamilton J. R. Cleitarchus and Diodorus 17//Greece and the Eastern Mediterranean in Ancient History and Prehistory/ed. by K. H. Kinze. Berlin—N. Y., 1977.

⁷² См.: Зельин К. К. Основные черты исторической концепции Помпея Трога//ВДИ. 1948. № 4; Он же. Помпей Трог и его произведение «Historiae Philippicae»//ВДИ. 1954. № 2. См. также: Gutschmid A. von. Trogius und Timagenes//Gutschmid A. von. Kleine Schriften. Leipzig, 1894. Bd. V; Ste-

el R. V. Pompeius Trogius and Justin//AJPh. Vol. 38. 1917. N 1; Liebmann-Frankfort T. L'histoire des Parthes dans le livre XLI de Trogius Pompée: essai d'identification de ses sources//Latomus. T. XXVIII. 1969.

⁷³ О творчестве Квинта Курция Руфа и источниках его произведения см.: Radet G. La valeur historique de Quinte-Curte//CRAI. 1924; Milns R. Curtius Rufus and the «Historiae Alexander»//Latomus. T. XXV. 1966; McQueen E. I. Quintus Curtius Rufus//Latin Biography/ed. T. A. Dorey. London, 1967; Scheda G. Zur Datierung der Curtius Rufus//Historia. Bd. XVIII. Hft. 3. 1969; Therasse J. Le jugement de Quinte-Curte sur Alexandre//LEC. Vol. XII. 1973; Atkinson J. E. Curtius Rufus' Historiae Alexandri and the Principate//Actes de la XII Conférence internationale d'études classiques Eirene, Cluj-Napoca, 2—7 Octobre 1972. București, 1975; Grilli A. Il «Saeculum» di Curzio Rufo//La Parola del Passato. Vol. 168. 1976. Сочинения Квинта Курция Руфа и Помпея Трога сопоставлены в исследованиях: Wehrli C. La place de Trogius-Pompée et de Quinte-Curce dans l'historiographie romaine//REL. Vol. XXXIX. 1961; Therasse J. Le moralisme du Justin (Trogius-Pompée) contre Alexandre le Grand: son influence sur l'oeuvre de Quinte-Curce//AC. Vol. XXXVII. 1968.

⁷⁴ Творчеству Плутарха посвящена монография С. С. Аверинцева (см.: Аверинцев С. С. Плутарх и античная биография. М., 1973). См. также краткий очерк А. В. Болдырева в «Истории греческой литературы» (Т. III). Укажем ряд общих исследований: Ziegler K. Plutarchos von Chaeroneia. Stuttgart, 1949; Theander C. Plutarch und die Geschichte. Lund, 1951; Flacelière R. Sagesse de Plutarque. Paris, 1964; Barrow R. H. Plutarch and his Times. Bloomington, 1967. Специально о биографии Александра см.: Powell J. E. The Sources of Plutarch's Alexander//JHS. Vol. 59. 1939; Wardman A. E. Plutarch and Alexander//Classical Quarterly. Vol. V. 1955. N 1—2; Rabe I. Quellenkritische Untersuchungen zu Plutarchs Alexanderbiographie. Hamburg, 1964; Hamilton J. R. Plutarch. Alexander: a Commentary. Oxford, 1969.

⁷⁵ См.: Соболевский С. И. Флавий Арриан//История греческой литературы. Т. III. С. 189—193; Крюгер О. О. Арриан и его труд «Поход Александра»//Арриан. Поход Александра/Пер. М. Е. Сергеев. М.—Л., 1962. С. 5—44. Из зарубежных исследований об «Анабасисе» Александра см.: Steel R. B. The Method of Arrian in the Anabasis//CPh. Vol. 14. 1919; Breebaart A. B. Einige historiographische Aspecten von Arrianus' Anabasis Alexandri. Leiden, 1960; Wirth G. Anmerkungen zur Arrianbiographie//Historia. Bd. XIII. Hft. 2. 1964; специально об «Индии» Арриана см.: Hercher R. Zu Arrians Indica//Hermes. Bd. 2. 1867. Сравнительный анализ некоторых данных Плутарха, Диодора, Курция Руфа и Арриана осуществлен в следующих работах: Steel R. B. Plutarch's Alexander and Arrian's Anabasis//CPh. Vol. 11. 1916; Idem. Curtius and Arrian//AJPh. Vol. 40. 1919; Idem. Arrian's Anabasis and the XVII-th Book of Diodor//CPh. Vol. 15. 1920.

⁷⁶ Анализ первичных и вторичных источников о походе Александра проведен Л. П. Маринович (см.: Источниковедение древней Греции (эпоха эллинизма). С. 23—35, 45—65). См. также: Brown T. S. Callisthenes and Alexander//AJPh. Vol. 70. 1943. N 3; Idem. Onesicritus. A Study in Hellenistic Historiography. Berkeley—Los Angeles, 1949; Idem. Cleitarchus//AJPh. Vol. 72. 1950. N 2; Hamilton J. R. Cleitarchus and Aristobolus//Historia. Bd. X. Hft. 4. 1961; Menching E. Peripatetiker über Alexander//Historia. Bd. XII. Hft. 3. 1963; Errington R. M. Bias in Ptolemy's History of Alexander//CQ. Vol. XIX. 1969. N 2; Bosworth A. B. Aristotle and Callisthenes//Historia. Bd. XIX. Hft. 4. 1970; Badian E. Nearchus the Cretan. Studies in the Greek Historians//YCS. Vol. XXIV. 1975.

⁷⁷ Литературные исследования о географии Страбона см.: Соболевский С. И. География Страбона//История греческой литературы. Т. III. С. 193—197; Он же. География Страбона и его «География»//Страбон. География в 17 книгах. М.—Л., 1967. Аужас G. Strabo et la science de son temps. Paris, 1966.

2015/05/30 15:26

⁷⁸ О Плинии Старшем см.: Варнеке Б. В. К вопросу о зависимости Плиния от греческих источников // Сборник статей в честь С. А. Жебелева М., 1926. Географические аспекты его «Естественной истории» достаточно подробно исследованы в работе А. Клотца. (см.: Klotz A. Quaestiones Plineae Geographiae. Berlin, 1906).

⁷⁹ На русском языке о Птолемею общих работ почти нет. Его данные используются лишь для исследования отдельных регионов. См., напр.: Вязигин С. А. Сведения Клавдия Птолемея по географии Туркмении // Известия Туркменского филиала АН СССР, 1946, № 1. О методе и источниках Птолемея см.: Fischer J. Die handschriftliche Überlieferung der Ptolemäus-karten. Verhandlungen des achtzehnten Deutsch-Geographentages zu Innsbruck, Berlin, 1912; Cuntz O. Die Geographie des Ptolemäus. Berlin, 1929; Fischer J. Introduction to «Geography of Cl. Ptolemy» Translated into English and Edited by Edward Luther Stevenson. N. Y., 1932; Diller A. The Paralleles on the Ptolemaic Maps // Isis. International Review Devoted to the History of Science and Civilisation. Vol. 33, 1941.

⁸⁰ Об Аммиане Марцеллине см.: Соколов В. С. Аммиан Марцеллин как последний представитель античной историографии // ВДИ, 1959, № 4; Mommsen Th. Ammianus Geographica // Hermes. Bd. 16, 1881; Ensslin W. Zur Geschichtsschreibung und Weltanschauung des Ammianus Marcellinus // Klio. Bd. XVI, 1923; Thomson E. A. The Historical Work of Ammianus Marcellinus. Cambridge, 1947. Источники Аммиана Марцеллина, использованные для описания персидского похода, разобраны А. Клотцом (см.: Klotz A. Die Quellen Ammianus in der Darstellung von Julians Persefeldzug // Rheinisches Museum. Bd. 71, 1916).

⁸¹ Полибию и его творчеству посвящена обширная литература. Его историческая концепция анализируется в следующих исследованиях: Кошеленко Г. А. Греция и Македония эллинистической эпохи // Источниковедение древней Греции (эпоха эллинизма). Сохраняют свое значение статьи Ф. Г. Мищенко (см.: Мищенко Ф. Г. Полибий // ЖМНП, 1891, Апрель, август; 1892, Март; Он же, Федеративная Эллада и Полибий // Полибий. Всеобщая история. Т. I, М., 1890, С. I—CCXIII). См. также: Fritz K. The Theory of the Mixed Constitution in Antiquity. A Critical Analysis of Polybius, Political Ideas. N. Y., 1954; Walbank F. W. Historical Commentary on Polybius. Vol. I. Oxford, 1957; Pédech P. La méthode historique de Polybe. Paris, 1964; Cole Th. The Sources and Composition of Polybius // Historia. Bd. XII, 1964. Более специальным проблемам, рассматриваемым в настоящей главе, посвящена статья Т. Брауна (см.: Brown T. S. Polybius Account of the Antiochus III. Phoenix, 1964, Vol. XVII).

⁸² Специально о «Сирийских делах» Аппиана см. введение О. И. Севастьяновой к переводу в ВДИ, 1946, № 4; Salva E. Sul libro siriano di Appiano // Rendiconti dei Accademia dei Lincei, 1957.

⁸³ О Павсании см.: Бузескул В. П. Введение в историю Греции. Харьков, 1903; Жебелев С. А. К вопросу о композиции «Описания Эллады» Павсания // ЖМНП, 1909, Октябрь; Кондратьев С. П. Павсаний и его произведение // Павсаний. Описание Эллады. Т. I, М., 1938, С. 5—12.

⁸⁴ Об Иосифе Флавии и его трудах см.: Schreckenberg H. Bibliographie zu Flavius Josephus. Leiden, 1968.

⁸⁵ См.: Полякова С. В. Клавдий Элиан и его «Пестрые рассказы» // Элиан. Пестрые рассказы. М.—Л., 1963, С. 125—143.

⁸⁶ Все упоминания о Бероссе в древней литературе и его фрагменты подробно исследованы П. Шнабелем (см.: Schnabel P. Berossos und die babylonisch-hellenistische Literatur. Leipzig, 1923).

⁸⁷ О творчестве Флавия Филострата и его произведении «Жизнь Аполлония Тианского» см. обстоятельный очерк Е. Г. Рабинович в кн.: Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского. М., 1985, С. 217—276.

⁸⁸ Об этом произведении Арриана см.: Roos A. G. Studia Arrianea. Leipzig, 1912.

⁸⁹ О Корнелии Непоте см.: История римской литературы, Т. 3, М., 1959, С. 232—255; Leo F. Die griechisch-römische Biographie. Leipzig, 1901.

⁹⁰ См.: Бокшанин А. Г. Источниковедение древнего Рима. С. 63—64.

⁹¹ См. комментарии к изданию этого источника: Incerti auctoris epitome rerum gestarum Alexandri Magni/Ed. O. Wagner. Argentorati, 1900.

⁹² Краткий очерк о Полиене см.: Соболевский С. И. Полиен // История греческой литературы. Т. III.

⁹³ Укажем следующие комментированные издания «Книг Маккавеев»: Abel F. M. Les livres de Maccabées. Paris, 1949; Starcky J. Les livres des Maccabées. Paris, 1961.

⁹⁴ См.: Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979, С. 81—122.

⁹⁵ Одним из лучших комментированных изданий Исидора Харакского является следующее: Parthian Stations by Isidore of Charax. An Account of the Overland Trade Route between the Levant and India in the First Century B. C./The Greek Text, with a Translation and Commentary by Wilfred H. Schoff. Chicago, 1976 (the 1-st ed. London, 1914).

2015/05/30 15:26

Глава II
Социально-экономические
отношения в полисах
Юго-Западного Ирана
(на примере Селевкии-Суз)

§ 1. Городской строй

О судьбах греческих городов на эллинистическом Востоке известно очень мало, так как круг источников, по которым можно судить об их внутренней организации и значении в государственных структурах Селевкидского и Парфянского царств, крайне ограничен. Это отрывочные сведения античных авторов, нумизматический материал, данные эпиграфики и археологических раскопок. Все они очень неравномерно освещают историю развития полисных образований на территории указанных государств. По степени обеспеченности источниковым материалом можно составить представление о городском строе только лишь трех полисов, расположенных к востоку от реки Евфрат — Селевкии на Тигре, Дура-Европос и Суз¹.

На территории Юго-Западного Ирана было несколько полисов (Сузы-Селевкия на Эвлее, Александрия-Антиохия-Спассину-Харакс, Селевкия на Гедифонте), но только на материалах Суз можно исследовать структуру полисного устройства и ее эволюцию периода конца IV в. до н. э. — середины I в. н. э. Однако до сих пор в специальных исследованиях, посвященных рассмотрению городского строя восточноэллинистических полисов, и в частности Суз, к анализу привлекались данные ограниченного круга источников², в то время как этот город, на наш взгляд, сравнительно полно обеспечен источниковым материалом, и в первую очередь эпиграфическим.

Сузы — столица древнего Элама, весенняя резиденция и административный центр Ахеменидов, — располагались вблизи разветвленной сети водных путей, являясь, как сообщают античные авторы, одновременно и узлом пересечения важных торговых дорог. Этот город был сдан Александру Македонскому без боя осенью 331 г. до н. э., вскоре после поражения Дария III при Гавгамелах. Несколько позже Сузы стали греческим полисом и получили название Селевкия на Эвлее. Практика обозначения вновь основанного города именем царствующего монарха вполне обычна для эллинистического времени. Эвлей же — это адаптация названия местной реки Улай и является названием чисто македонским³. Улай — река Юго-Западного Ирана, которая сравнительно часто упоминается в более ранних текстах (например, в «Книге пророка Даниила»

Ветхого завета — XIII, 2, 16). Под названием Эвлей она известна многим античным авторам (см. с. 24—27 настоящего издания). Селевкия на Эвлее сохраняла свой полисный статус, как будет показано, и в парфянское время, вплоть до середины I в. н. э.

Название этого полиса впервые упоминается в надписи 205 г. до н. э. из Магнесии на Меандре⁴ в форме $\Sigma\epsilon\lambda\epsilon\upsilon\kappa\iota\alpha$ η $\pi\rho\sigma$ $\tau\eta$ $\epsilon\upsilon\lambda\lambda\iota\omicron$. Б. Оссулье показал, что Селевкия на Эвлее стало новым названием Суз, получившим полисное самоуправление. Он считал, что это произошло при Антиохе I⁵. У. Тари в свою очередь предположил, что Сузы становятся греческим полисом при Антиохе III⁶, аргументируя свое утверждение отсутствием надписей из Суз более раннего времени. Однако такой аргумент более чем сомнителен⁷.

Подавляющее большинство надписей на древнегреческом языке, происходящих из Суз селевкидского и парфянского времени, было открыто в результате систематических работ Французской археологической Миссии в 20-х — начале 30-х годов нашего столетия. Заслуга оперативного издания найденных документов принадлежит Ф. Кюмону⁸. Давая свою интерпретацию несохранившихся частей текстов, он попутно истолковывал отдельные факты, почерпнутые из их содержания. Глубокого исторического анализа этот исследователь не проводил, поэтому некоторые варианты его восстановлений и отдельные комментарии являются далеко не бесспорными.

В 1934 г. все сузские надписи были собраны воедино⁹ и вновь опубликованы в разделе «Сузиана» VII тома «Supplementum Epigraphicum Graecum»¹⁰. Этот ценный исторический материал вплоть до наших дней пользуется заслуженным вниманием исследователей, применяющих в своих работах сведения отдельных надписей из Суз. Однако в целом данные корпуса сузских надписей практически не использовались. Некоторым исключением является капитальный труд Ж. Ле Ридера, который, хотя и исследовал в основном нумизматический материал, все же кратко рассмотрел и интересующие нас надписи¹¹.

Сравнительно подробно изучалось письмо Артабана II к городу¹², анализировались отдельные манумиссии Селевкии на Эвлее¹³ и некоторые другие документы рассматриваемого корпуса¹⁴. Такое пристальное внимание к отдельным, наиболее ярким и информативным надписям таит в себе опасность либо поверхностного исследования других эпиграфических документов из Суз, либо даже игнорирования свидетельств некоторых из них, в то время как изучение всех надписей в комплексе с источниками другого характера дает очень надежный исторический материал для характеристики различных сторон жизни восточноэллинистического полиса¹⁵, как Селевкия на Эвлее в конце IV в. до н. э. — I в. н. э.

Сузы-Селевкия
расположены в долине р. Евфрат

2015/05/30 15:27

Таким образом, наша задача заключается в следующем: используя сведения сузских надписей, дополнить, иногда уточнить, а в некоторых случаях предложить иное толкование отдельных аспектов городского устройства Селевкии на Эвлее, что позволит более четко представить различные стороны жизни гражданского коллектива этого полиса.

Надписи, являющиеся объектом исследования, представляют собой в основном фрагментированные почетные и посвященные декреты (прозанческие и в стихах), манумиссии, а также фрагменты надписей на керамических чашах. Среди них письмо — послание Артабана II к Сузам. Все документы различного времени, причем наиболее ранние относятся к III в. до н. э., самые поздние датируются началом I в. н. э. Несколько особняком стоят два документа (9 и 26), хронологически выпадающие за рамки нашей работы.

Рассмотрим первый из них¹⁶, датируемый VI в. до н. э. Эта надпись была выполнена ионийскими буквами на массивной бронзовой фигуре, посвященной, как следует из содержания, жителями Милета в храм Аполлона в качестве священной десятины. Но как могла оказаться в Сузах эта бронзовая статуя с надписью, происходящая из древнего и глубоко почитаемого греками святилища? Геродот сообщает, что в начале греко-персидских войн персы разграбили и затем подожгли храм Аполлона в Дидимах, располагавшийся вблизи Милета, жители которого участвовали в антиперсидском восстании малоазийских городов (Her., V, 36; Strab., XIV, 1, 5)¹⁷. Сокровища этого святилища были увезены персами. В Сузы отправили и пленных милетцев, которых в дальнейшем поселили где-то в низовьях реки Тигра (Her., VI, 19—20, 32). Согласно Страбону, храм в Дидимах сожгли по приказу Ксеркса, а его сокровища жрецы святилища передали персам. Боясь наказания за святотатство и предательство, они бежали под защиту персидского царя (Strab., XIV, 1, 5; XVII, 1, 43). Но прошло время, и город бывших победителей оказался в руках греко-македонян. Граждане полиса, очевидно, довольно бережно и с большим уважением отнеслись к этой реликвии предков, водрузив статую с надписью в городе, возможно, в храме Аполлона, культ которого в Селевкии-Сузах был весьма популярен. В противном случае, как иногда делалось, этот священный кумир был бы отправлен победителями назад, в Милет. В пользу высказанного выше предположения может говорить и то, что некоторые исследователи указывают на милетское происхождение первых колонистов Селевкии-Суз¹⁸.

Вторая упомянутая выше надпись (27)¹⁹ датируется временем, предшествующим походам Александра Македонского на Восток, и является начертанной на надгробной стеле эпитафией некоего Никокла, сына Никокла, родом из Синопы, города на южном побережье Черного моря. Известно, что в период подчинения Синопы Ахеменидам послы этого города со-

вершали поездки ко двору персидского царя (Agg. Anab., III, 24, 4; Curt., VI, 5, 6). Однако из лаконичной эпитафии не видно, кем был Никокл — послом или торговцем²⁰. Для нас важен тот факт, что еще до завоевания Суз Александром в этом городе бывали греки-торговцы или дипломаты. Впрочем, не исключено, что Никокл был наемником-воином. К сожалению, иной информации в целях нашего исследования эти две ранние надписи не несут.

Для того чтобы проследить изменения в городском строе Суз за период существования здесь греческого полиса рассмотрим далее те надписи, которые относятся ко времени селевкидского господства вплоть до 140/139 г. до н. э., когда Сузы-Селевкия-на-Эвлее попадают под власть парфян²¹. Отметим, что в нашем распоряжении 4 документа селевкидского периода, 8 документов относятся ко времени господства парфян, 2 надписи II в. до н. э. можно отнести и к тому и к другому периоду, 5 очень кратких и фрагментированных надписей не датируются, но, бесспорно, принадлежат к селевкидо-парфянскому периоду. В указанный перечень не входят 13 манумиссий, анализу которых посвящен отдельный раздел настоящей монографии.

В отношении недатированных грекоязычных надписей можно высказать следующие соображения. Безусловно, все они относятся к селевкидо-парфянскому периоду, но как долго греческий язык использовался в Юго-Западном Иране? Известно, что он являлся официальным языком в парфянской державе, и его носителями были в Сузах греки и македонцы — граждане полиса. Он активно использовался вплоть до I в. н. э., о чем свидетельствуют некоторые наши надписи (гимн Аполлону, надпись на короне парфянской царицы Музы — обе относятся к рубежу новой эры, письмо Артабана II гражданам Селевкии-Суз — к 21 г. н. э.). Традиции использования греческого языка в качестве официального оставались сильными даже после того, как Селевкия на Эвлее была лишена полисного статуса в середине I в. н. э. Примером тому являются легенды монет элимаидских правителей, выпускавшихся на монетном дворе Суз примерно с 75 г. н. э.²² Цари Элимаиды чеканили монету одновременно в своей столице — Селевкии-на-Гедифонте («большие бронзовые номиналы») и в Сузах («малые номиналы»). Если серии монет Селевкии-на-Гедифонте уже с конца I в. н. э. выпускались с арамейскими легендами, то сузские эмиссии сохраняют легенды на греческом языке вплоть до II в. н. э.²³ включительно. Поэтому можно считать, что лишь к концу II в. н. э. греческий язык выходит из употребления в Сузиане-Элимаиде. Это подтверждается надписью, найденной в Сузах²⁴. Она датируется I в. н. э. и выписана на парфянском языке. Следовательно, крайний временной предел наших недатированных надписей — не позже II в. н. э.

К III в. до н. э. относится несколько надписей, среди которых следует прежде всего упомянуть фрагмент почетного декрета (5)²⁵, содержащего сведения о некоем лице, сыне Никандра, имя которого в надписи не сохранилось. Он являлся судьей по восстановлению Ф. Кюмона, «стратегом и уполномоченным по доходам» (... τὸν στρατηγὸν καὶ ἐπὶ τῶν προσόδων...). Вероятно, он был одним из правителей Сузианы, который объединял в своих руках две высшие должности Селевкидского государства: военную и финансовую. Однако, как справедливо заметил Ж. Ле Ридер, восстановление текста может быть иным: ... τὸν στρατῶν καὶ ἐπὶ τῶν προσόδων...²⁶, т. е. это функционер царской администрации вполне мог быть сатрапом Сузианы. Впрочем, однозначно решить этот вопрос пока не представляется возможным, так как точная датировка надписи неизвестна. Тем не менее можно заключить, что среди граждан Селевкии на Эвлее были лица, занимавшие высокие административные должности царского двора.

В другом почетном декрете (4)²⁷, относящемся также к III в. до н. э., неким Леоном и его подчиненными (командирами и солдатами) прославляется Аретена (дочь Тимона и Атенузы). Интересно, что в первой строке надписи употребляется термин ἡγεμόνες, который Ф. Кюмон предлагает понимать как воинское звание в эллинистической армии, причем это звание носили военачальники, находящиеся в распоряжении и под верховным командованием стратега. Следовательно, если принять это предположение, то Леон был стратегом. Весьма соблазнительно видеть в нем того Леона, который командовал кавалерией в битве при Киноскефалах (Polyb., XVIII, 22, 2), или же Леона, под чьим командованием войска Евмена в 170 г. до н. э. участвовали в битве против Гортиня на Крите (Polyb., XXVIII, 15, 2). Однако это лишь гипотезы. Трудно сказать, чем заслужила Аретена такие почести от военных Селевкии на Эвлее, тем не менее допустимо следующее предположение. Отец Аретены Тимон назван в надписи в числе царских придворных (ἐπὶ τῆς αἰχλῆς τοῦ βασιλέως). Впрочем, Ф. Кюмон считает его крупным военачальником²⁸. Не лежит ли причина подобной лестии к дочери высокопоставленного лица в желании военных Селевкии на Эвлее извлечь для себя или же для полиса какие-либо выгоды со стороны царской власти?

Следующая надпись — посвящение богине Ма (10), — датируемая по палеографическим данным III в. до н. э.²⁹, важна не только упоминанием этой богини войны, культ которой был популярен, в частности, в Каппадокии, где она почиталась еще под именем Энио (Strab., XII, 2, 3), но и именем дедикатора — Аполлодор, сын Кратера. Есть мнение, что это был тот самый Аполлодор, который в 222—220 гг. до н. э. после подавления восстания Молона Антиохом III был назначен сатрапом Сузианы (Polyb., V, 54, 12)³⁰.

Гражданин Селевкии на Эвлее Херей, сын Евмена, скульптор и поэт, изваял статую Аполлона и поместил на ее базе стихи в честь этого бога (11). Надпись датируется также III в. до н. э.³¹ Благодарный Херей в «эллинических песнопениях» прославляет в качестве покровителя «Феба, славного своим луком» за спасение от опасности, возможно, за исцеление своей жены Клио и дочери Антигоны. Интересно, что имя Аполлона употребляется в этом гекзаметрическом пятистишье с его древними эпитетами — Φοῖβος и κλυτότοξος.

В надписи 7³² (середина II в. до н. э.) Пифагор, сын Аристарха, имеющий придворный титул телохранителя, прославляет своего друга (τὸν ἐξυτοῦ φίλον) Арринида, сына Арринида, стратега Сузианы (τὸν στρατηγὸν τῆς Σουσιανῆς). Отметим, что Пифагор, от имени которого написан этот документ, имел не только высокий придворный титул, но и находился в дружбе с одним из крупных военных, назначаемых царствующим монархом.

Фрагмент надписи 8³³ (II в. до н. э.) очень краток. Сохранилось лишь несколько букв, из которых авторы, впервые опубликовавшие надпись, В. Лофтус и позже Ф. Кюмон предложили следующее словосочетание: ... τῶν ἐν τοῖς λε... . Вариант восстановления М. И. Ростовцева и Ч. Б. Уэллеса³⁴ несколько иной: ... τῶν ἐν τοῖς πρ[ότοις] καὶ προτιμωμένοις φίλος...]. На наш взгляд, он более предпочтителен, так как становится ясен смысл всей фразы, представляющей собой передачу одного из высших придворных титулов эллинистического времени — «первый из первопочитаемых друзей».

Одна из сузских надписей (2), датируемая 177/176 г. до н. э. и принимавшаяся ранее большинством исследователей за почетный декрет³⁵, на самом деле (это доказал Л. Робер³⁶) является манумиссией. Сузские манумиссии, как уже отмечалось, будут рассмотрены отдельно.

Очень интересны два стихотворных почетных декрета, в которых прославляется некий Замасп. Его заботами и энергией было воздвигнуто ирригационное сооружение, «сделавшее плодородными давно покинутые безводные клеры» жителей Суз (13, стк. 11). Первая из этих надписей (12)³⁷, сильно фрагментированная, датируется 37—32 гг. до н. э. Автор стихов от имени Аршакида Фраата IV «возвещает навечно всем городам» «о бессмертной славе знаменитого, окруженного почитанием Замаспа», который после изгнания «по велению судьбы Тиридата» был назначен стратегом (в надписи — στρατάρχος — поэтическая форма слова «стратег») Сузианы. Замасп, «действуя согласно с гражданами», прорыл загроможденное русло Гондейса и «за немалое время сделал его многоводным».

События, о которых идет речь в стихотворении, относятся к 30-м годам I в. до н. э. В связи с тем, что в этот период в Сузе не удалось добиться успеха Фраата IV (благодаря его успешным боевым действиям римлянам, возглавляемым Антонием, не удалось продвинуться в

своих захватах дальше за Евфрат), у него появляется претендент на престол некий Тиридат, бывший стратег Сузианы, ставленник римлян (Iust., XLII, 5, 4; Dio Cass., II, 18). Борьба за престол шла с переменным успехом. Ее обострение произошло на 27/26 г. до н. э., когда и Фраат и Тиридат чеканили каждый от своего имени драхмы³⁸. В 26 г. до н. э. Тиридату даже удалось захватить гарем соперника, однако Фраат успел умертвить всех своих жен (Isid. Char. Mans. Parth., I). Но после 26 г. о Тиридате упоминаний уже нет. Это позволяет думать о том, что борьба за власть окончилась в пользу Фраата IV.

Наш сюжет относится к более раннему времени, когда Тиридат был лишен должности стратега и изгнан из Сузианы. Замасп, новый стратег Сузианы, «преданный» царю (πιστός Ζασιολήτης) — так отзывается о нем сам Фраат IV, скорее всего принимал активное участие в борьбе против Тиридата, за что и был назначен на эту должность.

Важна следующая деталь: царь возвещает не только Сузам о деяниях Замаспа, но и «всем городам». Не исключено, что копии надписи были установлены еще в некоторых полисах Юго-Западного Ирана. Интересно также и упоминание в этих почетных стихах имени грека Гелиодора, который характеризуется царем как «предприимчивый и справедливый муж». Он был послан в Сузиану как ближайший друг Замаспа «в качестве проводника». Факт наделения этой личности столь громкими эпитетами позволяет предположить, что он, как и Замасп, являлся одним из приближенных царя, а с Замаспом был послан для того, чтобы обеспечить необходимый деловой контакт с гражданами полисов Сузианы, а также, возможно, для организации ирригационных работ в качестве специалиста.

К сожалению, текст надписи обрывается на 15-й строке, однако дополнительные сведения об этом сюжете можно почерпнуть из документа 13³⁹. Написанный, как и предыдущий, гекзаметром, он содержит 12 строк хорошо сохранившегося текста, который размещался на цоколе бронзовой статуи Замаспа. Датировка надпись 313 г. селевкидской эры (1/2 г. н. э.), причем датировка следует из уже не стихотворной, а дополнительной строки текста, содержащей к тому же и имя автора стихов — Аристон, сын Гора. Поэт пишет уже не от имени царя, а обращается к чужеземному гостю (ξένη) с пожеланием обратить внимание на бронзовое изображение Замаспа, стратега Суз. Такое обращение не совсем обычно, однако если иметь в виду, что статуя Замаспа наверняка стояла на агоре Суз, которую в первую очередь посещали гости, то подобная формулировка станет понятной.

Интересен патронимикон Аристона, носящий явно негреческий характер. Ф. Кюмон считал Гора иранцем, который имел жену-македонянку⁴⁰, однако Ч. Б. Уэллес доказал, что это имя семитское⁴¹. Факт постепенного проникновения со времени пар-

фянского завоевания в греко-македонскую среду гражданского коллектива полиса представителей иных этнических групп зафиксирован и для других греческих полисов восточной части Парфянского государства⁴².

По содержанию надписи 12 и 13 практически не отличаются. Но отметим ряд интересных деталей. Так, в последней надписи Замасп определен уже как стратег и сатрап и имеет, как кажется, придворное звание «друга» (φίλον — вполне можно отождествить с употребляемым в поэзии и, в частности, в данном стихотворении словом [ἑτα]ίρον). Еще одна характерная деталь: во втором стихотворении имя Тиридата не упоминается, в то время как в надписи 12 о нем говорится в сравнительно мягких выражениях (Тиридат был «изгнан по велению судьбы»). Нам представляется, что ко времени публикации первой надписи (середина 30-х годов I в. до н. э.) борьба Фраата и Тиридата за престол была в самом разгаре и об ее исходе было трудно судить. Поэтому автор стихотворения благоразумно решил смягчить акценты. Вторая же надпись датируется первыми годами новой эры, когда спор за корону был уже решен в пользу Фраата и имя претендента на престол можно было не упоминать.

С другой стороны, эти факты могут в какой-то мере выявить некоторые черты взаимоотношений восточноэллинистического полиса и центральной парфянской власти. В литературе уже подчеркивалось, что в Парфянском государстве, в котором политическая организация общества в значительной мере совпала с военной, самоуправляющийся греческий полис являлся чужеродным организмом⁴³. С точки зрения господствующих слоев парфянского общества греческие полисы не имели права ни на какие привилегии, которыми они пользовались при Селевкидах, поэтому со времени парфянского завоевания наблюдается постоянная тенденция к уничтожению их автономии. Греко-македонское население полисов в большинстве случаев было враждебно настроено по отношению к парфянам. Яркий пример тому — отпор парфянским завоевателям со стороны греческих полисов в попытках завоевать Вавилонию, где во времена Селевкидов находилось большое число греческих полисов⁴⁴, или же восстания горожан полисов против парфян (в Селевкии на Тигре в 36—43 гг. н. э.). Поэтому, несмотря на внешне взаимную демонстрацию лояльности парфянской царской власти и гражданского коллектива полисов, внутренняя ситуация этих взаимоотношений не была столь благополучной. Иначе не ясно, зачем упоминать Тиридата, претендующего на власть законного монарха? Известно, что Тиридат был ставленником римлян⁴⁵, которые постепенно стали угрожать Парфянскому государству с востока, вынуждая парфянских кандидатов на престол и греческие полисы⁴⁶. Отсюда становится понятным сочувственное отношение греко-македонского населения Селевкии на Эвлее к противнику парфянского царя.

2015/05/30 15:28

Документ 13 дает возможность охарактеризовать в общих чертах и земельную систему Суз. Этот вопрос был предметом анализа Г. А. Кошеленко⁴⁷, который считает вполне справедливыми выводы Ф. Кюмона относительно того, что земельная система Суз имела много общего с аналогичной системой другого восточноэллинистического полиса — Дура-Европос. Ф. Кюмон отмечал также, что при Селевке I поселенные здесь македонские военные колонисты наделялись земельными участками, клерами в обмен на обязанность нести военную службу. Им была поручена охрана акрополя⁴⁸ Суз, о котором идет речь в надписи. Позже, когда Сузы получили статус полиса, ситуация не изменилась, равно как не изменилась она и с приходом парфянов. Бывшие македонские колонисты, став гражданами Селевкии на Эвлее, сохранили связь между правом владения клерами и обязанностью несения военной службы.

Ж. Ле Ридер в связи с этим считает, что под $\varphi\rho\omicron\upsilon\rho\omicron\upsilon\tau\eta\{\rho\}[\rho]e\varsigma$ (стк. 9) следует понимать не определенную категорию внутри гражданского коллектива полиса, а весь коллектив в целом, т. е. вся гражданская община выступала в роли коллективного клеруха⁴⁹. Однако создание полиса в Селевкидском государстве не означало полного перехода права собственности на землю к полису, а лишь условное владение гражданским коллективом определенной территорией, взамен чего полис был обязан царю военной службой. В связи с этим центральное правительство было вынуждено рассматривать полисную земельную собственность (условную) не как сумму отдельных клеров, а «как некоторое единство» и вступало в сношения уже не с отдельными гражданами, а с коллективом, «что ставило в определенные рамки верховную власть в ее отношениях с греческими (и македонскими) подданными, являвшимися гражданами полисов»⁵⁰.

Оба документа дают возможность заключить, что селевкийцы уделяли пристальное внимание осуществлению ирригационных работ, без которых нормальная хозяйственная жизнь полиса и его округа была бы невозможна. В связи с этим возникает вопрос о локализации водного протока Гондейса, чье название упоминается трижды в этих надписях (12, стк. 9; 13, стк. 8, 12). Логично предположить, что Гондейс — приток реки Эвлее, на которой располагались Сузы. Ф. Кюмон считал возможным идентифицировать Гондейс и Гинд, который упоминается у Геродота (Нег., I, 189—190, 202; V, 52). Однако Гинд, как известно, это приток реки Тигр (совр. Диала) и, естественно, никак не может находиться в Сузиане. Поэтому такое сопоставление является ошибочным. К сожалению, других сведений о Гондейсе наши источники более не несут.

Важный материал для характеристики полисного устройства Суз уже в период парфянского господства дает «Декрет граждан Суз в честь Николая, сына Ма...» (3), датированный в пределах 100—50 гг. до н. э.⁵¹ Этот гражданин Суз, судя по

имени, а тем более по патронимикону в восстановлении Ф. Кюмона, македонец по происхождению, являясь гимнасиархом полиса, «не пожалел своих средств» для оснащения городского стадиона. У названного персонажа высокий придворный титул — «первый из первопочитаемых друзей и телохранителей». Интересно, что в свое время он был награжден и увенчан венком за победу на священных играх. Надпись не позволяет сказать определенно, что представлял собой стадион Селевкии на Эвлее, однако дополнительный материал вполне можно извлечь при анализе эпиграфических документов Вавилона. Так, в документе 111/110 г. до н. э.⁵² упоминается гимнасиарх Артемидор со списком эфевов и неотов — победителей в соревнованиях по различным видам спорта в палестре. Это позволяет считать, что даже при парфянах как в Вавилоне, так и в Селевкии на Эвлее функционировали важнейшие полисные институты, предназначенные для воспитания подрастающего поколения в эллинском духе.

Упомянем еще одну краткую надпись (6)⁵³, выполненную в 99/98 г. до н. э. в честь одного из военных, Лисимаха, сына Аполлофана, которого сослуживцы славят за «пригодность», что определялось скорее всего путем установленной проверки. И Лисимах и его дедикаторы носят придворный титул «телохранителей». Это указывает на принадлежность названных персонажей к военным кругам. Впрочем, об этом же свидетельствует и обозначение датировки в надписи «из среднего дежурства декады месяца». Ф. Кюмон предположил, что в Сузах месяц был разделен на три декады, в каждую из которых несла свою службу определенная группа военнослужащих. В связи с этим он усматривает в глаголе $\epsilon\phi\tau\eta\rho\epsilon\beta\omega$ своеобразный «военный оттенок»⁵⁴. Таким образом, данный материал свидетельствует о том, что и при парфянах военные функции внутри города осуществлялись греками и македонцами — гражданами полиса.

В нашем распоряжении есть еще 4 надписи, в которых использован упомянутый выше термин $\epsilon\phi\tau\eta\rho\epsilon\beta\alpha$. Одна из них, выполненная на черепке, датирована 269 г. селевкидской эры (43/42 г. до н. э.)⁵⁵, содержит три строки очень плохо сохранившегося текста. Первая строка — это датировочная формула (название месяца не сохранилось), вторая — слова $\lambda\rho\omicron\tau\eta\varsigma$ $\epsilon\phi\tau\eta\rho\epsilon\beta\iota\alpha\varsigma$, третья содержит группу букв, восстанавливаемых предположительно как $\lambda\beta\omicron\omicron\omicron\omicron$. К сожалению, связной информации по этим остаткам текста получить невозможно.

Еще две такие надписи, но уже не датированные были сделаны на чашах, от которых дошли лишь незначительные фрагменты. Они почти одинаковы по содержанию — упоминается дежурство и имя $\epsilon\phi\tau\eta\rho\epsilon\beta\iota\omega\tau\eta\varsigma$ сына Аполлона $\epsilon\phi\tau\eta\rho\epsilon\beta\iota\omega\tau\eta\varsigma$ Аполлоний (30)⁵⁷. Аполлоний (его имя, но без отчества, как она) назван в надписи в качестве «простата». Возможно, это был один из командиров охраны сузского акрополя, хотя не

исключены и иные толкования. Характерно, что Ф. Кюмон описывает эту надпись без комментария, а Ж. Ле Ридер ее вообще ни разу не упоминает, даже в своем просопографическом анализе⁵⁸. А ведь Аполлоний вполне мог быть гражданином полисного коллектива. Что же касается Асклепиодора, сына Артемона, то он, бесспорно, являлся гражданином полиса, солдатом-ополченцем⁵⁹.

Последняя надпись на черепке (29)⁶⁰, в которой также использован упоминавшийся термин, несколько выпадает из серии рассмотренных, так как в данном случае употреблены имена на уже не греко-македонские, а иной этнической принадлежности. Уверенно читается группа букв в первой строке — ΣΙΟΑΝΟΥ, во второй — ΕΦΗΜΗΡΙΑΣ и в третьей строке — ΠΡΟΣΑΒΙΝΝΑΒΟΥ. Последняя группа — это предлог и теофорное имя семитского происхождения⁶¹. В отношении первой строки Ф. Кюмон предлагал восстановление ... ε 'Ιωάννου, т. е. в виде искаженного генетива от семитского имени 'Ιωάννης. Однако Ж. Ле Ридер, исключая такую реконструкцию, не приводит тем не менее иных вариантов⁶². Можно предположить, что эта надпись относится к сравнительно позднему времени (но, как уже было показано, не позднее конца II в. н. э.) и дает информацию о том периоде существования Селевкии-Сузы, когда полис перестал существовать и рамки бывшего гражданского коллектива полиса уже были размыты настолько, что в него проникают представители иных этнических групп. Это зафиксировано, правда в качестве исключения, уже для второй половины II в. до н. э. в одной из манумиссий (см. ниже). Возможно и другое предположение. В Сузах могли находиться наемники, среди которых были семиты, или даже регулярное воинское соединение. Однако это можно наблюдать никак раньше перехода Сузианы под власть парфян.

Рассмотрим короткую надпись на чаше, в которой угадывается несколько слов (32)⁶⁴. Ф. Кюмон предложил ее восстановление как ... υς Δημητρίου τῆ δ' ἑταρί... В корпусе сузских надписей последняя группа букв восстанавливается как личное имя. В этом случае можно видеть имена и отчества двух граждан Суз. Ж. Ле Ридер⁶⁵ предлагает иную трактовку фразы: ... υς Δημητρίου τῆ δ' (ἡ) ἐταρί[ου], т. е. считает ее пояснением к посвятившему дару некоего жителя Суз, сына Деметрия, с упоминанием римского денария, правда, ошибочно написанного как ἐταρί[ου] — вместо первой гласной «η». Однако в таком случае не совсем ясна роль этой римской монеты при совершении посвятившего дара, так как ни в Сузах, ни в поселениях сельской округи Юго-Западного Ирана такие римские монеты не обнаружены. Вообще, как будет показано ниже, находки римских монет здесь крайне редки, все они — исключительно бронзовые. Таким образом, пока нет оснований предпочесть какую-либо из предложенных трактовок надписи, равно как и отвергнуть их.

Еще одна надпись парфянского времени, выполненная, скорее всего, на рубеже новой эры, привлекает внимание своим необычным характером. Она сделана на короне мраморной женской головы, изображение которой принято считать портретом Музы, жены парфянского царя Фраата IV и, уже позже, Фраата V⁶⁶. Такое отождествление кажется вполне вероятным и принимается практически всеми исследователями. Однако, прежде чем обратиться к анализу надписи, рассмотрим события того времени.

Последние десятилетия I в. до н. э. — период неустойчивости внутривосточного положения в Парфянской державе и усиливающейся угрозы со стороны Рима. Но в результате активности римской дипломатии взаимоотношения между двумя крупнейшими державами древности временно приобрели мирный характер⁶⁷. В знак этого примирения Август прислал парфянскому царю в «числе прочих подарков» италийскую рабыню-наложницу Музу (Иосиф Флавий называет ее Формузой), которая довольно быстро заняла положение любимой жены и даже родила царю сына (Ios. Fl. Ant., XVIII, 2, 4). Все возмужавшее влияние Музы на стареющего Фраата IV подчеркивалось еще и тем, что этой энергичной женщине удалось убедить царя отправить его четырех законных старших сыновей в Рим (сын Музы, которого называли Фраатаком, остался при дворе). Это, по мнению некоторых исследователей, являлось беспрецедентным шагом в истории международных отношений⁶⁸. Август в своих «Деяниях» сообщает следующее: «...парфянский царь Фраат, сын Орода, послал ко мне в Италию всех своих сыновей и внуков не потому, что был побежден в войне, но так как он, отдав своих близких в заложники, надеялся добиться нашей дружбы»⁶⁹. Отчасти это было действительно так, но главная причина подобной ссылки заключалась все же в другом. Кстати говоря, согласно эпиграфическим данным, двое из сыновей Фраата умерли в Риме⁷⁰, и лишь Вонону много позже удалось вернуться на родину (Ios. Fl. Ant., XVIII, 2, 4). О судьбе четвертого сына сведений в источниках нет.

В результате высылки в Рим законных сыновей Фраата IV наследником престола стал Фраатак, сын Музы. Успешно устранив, таким образом, претендентов на царскую власть, Муза попыталась освободить парфянский трон для Фраатака. Ей это удалось. Как сообщает Иосиф Флавий, она организовала заговор против собственного мужа, в результате которого он был убит. Возглавил заговорщиков Фраатак (Ios. Fl. Ant., XVIII, 2, 4). В литературе высказывается мнение, что царя отравила сама Муза⁷¹. Так или иначе в 3/2 г. до н. э. Фраатак, еще не достигнув совершеннолетия, под именем Фраата V занял трон парфянских царей. Но этот «царь царей» оказался в полной зависимости от Рима. В 15 г. до н. э. Муза была вынуждена его даже вступить в брак. Муза, очевидно, хотела еще сильнее укрепить свои собственные позиции теперь

2015/05/30 15:28

уже в качестве законной соправительницы Парфянского государства.

В объяснении некоторых причин рассматриваемых событий показательно следующее. Годом раньше, еще до заключения брака, Фраат V встретился с Гаем Цезарем, внуком Августа, командовавшим римскими войсками на Востоке, для того, чтобы урегулировать конфликт, вспыхнувший из-за Армении. Совершенно неожиданно парфянский царь отказывается от притязаний на Армению, причем причины этого шага античные авторы не сообщают. Зато известно, что тогда же Фраат V заключил с римлянами договор, по которому римляне не возвращают на родину законных наследников парфянского престола — своих сводных братьев и сыновей Фраата IV (Dio Cass., LV, 10, 20; Vel. Pat., II 101, 1).

Совершенно очевидно, что действиями молодого царя руководила Муза, а последовавший после этого ее брак с собственным сыном, с одной стороны свидетельствует об успешном осуществлении ее планов, с другой — о все возрастающем желании самостоятельности и полной независимости в государственных делах. Уступки, на которые пошел Фраат V для того, чтобы удержаться на троне, без сомнения, говорят о том, что Муза полностью контролировала каждый шаг своего сына. Подозрительная податливость Фраата в решении спорных вопросов в разделении сфер влияния между двумя сильными государствами привели некоторых исследователей к заключению о том, что в успехах римской дипломатии на Востоке в этот период определяющую роль сыграла Муза, которая являлась римским агентом при парфянском дворе⁷².

В парфянских аристократических кругах росло недовольство действиями безвольного Фраата V и всевластием Музы. Проримская ориентация, высылка законных наследников в Рим, заключение брака матери с сыном, наконец, принятие Музой божественных царских титулов ΘΕΑ ΜΟΥΣΑ, ΘΕΑΣ ΟΥΡΑΝΙΑΣ (об этом свидетельствуют монеты)⁷³ не могли пройти бесследно. В результате мятежа в 4 г. н. э. Фраат был низложен и убит. Вместе с ним погибла и Муза (Jos. Fl. Ant., XVIII, 2, 4). Таковы были взлет и падение этой энергичной, настойчивой женщины в своих действиях, жестокой женщины-интриганки, воля и упорство которой в достижении собственных целей поразительны.

Именно ее портрет, который можно с полной уверенностью отнести к шедеврам эллинистической скульптуры, был найден в Селевкии на Эвлее. Реалистичное изображение довольно красивой женщины с нежным лицом и волевым холодным взглядом, с какой-то странной застывшей полуулыбкой на губах, в определенной мере иллюстрирует характеристики, данные в частности, античными авторами этой вершительницы судеб парфян, бывшей италийской рабыни. Известно имя скульптора, запечатлевшего в мраморе портрет Музы. На короне царицы выведена двустрочная греческая надпись: «Сделал Антиох

сын Дриаса». Поражает другое. Оставлять свою, пусть даже рукой автора сделанную надпись на изображении обоженной царствующей особы категорически запрещалось, поскольку это расценивалось как святотатство и, безусловно, подлежало наказанию со стороны официальных властей. Не приходится сомневаться, что эта авторская надпись была сделана сознательно. Нет сомнений и в том, что скульптура изготовлена на заказ. Причину появления надписи следует, как нам представляется, искать в психологии греков и македонцев, граждан полисного коллектива, к которому принадлежал Антиох, сын Дриаса. Возможно, в этом проявилась своеобразная издевка мастера, воспитанного на полисных традициях, над незадачливой вершительницей судьбы целого «варварского», с его точки зрения, государства, которая к тому же в прошлом была наложницей Фраата IV. Однако каким образом можно было обезопасить себя от возможных преследований? Выскажем следующее предположение. Надпись, выполненная на короне, могла быть загрунтована, и затем корона, как это обычно делалось для подобных изображений, была покрыта слоем золота или серебра. Время не сумело скрыть этой уловки лукавого мастера, и ныне нам известно не только изображение бывшей рабыни — повелительницы парфян, но и имя талантливого скульптора, гражданина Селевкии-Суз.

Интересно, что рассмотренные события не остались без внимания в античной письменной традиции. Плутарх, описывая в биографии Красса трагические для римлян события битвы при Каррах, когда в результате вероломства парфян они не только лишились своего военачальника, но и потерпели сокрушительное поражение, позволяет себе заявить: «Наглы... парфяне — те самые, над которыми не раз царствовали Аршакиды, родившиеся от милетских и ионийских гетер» (Plut. Crass., XXXII, 6). Нет сомнений, что одной из причин подобных насмешек была память о Музе.

Поражает изяществом стиля и торжественностью изложения еще одно стихотворное произведение, входящее в круг наших источников. Это — «Гимн Аполлону» (14)⁷⁵, датируемый, по палеографическим данным, началом I в. н. э. Текст его, как следует из прозаического предисловия, написан Геродором, сыном Артемона, который стал победителем в священных играх, связанных, вероятно, с именем этого божества.

Гимн имел предположительно 44 строки текста. Это устанавливается благодаря тому, что он написан акростихом. Текст очень фрагментирован, лишь третья его часть доступна для прочтения. Однако и такой небольшой объем сохранившегося текста дает пример тонкого и лиричного восхваления божества. В нашу задачу не входит анализ религиозных верований, которые отражены в этом гимне, и, отсюда, имена тех божеств, к которым он относится. Однако можно с полной уверенностью. Кроме Аполлона здесь упомянута местная богиня На-

2015/05/30 15:28

найя. Ее имя употреблено с эпитетом *ἑστία*, являющимся
непрерывной принадлежностью греческой Артемиды. Отметим
что Аполлон и Артемида — божества парные, поэтому не удивительно,
что Артемида, слившаяся со временем с Нанайей, также находит свое отражение в гимне. Текст строк 28—29
на позволяет сделать вывод, что культ Аполлона и все религиозные действия, связанные с ним, существовали не только в Сузах, но и в других соседних полисах. Более того, это божество явно выделялось из пантеона обычно почитаемых. Кроме того, упоминается о древнем эллинском празднике свидетельствует о почитании граждан Селевкии на Эвлее к традиционному религиозным праздникам Эллады.

Выше подчеркивалось, что в Сузiane уделялось пристальное внимание ирригационным работам. Не обошлось без упоминания о них в поэтической форме и в гимне (стк. 18—21). Однако этот факт полностью выпадает из поля зрения исследователей, специально занимающихся этой проблемой⁷⁶. Кроме того, благодаря этому документу мы имеем факты, свидетельствующие о том, что на Сузской равнине наряду с ирригационным предпринималось и богарное земледелие (стк. 8, 23).

Одна из недатированных надписей Сузского корпуса (28) интересна тем, что материалом для письма послужила в данном случае глиняная табличка, но уже не для клинописи, а для греческого текста. Большая часть текста утрачена, но, судя по тому, что удается распознать по крайней мере 5 коротких фраз, заканчивающихся числительными (*α'* — стк. 1—3, *β'* — стк. 4), можно предположить, что это была какая-то инструкция-предписание, возможно, в отношении поступления налогов или взимания налогов. В пользу предлагаемой интерпретации как будто намекает глагол *ἔξεταζω* в форме императива (стк. 4).

Важнейшим источником, характеризующим городскую структуру Селевкии на Эвлее в последние десятилетия существования этого города как полиса, является письмо Артабана II, датированное 21 г. н. э. (1). Это послание представляет собой ответ на запрос, сделанный гражданами полиса царю в связи с нарушением конституционных норм полиса. Некий гражданин Суз Гестиэй, сын Асия, был избран через два года на одну и ту же должность, что нарушало полисное конституционное установление, запрещавшее избирать одно и то же лицо на такую должность ранее, чем через три года. Вопреки городскому установлению, Артабан II дает разрешение на избрание Гестиэя казначеем полиса.

Текст, написанный на хорошем греческом языке, выполнен Леонидом, сыном Артемона, по заказу отца Гестиэя — Асия, сына Деметрия (оба — граждане Селевкии на Эвлее), в 25 г. н. э. Он представляет собой, очевидно, не оригинал, а точную копию царского послания. Блок из серого мрамора с текстом служил основанием для статуи Гестиэя, которую воздвиг

отец (надо полагать, весьма состоятельный гражданин полиса) для того, чтобы подтвердить законность магистратуры Гестиэя и прославить сына. Гестиэй имел один из самых высоких придворных титулов, который включал в себя соединение трех рангов сразу: «из первых и первопочитаемых друзей и телохранителей», что позволяет говорить о нем как об одном из высокопоставленных и состоятельных граждан. В пользу последнего обстоятельства говорит еще и то, что при отъездах из города он не возлагал «ни на кого попечения о собственном имуществе» (*τῶν ἰδίων*), размер которого, надо полагать, был немал (стк. 7). Для большего почета перед упоминанием придворного титула Артабан II употребляет выражение «один из ваших граждан» (*τῶν τε] βίετῶν πολιτῶν*). Кстати, отец Гестиэя Асий, сын Деметрия, был также одним из известных граждан полиса: спустя 4 года, в 25 г. он выполнял должность судебного секретаря (стк. 18). Очевидно, достаток семьи и знаки внимания царствующего монарха имели определенное значение в продвижении по службе как самого Гестиэя, так и его отца.

Заслуживает внимания выражение *προβλήθη εἰς τὴν αὐτὴν ἀρχὴν* («он был предложен к избранию в той же самой должности»). Скорее всего в полисе существовал какой-то орган, возможно буле, который выдвигал на баллотировку кандидатуры на должности городских магистратов. Интересно упоминание о докимасии-проверке, которой подвергся Гестиэй. Видимо, при этой проверке исследовались не только нравственные качества кандидата, но и его имущественное положение, как это было, например, в Селевкии на Тигре (Т а с. Апп., V, 1, 24).

Исследователи письма еще не пришли к единому мнению в отношении восстановления строки, содержащей имена и должности получателей послания (стк. 2). Следуя варианту Ч. Б. Уэллеса⁷⁸, Антиох и Фраат, упоминаемые как адресаты, являются архонтами Суз. Однако это не так, поскольку ниже (стк. 8—9) говорится об избрании архонтов на этот год и называются имена Петаса, сына Антиоха, и Аристомена, сына Филиппа. К тому же в преамбуле письма имена Антиоха и Фраата употреблены без патронимиконов, в то время как избранные архонтами Петас и Аристомен, как мы видим, отчества имеют.

Н. В. Пигулевская и А. Г. Бокщанин⁷⁹ считали, что под словом *ἀρχοὶ* следует понимать стратега и казначея полиса, т. е. двух городских магистратов. Следовательно, кто-нибудь из них должен быть казначеем города, однако в тот год на эту должность был выбран Гестиэй, не входящий в число персональных адресатов. Г. А. Кошеленко⁸⁰, следуя варианту восстановления Л. Робера, видит в этих архонтах верховных магистратов, и в качестве третьего лица упоминает имени царя контрольного органа, который может быть восстановлен по варианту восстановления: *Ἀντιόχου καὶ Φραάτου ὅτοις ἐν Σοῦσοις [καὶ*

τῶν ἀρχόντων καὶ τῶν πόλεων... Как в варианте Л. Робера, так в предложенном восстановлении получается, что адресаты письма — это Антиох и Фраат, являвшиеся царскими архонтами-резидентами в Сузах, архонты полиса и граждане полиса. Тот факт, что царь обращается в письме прежде всего к Антиохию и Фраату, свидетельствует о том, что они могли оказать самое серьезное влияние на внутреннюю жизнь полиса. Городскими же архонтами Петас, сын Антиоха, и Аристомен, сын Филиппа, являлись кроме всего прочего и архонтами-эпонимами: именами обозначался текущий год (стк. 13).

Судя по письму Артабана II полису, Селевкия на Эвлее Сузы еще формально сохраняет свою автономию. Однако о реальной и реальной автономии этого полиса в начале I в. н. э. говорить уже не приходится. Наличие в городе царских контролеров-резидентов, имена которых в преамбуле письма стоят в первом месте, — это один из фактов подтачивания ее устойчивости. Уже упоминалось о том, что Гестиэй имел высокий придворный титул. Это свидетельствует о каких-то немаловажных заслугах его перед царем и о несомненной преданности последнему. Да и то, чтобы такую важную и ответственную должность в городе занял преданный парфянам человек, царь идет на нарушение конституции полиса и буквально диктует горожанам свою волю (ἡρεῖσθε — «мы полагаем»), заявляя, что архонты города «обвинили Гестиэя несправедливо» (стк. 12). Вывод царя звучит почти что в форме приказа: «Избрание его (Гестиэя, С. Н.) является законным» (стк. 13), причем Гестиэя заперещало преследовать по суду за это нарушение конституции (стк. 13).

Таким образом, в это время (к 21 г. н. э.) самоуправление города почти потеряло свое реальное содержание, его автономия клонилась к упадку и город оказался под контролем парфянской власти. Этот факт вообще характерен для положений полисов в составе Парфянского царства. Однако говорить о полной потере полисной самостоятельности в это время еще рано, остатки автономии города еще существовали. Пример тому — факт самого царского письма с обращением к полису. Гражданский коллектив Селевкии на Эвлее еще обладал правами самостоятельности. Только письмо царя с безапелляционным «пожеланием» пойти на пересмотр некоторых пунктов конституции города смогло поколебать уверенность магистратов в отношении принятого решения. Чиновники царской канцелярии в адресе письма использовали старое ахеменидское название Селевкии на Эвлее. Это еще один факт пренебрежения парфян полисными традициями.

Дата получения письма сузианцами дается прежде всего по аршакидской эре, затем уже по селевкидской. В самом письме используется для датировки селевкидская эра (стк. 8, 9, 12), равно как и дата водружения отцом Гестиэя бронзового изображения своего сына. Важный факт: кроме того, что

даты в письме даются царскими писцами по селевкидской эре, название месяца приведено по македонскому календарю.

Просопографический анализ надписей на Селевкии-Суз (сюда включаем и имена граждан полиса, засвидетельствованные в манумиссиях) демонстрирует подавляющее преимущество выходцев из семей греко-македонцев. Из 63 имен граждан Селевкии на Эвлее, упоминаемых в надписях, 3 — македонского происхождения, 7 могут принадлежать как македонцам, так и грекам, 49, бесспорно, греческих, 3 имени местного, арамейского происхождения. Кстати, совершенно непонятно, почему Ж. Ле Ридер, проводивший аналогичный анализ, лишает права сузского гражданства Аполлония, упомянутого в надписи 30, в то время как и Деметрия, и Асклепидора, и Артемона (31, 32), о которых говорится в совершенно аналогичных по содержанию документах, все же включает в число граждан Селевкии-Суз⁸¹. Показательно, что имена арамейского происхождения появляются в надписях преимущественно в парфянское время.

Сомнения Ж. Ле Ридера относительно принадлежности Леонида, сына Артемона, написавшего письмо Артабана II, к числу граждан Селевкии-Суз⁸² нам представляются совершенно беспочвенными. Дело в том, что письмо парфянского царя — документ официального характера, в котором «этникон» резчика нужно было обязательно указать. Все же остальные сузские надписи, авторы (или исполнители) которых известны, являются документами частного, неофициального, характера. В связи с этим предложенная Ж. Ле Ридером связка: Леонид, сын Артемона, и Геродор, сын Артемона, — братья, отец которых (и даже они сами) был гражданином Селевкии на Тигре, нуждается в пересмотре, так как, например, принадлежность к числу граждан Суз Геродора, сына Артемона, автора «гимна Аполлону», подтверждается не только по восстановлению преамбулы к надписи, но и первыми буквами каждой строки этого стихотворного произведения, написанного акростихом. К тому же в нашем распоряжении имеется поздняя надпись на керамическом фрагменте, в которой упоминается некий Артемон, отец Асклепидора, — оба сузские граждане (31). Имя греческого происхождения Артемон, таким образом, было весьма распространено в Сузах.

Заслуживает внимания ряд положений, высказанных Ж. Ле Ридером при анализе некоторых сузских надписей. Он считает, что при Фраате IV прежнее название полиса Селевкии на Эвлее было изменено на *Φράατα τὰ ἐν Σοῦσις*, и его граждане стали называть себя «фраатийцами»⁸³. Заключение Ж. Ле Ридера базируются в основном на двух предположениях. Во-первых, при Фраате IV в Сузах отмечена эмиссия двух серий бронзовых монет 30 и 26 гг. н. э. Эмиссия уникальной легенды *Φράατα τὰ ἐν Σοῦσις*. Их вполне можно считать в качестве муниципальных выпусков. Во-вторых, иссле-

дователь принимает новую интерпретацию надписи в честь Замаспа (12), осуществленную Л. Робером, в которой для стк. предлагается восстановление $\text{Κυρσοει Φραάτις αει το[...]$ вместо $\text{Κυρσοει Φραάτις αει το[...]$, как это было сделано в SEG.

Однако если принять эту гипотезу, то становится совершенно непонятна причина, которой руководствовались члены сузской гражданской общины, меняя эллиническое название своего полиса на парфянское. Греческие полисы эллинистического Востока всегда находились в оппозиции к парфянской власти, которая всячески ограничивала их полисную автономию. Даже в наших, столь фрагментарных документах в том или ином виде нашли свое отражение факты давления на полисную общину со стороны царской власти и, наоборот, сведения о противодействии со стороны греков и македонцев, граждан полиса этому давлению.

Не приходится отрицать, что среди граждан полиса существовала, возможно, проаршакидская группировка, активно трудничавшая с правящей династией. К ее членам можно отнести и Гестиэя, сына Асия, и «предприимчивого и весьма справедливого мужа» Гелиодора. Но в массе своей, греки и македонцы, граждане полиса Селевкия на Эвлее, оставались непримиримыми врагами Аршакидов. В литературе справедливо отмечалось, что в социальной структуре Парфянского государства не было места для такого организма, как греческий полис⁸⁴. Аршакидские владыки все смелее вмешивались в внутренние дела, с каждым разом все больше и больше ущемляя традиционные привилегии. Некоторые наши надписи свидетельствуют о принципиальном консервировании граждан Селевкии-Суз не только полисных институтов, но и многих элементов традиционной культуры греко-македонцев. Это была своеобразная защитная реакция граждан на действия парфянских влиятельных нередко даже в форму «интеллектуальной оппозиции» правящему режиму (см., например, «гимн Аполлону», стк. 29). Однако парфянским царям, сознававшим силу гражданского ополчения полиса и дипломатично прикрывавшим своим «филэллинством», все же удавалось лишить восточноэллинистические полисы их автономии. В Селевкии на Тигре это случилось в результате поражения греков и македонцев, граждан полиса, в антипарфянском восстании в 43 г.; в Дуре-Гарополе при видимости сохранения городского самоуправления реальная власть в конце концов переходит в руки центральной аршакидского правительства⁸⁵, в Сузах это произошло в результате элимаидского завоевания.

Нет оснований считать, что предполагаемое изменение названия полиса реально имело место и тем более по инициативе гражданского коллектива. Если это и случилось, то только под давлением центральной администрации и на очень короткое время. При объяснении сложившейся ситуации упускается,

нам представляется, сам характер внутривосточной обстановки тех лет. Уже упоминалось, что 31—25 гг. до н. э. — это период борьбы между Фраатом и Тиридатом за парфянский трон. Центром этой борьбы стала Вавилония, но отголоски ее ощущались и в Сузах. При этом граждане Селевкии на Эвлее довольно сочувственно относились к Тиридату, которого поддерживал Рим (см. стк. 6 надписи 12). Эмиссии же бронзовых монет, как уже отмечалось, относятся как раз к 31/30 и 27/26 гг. до н. э., т. е. они были выпущены в самый разгар этих событий. Фраат мог волевым актом обязать сузский монетный двор к выпуску муниципальной бронзы, прокламирующей его персону для того, чтобы показать Тиридату, что на помощь граждан Суз тому рассчитывать не приходится. Возможно и другое объяснение, которое предложено Г. А. Кошеленко в отношении столь необычной по содержанию легенды сузских монет. Они могли принадлежать пока еще неизвестному нам царю «Фраатену из Суз»⁸⁶. Отметим, наконец, что кроме этих двух выпусков предполагаемого муниципального чекана Селевкия на Эвлее ни разу не выпускала монеты от имени городской общины, что свидетельствует об их экстраординарном характере и как будто подтверждает высказанные нами положения. Что же касается восстановления строки надписи в честь Замаспа, предложенного Л. Робером, то, на наш взгляд, прежняя ее интерпретация более предпочтительна, поскольку в отличие от упомянутой очень точно укладывается в стихотворный размер.

Следовательно, если нами верно представлена обстановка 30—20-х годов I в. до н. э. в Парфянской державе и Юго-Западном Иране, в частности, можно считать, что высказанное предположение Ж. Ле Ридера нуждается в корректировке. Если подобное изменение традиционного названия полиса и имело место, то лишь чисто формально и ненадолго. Тем более что в более поздних сузских надписях («гимне Аполлону» и письме Артабана II) используется именно название Селевкия на Эвлее (или Сузы), а не какое-либо другое.

Рассматриваемые документы свидетельствуют, что за время существования в Сузах греческого полиса Селевкия на Эвлее его гражданский коллектив сохранял свой стабильный характер. Преобладали греки, меньше зафиксировано македонцев. В исключительных случаях в этнически однородную среду этого полиса проникали негреки. Важно при этом отметить, что такое явление характерно уже для парфянского периода.

В полисе существовало народное собрание, с определенной долей уверенности можно говорить о наличии совета граждан, имелась «записанная» конституция, очевидно, сборник муниципальных положений города ($\text{ἐκ τῶν διηρορημένων}$ — I, стк. 11), городской «кама» (καμά) — αἱ μῦθαι (I стк. 11) — выборы в полисе подвергались докимасии, традиционной проверке баллотирующихся. Были стадион и гимнасий — неперенные ат-

2015/05/30 15:29

рибуты полисного устройства, молодое поколение горожан воспринималось в патристическом духе, подрастающему поколению прививалось почтение к старинным реликвиям и традициям предков. Существовала в Селевкии-Сузах развитая сеть городских магистратур. Гражданский коллектив полиса не довольствовался, очевидно, простым подтверждением кандидатур на городские должности, которые выдвигались советом-буле, пользовался традиционными правами народного собрания-эклесии⁸⁷. Широкое распространение получила практика проведения различных священных игр (гимнастических и гимнастических). Традиция награждения победителей на играх осталась типично эллинской — награждение и увенчание венком. Полисом установлено являлось и то, что в городе воздвигались скульптурные изображения наиболее выдающихся граждан.

Даже в парфянской время в полисе были архонты-эпонимы. Использовался македонский календарь, даты в документах фиксировались по селевкидскому летосчислению, а в период господства парфян — иногда и по аршакидскому. Некоторые граждане Селевкии на Эвлее, греки и македонцы, активно сотрудничали с царем и его чиновниками и даже при парфянах имели высокие придворные титулы и значительные государственные должности. Весьма обычен в это время культ царя, обожествление его личности.

Большое значение в Сузиане уделялось ирригационным работам, проводившимся при активном содействии граждан Селевкии на Эвлее. Земельная собственность гражданина этого полиса была условной, ограниченной. Над полисом стоял монарх, которому принадлежало право верховной собственности на землю, на монарха была переориентирована и военная функция полиса⁸⁸.

Почетные надписи из Селевкии на Эвлее выдержаны в типично эллинском духе. Умелое использование местными поэтами текметра, тонкое владение стихом при составлении акростиха свидетельствуют не только о высокой грамотности населения полиса, но и о бережном сохранении эллинских культурных и духовных ценностей в среде замкнутого коллектива греков и македонцев, оторванных от своей метрополии.

Что касается религиозных культов, распространенных среди горожан Селевкии на Эвлее, то здесь необходимо назвать культ Аполлона, Артемиды, впоследствии слившейся со своим местным двойником — Нанайей, культ сирийской богини Ма, также с определенной долей уверенности культ синкретического солнечного божества, идентифицировать которое пока представляется возможным. В полисе за время его существования были храмы Аполлона, Артемиды и скорее всего еще один храм их имени.

Привлечение к исследованию всего корпуса надписей из Селевкии на Эвлее, как представляется, отвергнуть весьма категоричные выводы некоторых авторов, базирующиеся на рассмотрении

лишь одного документа (в лучшем случае — нескольких) о том, что такой полис, как Селевкия на Эвлее, при парфянах уже был лишен самоуправления⁸⁹ или же что этот полис при Аршакидах получает еще большую автономию⁹⁰. Проведенный анализ позволяет отметить реальные тенденции к ущемлению автономии полиса при парфянах, и говорить при этом о возрастании его автономии не приходится. Наличие в городе при парфянах царских контролеров-архонтов, безапелляционная диктовка полису царской воли — это один из факторов подтачивания устоев полисной автономии, что было результатом планомерной и продуманной политики аршакидской династии. С другой стороны, сохранение и функционирование в городе важнейших полисных институтов в это время свидетельствуют о своеобразной ответной реакции граждан Селевкии на Эвлее на эти действия парфян. Тем не менее Сузам в дальнейшем была уготована судьба большинства греческих полисов, располагавшихся на территории Парфянского государства, — Аршакиды выходят победителями в этой чаще всего скрытой и длительной борьбе. В середине I в. н. э. Селевкия на Эвлее-Сузы теряет свой полисный статус в результате завоевания этого города правителями Элимаидского царства, зависимыми от парфян. Последняя эмиссия автономного монетного двора Селевкии на Эвлее-Суз относится к 45 г.⁹¹

Таким образом, Селевкия-Сузы были типичным восточно-эллинистическим полисом со всеми присущими ему атрибутами и традициями. Эти традиции (хотя и в урезанном виде) имели место и во время господства парфян.

§ 2. Манумиссии Селевкии на Эвлее

Многие вопросы социально-экономической истории эллинистического Востока еще не нашли сколько-нибудь удовлетворительных решений в современной науке. Одна из причин этого — чрезвычайная скудость источников. Вместе с тем некоторые из особенно важных категорий источников исследованы далеко не в полной мере. К их числу относятся и манумиссии, найденные французскими археологами при раскопках одного из городских центров Юго-Западного Ирана — Суз (Селевкии на Эвлее) в 20-е годы нашего века. Термин «манумиссия» — римского происхождения. Он обозначает освобождение раба на волю. В контексте нашего исследования под манумиссиями понимаются надписи документального характера, в которых письменно засвидетельствованы сам факт и условия получения свободы бывшим рабом. Нетрудно видеть, что в отношении этой категории документов мы имеем дело с социально-экономическими отношениями и, в частности, для истории рабства. Однако манумиссии Селевкии на Эвлее, представляющие собой прак-

тически единственное документальное свидетельство о рабстве в эллинистических полисах на обширных территориях к востоку от Тигра, к сожалению, еще не привлекали внимания исследователей, какого они заслуживают. Помимо манумиссии Селевкии на Эвлее для этих территорий можно отметить еще надпись из Гиркании (юго-восточное побережье Каспия) — манумиссию, а письмо, где упомянут аналогичный акт⁹².

Впервые манумиссии из Селевкии на Эвлее были опубликованы (в числе других найденных там греческих надписей) Ф. Кюмоном на основе заметок, составленных Б. Оссульером. Однако эта публикация (как восстановление текстов, так и комментарий), видимо, не полностью удовлетворила автора, издавая другие найденные при раскопках надписи, хотя сколько-нибудь серьезно свои первоначальные выводы не менял. В 1934 г. коллекция греческих надписей из Суз, в том числе манумиссий, была издана вновь⁹⁵. В числе издателей был Л. Робер, который и после публикации не прекратил работать над изданными при его участии текстами. Так, например, там же появилась одна из его статей⁹⁶, в которой неоспоримо указывается, что надпись 2 сузского корпуса, принимавшаяся за почетный декрет, в действительности манумиссия.

Всего в результате раскопок Селевкии на Эвлее было обнаружено 13 (целых и фрагментированных) актов-надписей об отпуске рабов на волю. Для эллинистического Востока, где так редки пока греческие эпиграфические тексты, это весьма значительное число, но, к сожалению, такой богатый материал еще недостаточно использован в науке. Отметим прежде всего, что некоторые авторы при работе над проблемами социальной экономической истории Востока вообще не обращались к этим документам⁹⁷. Однако, что еще более удивительно, в монументальной монографии У. Л. Уэстермана об античном рабстве, которую многие западные авторы считают классическим исследованием, сузские манумиссии даже не упомянуты.

В некоторых работах эти документы называются, но не анализируются. Иногда подобные упоминания сопровождаются фактическими ошибками. Так, например, М. И. Ростовцев совсем верно истолковывал материал об отпуске рабов на волю, исходя из не отвечающего действительности представления, будто все соответствующие документы из Суз касаются только женщин⁹⁸. Х. Крайзиг, который в специальной работе, посвященной проблемам рабства на эллинистическом Востоке, только указывает эти документы (сопровождая свое упоминание неаргументированным утверждением, что они не могут служить доказательством использования рабов в производстве, поскольку рабы именно этой категории меньше освобождались). Кроме того же в списке мест, откуда происходят манумиссии, он называет два города: Селевкия-Эвлея и Селевкия-Сузы, хотя это одно и то же¹⁰⁰.

Круг исследователей, в той или иной степени изучавших манумиссии Селевкии на Эвлее, очень узок. Отметим прежде всего первого издателя надписей Ф. Кюмона. Он считал, что эти документы представляли собой реальные посвящения женщин в храм богини Нанайи в качестве храмовых проституток на 30 лет. К иным выводам пришел историк права П. Кошакер¹⁰¹, привлекая огромный сопоставительный материал, что позднее вызвало критику К. К. Зельина, указавшего, что сопоставление фактов, вырванных из их исторического контекста, вряд ли методически оправдано¹⁰². П. Кошакер заключил, что в тех правовых нормах, которые отражены в рассматриваемых документах, виден синтез древневосточных (вавилонских) и греческих начал. Сами документы он считал манумиссиями, а тридцатилетний срок (здесь он следовал интерпретации Ф. Кюмона) связывал с наличием парамонэ — определенными условиями, касающимися вольноотпущенника. Несколько лет спустя появилось уже упомянутое выше исследование Л. Робера, в котором было дано новое восстановление текста наиболее сохранившейся надписи (15)¹⁰³. Л. Робер доказал, что изученные им акты об освобождении составлены в соответствии с греческими нормами права и представляют собой подлинные манумиссии. Этот вывод был принят Ж. Ле Ридером, хотя сам он манумиссии как юридические акты не рассматривал, используя их в качестве источника для решения ряда других вопросов (состав гражданского коллектива, городской строй, политическая история). Согласен был с выводами Л. Робера и А. Б. Ранович¹⁰⁴. Позиция У. Тарна, несмотря на различия в нюансах, также в сущности определялась выводами Л. Робера¹⁰⁵. Он считал, что на старую вавилонско-эламскую юридическую форму передачи раба храму (существовавшую также и в Греции) наложилась новая, более гуманная греческая практика — освобождение посредством посвящения божеству.

Очень неопределенна позиция Ф. Бемера¹⁰⁶. С одной стороны, он признает, что выводы Ф. Кюмона и П. Кошакера неверны, поскольку они основывались на неправильно восстановленных местах надписей, с другой стороны, он в принципе допускает возможность воздействия практики вавилонского права, ссылаясь на «остроумное объяснение» У. Тарна. С возражениями против предложенного Л. Робером понимания интересующих нас надписей выступила А. Г. Периханян, хотя она и пользовалась его восстановлением надписи 15. Анализ этого документа приводил ее к выводу, что надпись должна считаться не манумиссией, а реальным посвящением раба божеству¹⁰⁷.

Таким образом, выявившиеся разногласия относительно подлинного характера названных документов из Селевкии на Эвлее, а также необходимость рассмотрения их всех в комплексе заставляют нас вернуться к этому вопросу.

Наиболее показательна из всех упомянутых в этой статье надпись 15, перевод которой мы считаем необходимым привести здесь

2015/05/30 15:29

полностью. Надпись незначительно фрагментирована, в квадратных скобках даются восстановления утраченного текста по ее смыслу и содержанию: «В царствование [Антиоха, в 1??, в месяце] Аудней, 20 числа, в С[елевкии на Эвлее]. Бакхий [сын такого-то, по его утверждению] принадлежащий [гитион] Евандра, отпустил на волю посредством посвящения [гитион] Нанайе ради [блага царя] Ант[иоха] и [жены царя] Лаодики — Микру, [свою] рабыню, в возрасте около тридцати лет. [И пусть не будет позволено ни Бакхию, ни [вместе с ним] кому-либо другому] обратиться в раб[ство никоим образом] и ни под каким предлогом. [Если же они что-нибудь из этого] сделают, пусть это соде[янное — и увод,] и обращение в рабство — [будут недействительными] и пусть сверх того [Бакхий] или другой, сделавший что-нибудь из этого, платит [богине] три тысячи [драхм серебром]. Свидетели такой-то, сын такого-то] — эпистат хреоф[илактерия и графидане: А]ртеmidор, сын Лиса[ния; такой-то, сын такого-то] Герей, сын Исид[ора; такой-то, сын такого-то]; Аттал, сын Но...: ...арх, сын Зен...».

Можно выделить следующие разделы документа: 1) дата; 2) указание на место, где совершается акт освобождения; 3) характеристика самого акта освобождения; 4) имя (в других документах иногда и статус) манумиссора; 5) указание, ради кого совершается акт освобождения; 6) имя и статус освобождаемого; 7) запрещение обращать его в рабство в дальнейшем; 8) указание на недействительность этого акта, если он произойдет; 9) наказание, налагаемое за это; 10) свидетели совершаемого акта освобождения.

В столь полном виде эта схема представлена только в упомянутой выше надписи 15. Возможно, что в надписях 16—20, 21, 23, 2 эта схема также присутствовала полностью, но из-за фрагментированного характера не позволяет этого утверждать с полной уверенностью. В то же время некоторые документы вводились по сокращенной формуле. Так, в частности, в надписях 22 и 26 отсутствует в конце указание относительно свидетелей. В надписи 25 также не упоминаются свидетели и упоминаний, кому посвящается освобождаемый и ради кого освобождается. В манумиссии 24 отсутствуют все клаузулы запрещающие порабощение освобождаемого в дальнейшем.

Порядок пунктов иногда меняется. Так, в надписи 18 сохранилось только начало) имя божества, которому посвящается раб, стоит ранее имени манумиссора. В документе 22 имя освобождаемого стоит ранее указания, ради кого совершается этот акт. В надписи 2, возможно, были изменены места двух пунктов: указание, ради кого освобождается раб, вероятно стояло раньше, чем указание на то, какому божеству он посвящается. Более значительны изменения обычного порядка в надписи 19. Начало ее отсутствует, можно полагать, что оно было традиционным. Сохранившаяся часть начинается с указания

ради кого совершено освобождение, затем упоминается имя манумиссора. Собственно формулировка об освобождении здесь тоже не совсем обычна. В некоторых надписях в стандартную формулу вводятся мелкие дополнения, не меняющие смысла, но дающие дополнительную информацию (надписи 19, 24).

Рассмотрим отдельные разделы в сузских манумиссиях. Дата, как правило, отмечается следующим образом: начинается она с указания на царствующего монарха, затем сообщается собственно дата по селевкидской эре. Сохранились следующие датировочные формулы: в царствование Антиоха, год 1??, 20 числа месяца Аудней (15); в царствование Селевка, год 130 (183 г. до н. э., т. е. время царствования Селевка IV), месяц Десий (17); в царствование Антиоха и Антиоха (*Βασιλευσάντων Ἀντιόχου καὶ Ἀντιόχου*), год 1??, в первый день третьей декады (18); в надписи 20 не сохранилось имя царя, год ?9?, пятый день месяца Дистр; в царствование Селевка, 136 год (177/176 г. до н. э.), название месяца не сохранилось (2).

Наиболее поздние документы дают некоторые небезынтересные изменения в датировочных формулах. Так, в надписи 22 отсутствует указание на правящего царя, сообщается только дата по селевкидской эре — 171 г. (142/141 г. до н. э.), название месяца не сохранилось. В манумиссии 25 используется следующая схема: по годам аршакидской эры — 116 г. и по «прежней» (т. е. селевкидской) — 181 г., что дает 131 г. до н. э.

Можно думать, что в актах селевкидского времени обязательным было указание на царствующего монарха и год по селевкидской эре, большие же уточнения были не обязательны. Отсутствие имени царя в надписи 22, по всей вероятности, объясняется тем, что именно в это время происходила борьба между Деметрием II Никатором и парфянами, исход которой был не ясен, и осторожность побудила манумиссора воздержаться от точного указания царствующего монарха. Крайне показательным, с нашей точки зрения, то обстоятельство, что в парфянское время царствующий Аршакидский монарх по имени не упоминается, указывается только год по царской эре. Вполне вероятно, в этом сказывается, в общем, отрицательное отношение граждан Селевкии-Суз к власти парфян, типичное для греческих городов Парфянского царства¹⁰⁸.

Большинство манумиссий относится к селевкидской эпохе. Палеографические данные указывают на это и для тех надписей, где не сохранились датировочные формулы. Только две надписи выходят за указанный хронологический предел, но одна из них относится к рубежу селевкидской и парфянской эпох, а вторая — к самому началу парфянского владычества. Видимо, такое хронологическое распределение актов об освобождении рабов не случайно. Возможно, с приходом парфян либо прекратилась практика освобождения рабов, либо практика их освобождения ограничилась только македонского календаря, что указывает на со-

2015/05/30 15:30

хранение македонских традиций в городе. Точно так же пока-
зательно и употребление в период владычества парфян наряду
с аршакидским летоисчислением также и старого селевкидского
Следующая клаузула касается места, где совершается ак-
та освобождения. Во всех надписях селевкидского времени, в ко-
торых сохранилось начало, присутствует одна и та же формула
ἐν Σελεύκεια (вариант — Σελευκία) τῆι πρὸς τῶι Εὐλάμω
В надписи 25, датируемой парфянским временем, нет указания
на место совершения акта. В данной связи отметим, что для
парфянского времени характерно постепенное возрождение ста-
рого названия города — Сузы. При этом граждане стремились
сохранить греческое название города (Селевкия на Эвлее), а
царская администрация упорно называла его Сузами. Очень
показательно в этом отношении письмо Артабана II города
(надпись 1). Царь именует город Сузами, а жители — Селев-
кией. В двух стихотворных надписях, где упоминаются назва-
ченные царем правители, они названы правителями Сузанской
области (12, 13). В гимне Аполлону (14), где нет никаких упо-
минаний о парфянском царе, снова появляется греческое на-
именование города.

Сам факт освобождения выражается обычно посредством
глагола ἀφίροσεν. Кстати говоря, непонятно, почему в надпи-
си 24 издатели текста восстанавливают в соответствующем ме-
сте ἀνέθηκεν, а не обычное ἀφίροσεν. За глаголом, как пра-
вило, следует дополнение, какому именно божеству посвяща-
ется освобожденный раб. Только в одном случае (надпись 19)
форма была несколько более сложной. К сожалению, текст
здесь не сохранился полностью — можно только прочесть
...καὶ ἀφίροσας... В научной литературе уже отмечалось¹⁰⁹, что
употребление данного термина в греческих манумиссиях очень
редко, но для немногих случаев известно. В специальной таб-
лице терминов у А. Кальдерини¹¹⁰ он отсутствует, хотя среди
приводимых им примеров (в надписях из Хероней) иногда тер-
мин ἀφίροσεν заменяет обычный здесь термин ἀναδέσσειν¹¹¹.

В качестве божеств, которым посвящается раб, упомина-
ются Аполлон и Артемида Дайтии (17), богиня Нанайя (22 и
24), а в надписи 15 — богиня, чье имя не сохранилось. Особо-
го внимания требует надпись 18, где издатели восстанавливают
текст следующим образом: [ἀφίροσεν κερία Ἀρτέμιδι Ν]ανναία.
Как нам кажется, такое восстановление вполне возможно (не-
смотря на высказываемые иногда возражения против синкре-
тизации этих божеств в селевкидскую эпоху), тем более что
из сузской надписи 14 можно вполне определенно заключить
о существовании в Селевкии на Эвлее синкретического божест-
ва Артемиды-Нанайи. Это очень важно, поскольку, например,
у А. Г. Периханян особо подчеркивается, что «храм Нанайи,
в который посвящались рабыни, был не греческий, а местный,
через восточные же храмы, как известно, не производились свя-
щенные манумиссии»¹¹². Однако, как можно убедиться, в дей-

ствительности главной богиней города была греческая Артеми-
да, лишь постепенно отождествлявшаяся с вавилонской Нан-
найей. Кроме того, весьма показательно, что Артемида высту-
пает в паре с Аполлоном. Как известно, Артемида и Аполлон
были династическими богами Селевкидов. В частности, в самый
ранний период существования Дюра-Европос основную роль в
пантеоне города играли именно эти божества¹¹³. В дальнейшем,
после перехода этого города под власть парфян, изменяется и
характер культа (это сопровождается изменением характера
архитектуры святилища, в котором почитались божества):
Аполлон вообще исчезает, а Артемида синкретизируется с Нан-
найей¹¹⁴. Аналогичный процесс, по всей видимости, происходил
и в Селевкии на Эвлее, и поэтому считать Артемиду-Нанайю
чисто восточным божеством вряд ли возможно. Отметим к то-
му же, что А. Г. Периханян, в сущности, оперирует только од-
ной надписью, не обращая внимания на то, что имя богини
находится в восстанавливаемой части текста и что, следова-
тельно, здесь с равным успехом можно предполагать и имя дру-
того божества — Артемиды.

В надписи 25 божество не упоминается, хотя глагол упо-
треблен тот же самый. Не представляется возможным выска-
зать по этому поводу какие-либо соображения, кроме одного:
подобное «безличное» посвящение также ясно указывает на
невозможность принять тезис А. Г. Периханян, видящей в этих
документах не подлинные манумиссии, а акты передачи рабов
в храмовые хозяйства, превращение их в иеродулов. Документ
«о передаче» без конкретного указания на то, кому передается
раб, естественно, не имел бы смысла. Без полной уверенности
можно предположить, что такими безличными посвящениями
были также надписи 19 и 2.

В надписях из Суз сохранились (либо в самой клаузуле
об освобождении, либо в последующих частях надписи, где го-
ворится о запрещении порабощения в дальнейшем) упомина-
ния о восьми манумиссорах. Как правило, указывается один
манумиссор, при этом названы имена его отца (Стратон, сын
Симия, — надпись 22; некто, сын Олимпия (?), — 24; Архий,
сын Аристомена, — 19; Аполлонид, сын Филиппа, — 25). Ино-
гда отмечена принадлежность манумиссора к определенному
воинскому подразделению. Так, в надписи 17 употреблена сле-
дующая формула: «Каллифон, сын Диодора, по его утверж-
дению состоящий в отряде всадников под командованием Алек-
сандра» ((Καλλιφῶν Διοδώρου, φάμενος εἶναι τῶν πλὴ Ἀλεξάνδρου
ἰππέων). В манумиссии 15 на основе сопоставления ее с этой
надписью издатели предполагают такое обозначение манумис-
сора: Βάκχι[ος τοῦ θεῖνος, φάμενος] εἶναι τῆς Εὐρυδίου ἰππάρχ-
ης («Бакхи[й, сын Баххиса-старшего] утверждающий, что он
принадлежащий [гиппарху Евридия], как кажется, весьма ве-
роятным. В одном случае в качестве манумиссора выступает
женщина с вавилонским именем Белтибаната (26). Судя по

2015/05/30 15:30

тому, что в дальнейшем в формуле запрещения порабощения, видимо, упоминался ее муж, она не была вдовой. Несколько иначе сформулирована надпись 2, в которой некая женщина (имя ее не сохранилось), дочь Аммония, «согласно своему мнению и мнению своего мужа Деметрия, сына Деметрия, и с согласия их сына Аттала освобождает раба. Подобное освобождение с согласия ближайших родственников — обычное явление в манумиссиях Дельф¹¹⁵.

На основании этих данных можно предполагать, что в качестве манумиссоров выступали, как правило, греки и македонцы, полноправные граждане полиса, которые иногда были одновременно и солдатами селевкидской армии. Можно предположить, что женщина с вавилонским именем — жена одного из таких граждан. Вполне вероятно, что в данном случае можно говорить о раздельном владении супругов имуществом, хотя не исключено, что клаузула отпуска на волю могла быть здесь сформулирована таким же образом, как и в надписи 2.

Следующая клаузула касается формулировки, ради кого совершается освобождение. Она обычно стандартна. В этом разделе документа, сформулированным, как правило, следующим образом: ὑπὲρ τῆς ... σωτηρίας, упоминается обычно царствующий монарх и кто-либо из его ближайших родственников (жена, сын-соправитель и т. п.). В надписи 15 назван царь Антиох и его жена Лаодика, в надписи 17 присутствует эта же пара, но форма выражения несколько иная (в первом случае — ὑπὲρ τῆς Ἀντιόχου βασιλείας σωτηρίας καὶ Λαοδίκης τῆς τ[ῆ]ς βασιλείας γυναικός) («ради [блага царя] Антиоха и [жены царя] Лаодики»), во втором — ὑπὲρ τῆς [Σε]λεύκου τοῦ βασιλέως καὶ Λαοδίκης τῆς [βασιλ]ισσῆς σωτηρίας — («ради [блага] царя [Се]левка и [цари]цы Л[ао]дики»). В надписи 19 сохранилось только имя царицы — Лаодика, в надписи же 24 — Антиох и его сын-соправитель Антиох. Только в одном случае круг родственников царя более широк — в надписи 2, где указаны царь Антиох и две Лаодики: одна, бесспорно, его мать, а вторая, вероятно, жена. В надписи 22 (датируемой 142/141 г. до н. э.), где и в датировочной формуле деликатно обойден вопрос о царе, освобождение совершается ради неких безымянных царя и царицы. Возможные причины этой осторожности отмечены нами раньше. Крайне показательно, что в надписи, датируемой парфянским временем (25), формулировка относительно освобождения ради блага царя отсутствует. Объяснение этому факту может быть двояким. Либо в Селевкидском царстве (или только в Сузах) существовала законодательно оформленная формула освобождения, в которую в качестве непеременимого условия входила эта клаузула, и падение власти Селевкидов, естественно, привело к автоматической отмене ее, либо подобное изменение формы документа об освобождении выражает просто антипатию греческого гражданского коллектива к власти парфян.

По всей видимости, подобная практика освобождения «ради царя» существовала если не во всех, то во многих пунктах Селевкидского царства. Во всяком случае, в письме Евандра Андрагору и Аполлодоту, сообщающем об освобождении раба Гермея и происходящем из Гиркании, употреблена близкая формула: ὑπὲρ βασιλείας Ἀντιόχου καὶ βασιλισσῆς Στρατονίκης καὶ ἐκγόνων («ради блага царя Антиоха, царицы Стратоники и их детей») ¹¹⁶. Эта клаузула также вызвала оживленное обсуждение в литературе. Ф. Кюмон видел здесь явное влияние старой восточной практики ¹¹⁷. Ф. Бемер указывал на то, что подобная практика, насколько ему известно, чужда греческому миру, и усматривал в этом также выражение и политической лояльности ¹¹⁸.

Можно согласиться с тем, что данная формула, действительно, чужда собственно греческой практике. И все же, однако, нельзя в этом очень прямолинейно видеть и влияние восточной практики. Если рассматривать не вообще все вавилонские акты об освобождении рабов, а только хронологически ограниченный круг их — поздневавилонского и персидского времени ¹¹⁹, т. е. того времени, юридическая практика которого должна была оказывать влияние на последующую греко-эллинистическую практику, то мы не встретим там свидетельств об освобождении рабов «ради царя». Но, с другой стороны, в Вавилонии этого времени засвидетельствовано посвящение частновладельческих рабов их благочестивыми хозяевами в храмы, и подобное посвящение иногда совершается «ради благополучия царя» ¹²⁰. Таким образом, прямого влияния вавилонской практики освобождения рабов на практику, существовавшую в Селевкии на Эвлее, засвидетельствовать нельзя. Если и можно говорить о таком влиянии, то только как об опосредованном: на ту форму освобождения раба, которая была фиктивным, в сущности, посвящением божеству, должна была оказать влияние практика реального посвящения, не имевшего отношения к получению свободы.

Естественно, что во всех этих документах должно упоминается имя освобождаемого раба. К сожалению, имена сохранились только в пяти надписях. Во всех этих случаях имя обязательно сопровождается каким-либо термином, указывающим на рабское состояние освобождаемого. Женщины обычно определялись термином λαδίσκη (в надписи 15 — Микра, в надписи 22 — Кан..., в надписи 25 — Бахейяда). В надписи 26 не сохранилось начало, и поэтому неизвестен термин, которым определялось рабское состояние Содэни, чье имя становится известным благодаря формуле ее в клаузуле, запрещающей порабощение ее в будущем. Термин, обозначающий раба, встречается в надписи 24 — Скорпион. Его статус обозначен словом δοῦλος.

В следующей клаузуле, запрещающей последующее порабощение освобождаемого, встречаются три варианта выраже-

ния для определения этого бывшего раба: 1) ни имя, ни какой-либо специфический термин не употребляются, говорится просто $\alpha\tau\tau\upsilon$ (надпись 15); 2) употребляется термин $\sigma\alpha\upsilon\alpha$, хотя раньше употреблялись другие термины (22, 25); 3) упоминается просто имя раба (26). Как правило, все манумиссии одиночные, только в одном случае (23) освобождалось несколько рабов сразу, но число их неизвестно.

Терминология, обозначающая рабский статус, в манумиссиях Селевкии на Эвлее, таким образом, чисто греческая. Все эти термины для обозначения рабов встречаются в надписях Малой Азии эллинистического времени¹²¹, в Птолемеевском Египте¹²², Греции эллинистического и римского времени¹²³.

Особый интерес представляет определение возраста рабов. Возраст Скорпиона не указывается, но во всех трех случаях, когда сохранилось упоминание о возрасте освобождения женщины-рабыни, он определяется одинаковым образом — $\sigma\varsigma \epsilon\tau\omega\upsilon \tau\rho\acute{\iota}\alpha\kappa\omega\tau\alpha$. Именно это обстоятельство вызвало особый интерес исследователей и породило несколько различных толкований. Б. Оссулье и Ф. Кюмон, полагавшие, что речь идет о реальном посвящении рабыни в храм для занятия священной проституцией, видели две возможности понимать приведенную формулировку: либо рабыня должна служить там до 30 лет, либо в течение 30 лет. Л. Робер показал, что в соответствии с нормами греческого языка выражение $\sigma\varsigma \epsilon\tau\omega\upsilon \tau\rho\acute{\iota}\alpha\kappa\omega\tau\alpha$ никак не может употребляться ни в том ни в другом смысле. Оно может означать только «в возрасте около 30 лет». В сочетании с другими дополнениями Л. Робера смысл получается следующий: рабыня в возрасте 30 лет в данный момент освобождается. Л. Робер также коснулся вопроса и о том, почему во всех тех случаях, когда упоминаются рабыни и сохранилась соответствующая часть текста, указывается один и тот же возраст — около 30 лет. По его мнению, вряд ли существовал закон, запрещающий освобождать рабов ранее 30 лет. Л. Робер склоняется скорее к следующему предположению: формула $\sigma\varsigma \epsilon\tau\omega\upsilon$ представляет собой приблизительное указание на возраст. Учитывая, как трудно определить возраст раба (за исключением рожденного в доме — $\sigma\acute{\iota}\kappa\omicron\upsilon\tau\epsilon\upsilon\eta\varsigma$), он предполагает, что здесь указывается возраст приблизительно — «около 30 лет». Л. Робер приводит также следующее соображение: раб, занятый на очень тяжелых работах в жарком климате Ирана, к 30 годам уже утрачивал свою полезность для хозяина. Указание на возраст, по справедливому мнению Л. Робера, служит еще одним аргументом против мысли Б. Оссулье и Ф. Кюмона о сакральной проституции, поскольку рабыня, занятая на тяжелых работах в жарком климате, к 30 годам утрачивала свою молодость.

Однако вывод Л. Робера не во всем кажется бесспорным. Наличие твердой формулы все-таки заставляет думать о существовании определенного законоположения, которым опреде-

лялся бы возраст отпускаемой на волю рабыни. Отметим, что в источниках зафиксировано существование в ряде мест специальных законов, регулирующих освобождение рабов: в Каллимне (Малая Азия — I в. н. э.)¹²⁴, в Фессалии (II—I вв. до н. э.)¹²⁵, в Дельфах (I в. до н. э. — I в. н. э.)¹²⁶, в конфедерации магнетов¹²⁷, в Афинах (III—I вв. до н. э.)¹²⁸ и т. д. Таким образом, вполне вероятно, что и в Сузах мог существовать подобный закон. Точно так же вполне вероятно, что возраст 30 лет мог быть наименьшим возможным возрастом для отпускаемого. Напомним, что в Риме, согласно закону Элия-Сентия, принятого при Августе в 4 г. н. э., возраст манумиссора должен быть не меньше 20 лет, а отпускаемого раба или рабыни — не менее 30 лет¹²⁹. Совпадение слишком разительное, чтобы считать его случайным. Возможно, римский закон базировался на каких-то более ранних прецедентах, в том числе, может быть, и на эллинистических законах. Цифра 30, надо думать, отвечала каким-то общим представлениям об определенных этапах в жизни человека. Крайне показательна в этой связи то обстоятельство, что в греко-римском Египте возраст совершеннолетия раба устанавливался в 15 лет¹³⁰. Кратность этих двух цифр также заставляет думать о каких-то общих представлениях относительно возраста раба.

Клаузула, запрещающая порабощение в дальнейшем, выражается обычно следующим образом: «и пусть не будет позволено ни (имя хозяина), ни вместо него кому-либо другому обратить ее (его) (или имя) в рабство ($\kappa\alpha\tau\alpha\delta\omicron\upsilon\lambda\omicron\sigma\alpha\sigma\theta\alpha\iota$) никаким образом, ни под каким предлогом». Иногда конец клаузулы выглядит несколько по-иному: в надписи 22 говорится о «ложном» (незаконном) присвоении рабыни и продаже ее (что прямо свидетельствует о наличии работорговли, возможно, рынка для продажи рабов в Селевкии на Эвлее), в надписи 23, где упоминалось несколько рабов, — о «ложном» присвоении и порабощении. В надписи 26, где манумиссором выступает женщина, особо оговаривается, что не будет позволено ни бывшей хозяйке, ни мужу ее, ни кому бы то ни было другому поработить освобождаемую рабыню.

Эта клаузула также вызвала обсуждение в литературе: П. Кошакер и Л. Робер видели в ней еще одно доказательство того, что данные документы представляют собой подлинные манумиссии. А. Г. Периханян¹³¹ возражала им, указывая, что подобное запрещение имеется и в немруддагской надписи, которая не является манумиссией. Однако этот довод не кажется убедительным, ибо в самом тексте немруддагской надписи¹³² очень четко указывается, что: 1) люди, обслуживающие культ, являются неродственными ($\sigma\tau\epsilon\lambda\epsilon\gamma\alpha \iota\sigma\sigma\omicron\upsilon\beta\omicron\upsilon\lambda\omicron\upsilon\varsigma$); 2) их служение называется выполнением ($\epsilon\pi\iota\tau\epsilon\lambda\epsilon\upsilon\sigma\iota\varsigma$) и не приносит им ни этим определяется их статус, 3) их служба ни в коем случае не (в пользу других) отчуждать, ни причинять им какой-либо вред, ни как-нибудь отвлекать их от названной литургии. Таким об-

2015/05/30 15:31

разом, порабощение упоминается здесь как частный случай (лишь одно из предусматриваемых нарушений их статуса), и совпадение селевкийской манумиссии с немруддагским законом ограничивается только одним термином, а весь контекст совершенно различен, тогда как в чисто греческих манумиссиях мы можем видеть действительные совпадения с рассматриваемыми документами¹³³.

Затем следует клаузула относительно санкций за такое противозаконное порабощение освобожденного раба. Наиболее развернуто эта формула представлена в надписи 15: «Если же они что-нибудь из этого сделают, пусть это содеянное — и увод и обращение в рабство (*καταδουλοσις*) — будут недействительными (*ἄχρηστοι*) и пусть сверх того Бакхий или другой, сделавший что-нибудь из этого, заплатит богине три тысячи драхм серебром». В других надписях та же самая мысль выражена короче, но смысл всегда остается тем же. Место, куда идет штраф, иногда определяется несколько по-иному: храму Нанайи (надпись 22). В одной надписи (25 — парфянского времени) не указывается, куда идет штраф¹³⁴.

Таким образом, на основании этой клаузулы можно предполагать, что храм выступает гарантом свободы вольноотпущенника (как например и в дельфийских манумиссиях). Необходимо также отметить значительный размер штрафа (картина, наблюдаемая также и в эллинистической Македонии)¹³⁵; видимо, в несколько раз превосходящего стоимость раба¹³⁶. Заслуживает внимания и единообразие норм штрафа, что подтверждает ранее высказанную мысль о существовании в Сузах определенного закона относительно освобождения рабов.

Упоминание в документах (или присутствие при самом акте?) свидетелей в Сузах было не обязательным. Среди сузских манумиссий пять имеют полное окончание и только в двух из них перечисляются свидетели. В надписи 15 упоминалось не меньше семи свидетелей, в надписи 21 — не меньше четырех. В обоих случаях свидетели явно делились на две категории: сперва перечислялись городские магистраты, а затем рядовые граждане (формула *καὶ τῶν πολιτῶν*). Подобное указание на статус свидетелей, видимо, позволяет думать, что сам акт в какой-то мере ставился под контроль гражданского коллектива. Отсутствие же свидетелей в некоторых документах, возможно, объясняется тем, что основным гарантом свободы вольноотпущенника был все-таки храм.

Следует указать на несколько случаев, когда в рассмотренной выше формуле освобождения имеются особые дополнительные нам дополнительную информацию. Так, весьма интересна формулировка, представленная в документе 24, где сообщается о том, что некий, сын Олимпия, в Селевкии на Эвлее «объявил через глашатая» (*ἐνακηρύξας*) о том, что освобождает своего раба (*[ἐνέθηκεν] Ναυαία θεῶν [...Σ]χορπῶνα τὸν [ἐλευτὸν] δούλον*). Однако из восьми документов, в которых эта часть

формулы освобождения сохранилась, такое публичное объявление об освобождении раба мы встречаем лишь однажды. Можно думать, что подобная процедура, связанная с древнейшей греческой практикой освобождения «через глашатая»¹³⁷, хотя и в сочетании с практикой освобождения через посвящение, также присутствовала в Селевкии-Сузах.

Отметим теперь некоторые обстоятельства, которые не нашли отражения в нашем анализе. Во-первых, освобождение осуществляется посредством посвящения божеству, а не посредством продажи божеству, т. е. цена свободы не указывается. Подобная практика засвидетельствована в ряде пунктов греческого мира, в частности, в Додоне¹³⁸, Эпире (Буфрот)¹³⁹, часто не указывалась цена в Фессалии¹⁴⁰, даже в Дельфах, где правилом было освобождение путем «продажи божеству», иногда встречались акты без указания цены¹⁴¹. С другой стороны, и для позднего Вавилона не известно ни одного текста, свидетельствующего о выкупе раба за деньги¹⁴². Таким образом, на основании этой клаузулы решать вопрос о том, сказываются здесь греческие или вавилонские нормы права, нельзя.

В рассматриваемых нами документах совершенно нет упоминаний о парамонэ. Необходимо отметить, что в позднем Вавилоне условие, аналогичное греческому парамонэ, было широко распространено (здесь оно зафиксировано еще в старовавилонское время)¹⁴³. Хотя, конечно, материал надписей Селевкии на Эвлее слишком ограничен, чтобы делать далеко идущие выводы, однако в самой осторожной форме можно высказать некоторые соображения, вытекающие из этого факта полного отсутствия клаузулы о парамонэ во всех рассмотренных документах. Исследователи дельфийских манумиссий приходили к следующему выводу: увеличение процента манумиссий с условием парамонэ свидетельствует о возрастании ценности рабской рабочей силы, вызванной уменьшением притока новых рабов¹⁴⁴. Исходя из этого, можно высказать и обратное предположение: отсутствие условия парамонэ может свидетельствовать о меньшей ценности рабского труда, порождаемой наличием значительных возможностей к приобретению новых рабов. Это предположение хорошо согласуется с общей картиной истории эллинистического мира, изобилующей войнами, которые были главным источником пополнения рабской силы. Определенным свидетельством достаточно широкого распространения рабства на эллинистическом Востоке являются документы, говорящие о поступлении рабов отсюда в другие районы. Не ставя своей целью дать полную сводку по этому вопросу, приведем только несколько примеров. Рабы из Вавилонии встречались в Египте¹⁴⁵, рабы-сирийцы довольно широко засвидетельствованы в Эпире¹⁴⁶, где же засвидетельствован раб из Аравии¹⁴⁷. Этоли... рабов, отпущенных на волю в Буфроте (Эпир), есть... имени Фарнак и рабыня-сирийка¹⁴⁸.

2015/05/30 15:31

Отметим, наконец, еще одно обстоятельство. Т. В. Блаватская, рассматривая манумиссии эллинистического времени из Эпира, отмечает, что только в 2% засвидетельствовано парамонэ. Исходя из этого, она сделала вывод, что основная масса освобождаемых рабов была занята в производственной сфере¹⁵⁰. Можно согласиться с этим выводом и (хотя с большой осторожностью) распространить его и на манумиссии из Суз.

Подводя некоторые итоги, с определенной долей уверенности мы можем утверждать, что манумиссии из Селевкии на Эвлее были в целом составлены в соответствии с греческими нормами права, что, по всей видимости, свидетельствует о существовании в этом греческом полисе эллинистического Востока социальных отношений, близких к тем, которые существовали в метрополии, в том числе и рабства в его «классической» форме. Греческий полис немыслим без института рабства, и основание новых полисов на Востоке неизбежно должно было привести к распространению классического рабства, местами концентрации которого являлись именно эти полисы. Совершенно справедливым представляется наблюдение, сделанное на материалах Птолемеевского Египта: рабство в Александрии было развито значительно сильнее, чем в хоре¹⁵¹. Очевидно, и Селевкия на Тигре была также значительным центром развития рабовладения. Не случаен тот факт, что при всей скудости материалов из этого полиса здесь были найдены булы — свидетельства об уплате налога за рабов¹⁵².

В процессе дальнейшего развития, особенно после падения политического господства греко-македонян, происходили значительные изменения в социальной структуре общества. Для хоры эллинистического Востока характерны иные отношения, здесь основным эксплуатируемым классом были не собственно рабы, а различные категории зависимого крестьянства, находящегося в большинстве случаев в положении «между рабством и свободой». Падение политической автономии полиса было только одним из симптомов преодоления глубоких различий между полисом и хорой, выразившихся, в частности, и в различной роли рабского труда в них. Полис утрачивал свой специфический характер, изменялась и особая роль рабского труда в нем. Социальные отношения здесь все больше уподоблялись тем, которые господствовали в хоре. Не случайным с этой точки зрения можно считать исчезновение практики освобождения рабов в раннепарфянское время.

Однако (если нами правильно представлена эволюция) в селевкидский период в греческих полисах существовали развитые рабовладельческие отношения. Отражением их является практика освобождения рабов, зафиксированная в Селевкии на Эвлее. В ней фактически нет черт, свидетельствующих о влиянии норм права Востока, за исключением, может быть, формулы, говорящей об освобождении «ради царя». Вместе с тем целый ряд мелких особенностей указывает на определен-

ное влияние норм, существовавших в классическое и эллинистическое время в Северной Греции, в областях, соседних с Македонией, и в самой Македонии. Не может ли это говорить о том, что помимо общегреческих норм на формирование «закона об освобождении рабов», существовавшего в Селевкии-Сузах, оказали определенное влияние и локальные нормы Северной Греции и Македонии? Это представляется тем более вероятным, что, как отмечалось выше, определенный процент членов гражданского коллектива Селевкии на Эвлее (как и других полисов эллинистического Востока) составляли македоняне.

§ 3. Денежное обращение и торговля в городских центрах

Изучение экономики и торговли областей Ирана, входивших в состав державы Селевкидов и Парфянского царства, может дать многое для понимания ряда вопросов, связанных с оценкой исторического развития этих государственных образований. Источниковой базой такого рода исследований является в основном нумизматический материал, позволяющий представить картину развития денежного обращения в конкретных центрах и даже в целых регионах.

Сравнительно неплохо изучены монетные комплексы ряда городских центров, игравших заметную роль в торговле и денежном обращении государств Селевкидов и парфян. Примером могут стать капитальные исследования Э. Ньюэлла, посвященные чекану различных монетных дворов Селевкидского государства¹⁵³. Однако к настоящему времени эти работы уже значительно устарели, и к тому же они дают информацию по истории монетных дворов лишь до конца правления Антиоха III, т. е. до 187 г. до н. э. Публиковались и монеты, обнаруженные в результате археологических раскопок некоторых городов Селевкидского царства — Селевкии на Тигре¹⁵⁴, Антиохии на Оронте¹⁵⁵, Дура-Европос¹⁵⁶, Эдессы¹⁵⁷, Нисибина¹⁵⁸, Арада¹⁵⁹, Аскалона¹⁶⁰, Нимруда¹⁶¹, монетных дворов Киликии¹⁶² и др. Для изучения монетного дела в областях Парфянского царства, отвоеванных у Селевкидов, определенное значение имеет сводный труд Д. Сэллвуда по истории денежного обращения в Парфии¹⁶³, а также публикации монетных коллекций отдельных центров этого государственного образования — Селевкии на Тигре, Дура-Европос и Экбатан¹⁶⁴.

Характерной чертой внутренней организации Парфянского царства, особенно в I в. до н. э., является наличие централизованной системы управления областями и царств. Так, на территории Юго-Западной Азии находились царства Элиманда¹⁶⁵ и Харагена¹⁶⁶. Восточнее располагалась Персида¹⁶⁷, ставшая позже ядром Сасанидского госу-

дарства. Правители этих полуавтономных государственных образований сравнительно стабильно¹⁶⁸ выпускали собственную монету. Анализ такого «субаршакидского» чекана в контексте нумизматическим материалом некоторых восточноэллинистических полисов, сохранивших при Аршакидах право автономного выпуска монет (прежде всего Селевкии на Тигре), и собственно царскими эмиссиями может дать известное представление об экономике, торговых связях и денежном обращении рассматриваемого региона.

В нашем распоряжении имеется нумизматический материал, отражающий картину денежного обращения в крупном городском центре Юго-Западного Ирана — Сузах-Селевкии на Эвфрате¹⁶⁹. Благодаря сводке Ж. Ле Ридера появляется возможность оценить роль Суз в торговле Селевкидского и Парфянского государств, значение полиса в экономике региона.

Прежде всего рассмотрим ареал, количественный и качественный составы привозных античных монет, обнаруженных в Сузах. Их распределение по категориям показано в табл. 1, в которой представлена также и активность собственно сузского монетного двора¹⁷⁰.

Таблица 1

Привозные монеты (экз.)				Монеты сузского монетного двора (экз.)			
серебро		бронза		серебро		бронза	
отдельные находки	в составе кладов	отдельные находки	в составе кладов	отдельные находки	в составе кладов	отдельные находки	в составе кладов
83	301	1163	229	30	1546	1364	155

Наметим следующие условные периоды, отражающие в основном смену политического господства в Сузах различных правителей¹⁷¹. Первый период начинается в V в. до н. э. и завершается 311 г. до н. э., т. е. воцарением Селевка I и началом создания его державы. Его условно подразделяем на два подпериода: до походов Александра Македонского и после этих завоеваний, причем первый подпериод, как мы увидим, несмотря на свою сравнительную протяженность в основном в торговых центрах Малоазийского побережья. Второй период начинается с 311 г. до н. э. и включает в себя годы правления всех царей селевкидской династии, вплоть до Александра Балы включительно (т. е. 311—148/147 гг. до н. э.). Завершается он коротким временем правления элимаидского царя Камнаскира I, под контролем которого Сузы находятся вплоть до 140/139 г. до н. э. В целях удобства анализа нумизматического материала второй период мы также разбиваем на два подпериода, рубежом которых является правление Антиоха III (223/222—187 гг. до

н. э.), отмеченное пиковыми значениями некоторых показателей для монет этого царя. Третий период начинается с момента захвата Сузианы и ее центра Суз парфянским царем Митридатом I (со 140/139 г. до н. э.) и обнимает почти три столетия, вплоть до рубежа II и III вв. н. э., когда наблюдаются последние эмиссии монет парфянских царей, обнаруженных в Сузах. Он также разделен на два подпериода, первый из которых завершается в 45 г. н. э., когда активно функционирующий автономный монетный двор Суз лишается права чеканки собственной монеты в связи со вторичным захватом этого города элимаидскими правителями.

I период — до 311 г. до н. э.

а) До 334 г. до н. э. Для времени до походов Александра Македонского на Восток среди сузских находок характерно полное отсутствие привозных бронзовых монет. Число серебряных монет как среди отдельных находок, так и в кладах сравнительно невелико (11 и 6, соответственно). Среди них представлены выпуски активных торговых центров Восточного Средиземноморья, западной и северо-западной частей Малой Азии: Тира, Сидона, Кизика, Арада, Мириандра, Нагида, Аспенда, Милета, Самоса, Византия, а также Афин, включая экземпляр подражания афинскому монетному типу.

б) 334—311 гг. до н. э. Это время отмечено появлением одного экземпляра бронзовой монеты, чеканенной в Тарсе, и также характеризуется наличием определенного числа привозных серебряных монет (13 среди группы отдельных находок, 24 — в кладах). Из новых монетных центров, не отмеченных ранее, следует выделить Вавилон, Аку, Тарс, Амфиполь.

Таким образом, для периода, предшествующего образованию Селевкидского царства, топография монетных дворов, чьи выпуски попали в Сузы, сравнительно обширна: от Афин на западе до Вавилона на востоке, от Византия на севере до Аки на юге. Подавляющее число монет происходит из торговых городов Восточного Средиземноморья и Малой Азии.

II период (311—140 гг. до н. э.)

а) До 223/222 г. до н. э. Серебряные монеты по-прежнему стабильно поступают в Сузы, но топография монетных дворов, чеканивших их, уже менее разнообразна. В числе торговых партнеров Суз начинает выделяться Селевкия на Тигре (7 экз. Селевка I и 1 экз. Антиоха I среди отдельных находок, 1 экз. Антиоха II в составе клада). Остальные 44 серебряные монеты (из них 28 в кладах) чеканены в Малой Азии на монетных дворах Милета, Сард, Абидоса, Лампсака и Колофона.

Что же касается бронзовых монет, то в данном случае их больше всего обнаружено в Сузах (34 экз.). Они регулярно от имени всех селевкидских царей выпускаются в Сузах (правивших в 246—223/222 гг.), причем число их возрастает. Отмечены также бронзовые монеты времени Селевка I из Ан-

тихий (1 экз.) и 11 экз. из Селевкии в Пиерии. Еще 4 бронзовых монеты относятся к монетному двору Антиохии, но выпущены они уже несколько позже, в период царствования Селевков III. Предположительно чекану Нисибина принадлежит бронзовая монета Селевка I. В кладах рассматриваемого подпериода бронзовые серии монет полностью отсутствуют.

Данный период, следовательно, характеризуется новыми тенденциями в денежном обращении. Среди привозных монет, найденных в Сузах, заметное место начинают занимать серебряные и бронза различных номиналов западного соседа Суз — Селевкии на Тигре. В сферу денежного обращения включаются монеты дворцов новых полисов, основанные Селевкидами (Антиохия и Селевкия в Пиерии), но их роль на монетном рынке Суз незначительна.

б) 223/222—140 гг. до н. э. Серебряных монет этого времени несколько больше, чем ранее (185 экз.), но подавляющее их число (172 экз.) происходит из кладов. По-прежнему сохраняют свое значение западные центры эмиссий серебра (Аспенд, Перга, Флелесис, Алабанда, Милет, Магнесия на Меандре, Темнос, Киме, Кизик, Киос, Византий, Лисимахия, Арад, Эфес и Сарды). Заметна роль Селевкии на Тигре, серебряные монеты которой без какого-либо перерыва поступают в Сузы. Также постоянно приток серебра и из монетных дворов Антиохии, Аки-Антиохии-Птолеманды, Нисибина. Впервые отмечен чекан монетного двора Экбатан, серебряные монеты которого, хотя и в небольшом числе, выпускаются от имени всех селевкидских правителей — от Антиоха III до Александра Бала. В двух сузских кладах присутствует по одному экземпляру тетрадрахм Евтидема I (Греко-Бактрийское царство).

Серии бронзы данного подпериода представлены чеканами Селевкии на Тигре, Антиохии, Экбатан; зафиксирован единственный экземпляр Арсамосаты, выпущенный от имени Ксеркса, царя Софены. По сравнению с предыдущим периодом отсутствует бронза Нисибина и Лаодикеи Приморской. В количественном отношении наблюдается резкий скачок числа бронзовых монет, отчеканенных в Селевкии на Тигре, приходящийся на время правления Антиоха III (310 экз. среди отдельных находок и 4 — из клада), и со временем почти пропорциональное их уменьшение (Селевк IV — 106 экз.; Антиох IV — 49 экз.; Деметрий I — 3 экз., Александр Бала — 1 экз., Деметрий II — 2 экз.). Из Антиохии происходят в общей сложности 7 бронзовых монет, причем выпуск 5-ти из них также приходится на время Антиоха III.

Для периода 223/222—140 гг. до н. э., таким образом, отмечаются некоторое сужение круга монетных дворов, выпускавших бронзу, появление серебряных и бронзовых эмиссий северного соседа Суз — Экбатан, двух серебряных монет бактрийского чекана и, наконец, наибольший выпуск бронзовых монет из Селевкии на Тигре (при Антиохе III).

III период — 140 г. до н. э. — конец II — начало III в. н. э.
а) 140 г. до н. э. — 45 г. н. э. Для эмиссий серебра, обнаруженных в Сузах (17 экз. среди отдельных находок, 16 экз. в кладах), по-прежнему характерно присутствие (но уже небольшого) числа монет из Селевкии на Тигре (4 экз.). Появляются и серебряные монеты новых центров, энергично чеканивших серебро (Сирикс и Гекатомпил) и бронзу (Гекатомпил). Проникают в Сузы и серии серебра правителей Харакены (всего 9 экз.). Зафиксирована также тетрадрахма царства Элимаиды, выпущенная ок. 78/77 г. до н. э.

Что же касается отдельных находок бронзовых монет, то по-прежнему преобладают выпуски Селевкии на Тигре, но уже как царских, так и муниципальных выпусков (12 и 433 экз. соответственно). К муниципальному чекану этого полиса относится и довольно большой по объему клад, состоящий из 216 экз. бронзовых монет, выпущенных либо во время правления Вонона I, либо скорее всего в первую половину царствования Артабана II (до 22/23 г. н. э.). В целом, бронза из Селевкии на Тигре представлена, за исключением упомянутого клада, сравнительно равномерно от имени всех парфянских царей рассматриваемого подпериода. Отметим лишь, что своеобразный количественный пик для монет этой категории приходится на время от 4 до 22 г. (царствование Артабана II). Заметна и бронза правителей Харакены (46 экз.). Из Гекатомпила происходят 5 парфянских бронзовых монет. Отметим единичные находки бронзы из Ортозии (Кария), Петры и Иерусалима.

Итак, в период от 140 г. до н. э. по 45 г. н. э. начинается проникновение на денежный рынок Суз серий серебра и бронзы североиранских монетных дворов, располагавшихся в Сириксе и Гекатомпиле. Появляется и значительное число серебряных и бронзовых монет Харакенского царства. Наконец, следует отметить по-прежнему стабильное поступление большого числа бронзовых эмиссий (преимущественно муниципального чекана) из Селевкии на Тигре. Наряду с этим зафиксированы единичные экземпляры серебряных монет этого полиса.

б) 45 г. — рубеж II и III вв. н. э. В составе кладов не отмечено ни одной серебряной монеты этого времени; число отдельных находок серебра в целом невелико — 5 экз. (по одному экземпляру из Селевкии на Тигре — Вологеза I, Антиохии — императора Аврелиана, два экземпляра из Александрии императоров Коммода и Александра Севера). Бронза представлена также исключительно отдельными находками, и таких монет довольно много — 115 экз., причем подавляющее их число (111 экз.) относится к эмиссиям Селевкии на Тигре периода правления парфянского царя Вологеза I до Вологеза IV (50/51—206/207 гг. н. э.). В этот период наблюдается поступление в Сузах рассматриваемого времени следов присутствия свинцовых монет Харакенского чекана. Значительное число свинцовых монет Харакенских правителей I в. н. э. при сохранении определенного коли-

чества медных монет этого царства (7 экз.). Как было показано, в Сузы проникают уже и монеты, чеканенные от имени римских императоров — Траяна, Аврелиана (серебряные и бронзовые серии из Антиохии), Адриана, Коммода, Александра Севера и Гордиана (бронза с острова Самоса и Магнесии на Сипиле, серебро из Александрии).

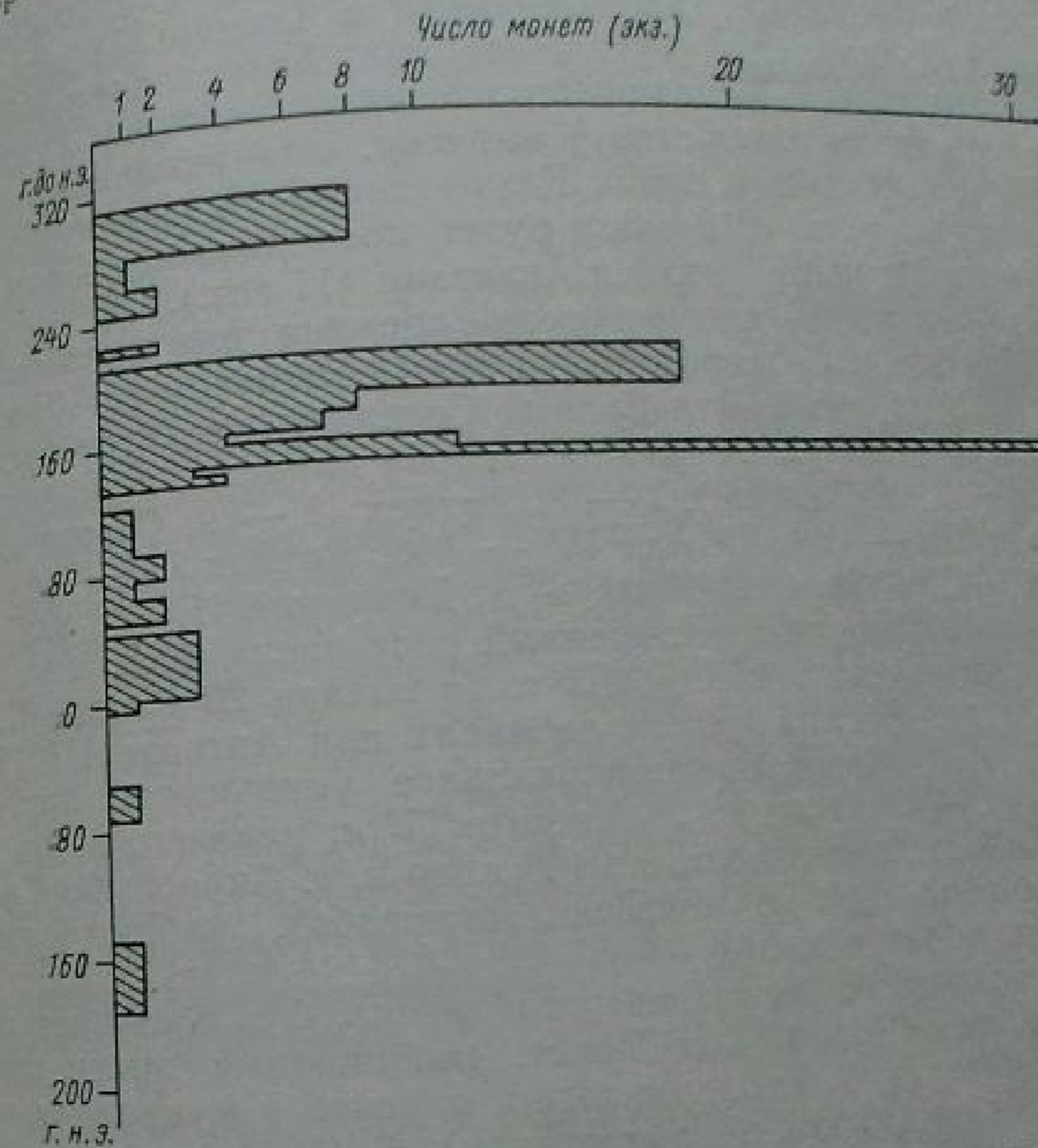
Подытожим изложенное выше. Коллекция привозных монет сузского корпуса, выпущенных до походов Александра Македонского (77 экз.), представлена исключительно серебряными номиналами монетных дворов Финикии и Сирии (Тир, Сидон, Арад, Мириандр), Малой Азии (Нагид, Аспенд, Милет, Самос, Сарды, Кизик), Боспора (Византий) и Афин. Некоторые их номиналы (тетраболы, гемидрахи, оболы) могут служить свидетельством обращения серебряных монет указанных центров выпуска V—IV вв. до н. э. в районах, расположенных к востоку от Евфрата еще до прихода сюда греков и македонцев; некоторые были, очевидно, принесены сюда уже солдатами армии Александра Македонского.

36 экземпляров серебряных монет различного достоинства, отчеканенных от имени Александра в Аке, Сидоне, Араде, Амфиполе, Вавилоне, а также несколько подражаний амфипольскому чекану, относятся уже ко времени, предшествующему воцарению Селевка I, т. е. до 311 г. до н. э.

В период с конца IV—II вв. до н. э. на монетном рынке Суз бытует значительное число драхм и тетрадрахм, чеканенных по типу монет Александра Македонского (99 экз. в кладах, 21 — среди отдельных находок) в Милете, Магнесии на Меандре, Колофоне, Сардах, Абидосе, Лампсаке, Аспенде, Пергах, Фалесисе, Алабанде, Темносе, Киме. Их широкое распространение на эллинистическом Востоке вплоть до II в. до н. э. не является неожиданностью и достаточно аргументированно объяснено специалистами¹⁷². То же самое можно отметить и в отношении тетрадрахм Лисимаха из Кизика, Киоса, Византия, Лисимахии (5 экз.). Что же касается монетных дворов, выпускавших серебро от имени селевкидских царей, то в данном случае заметно преобладание таких монет из Селевкии на Тигре, причем их число с 311 по 140 г. до н. э. постепенно возрастает и ко времени захвата Суз парфянами составляет в общей сложности 31 экз. Среди других монетных дворов следует выделить Антиохию (43 экз.), Экбатаны (10 экз.), Нисибин (7 экз.). Находки в Сузах серебряных монет из Лаодикеи Приморской, Сард, Арада, Эфеса, Антиохии-Птолемаиды единичны (в общей сложности 10 экз.). Также к селевкидскому времени относятся две тетрадрахи, чеканенные в Бактрах, и одна — в Селевкии на Гедифонте, столице Элимаиды.

Время господства парфянских царей характеризуется заметным уменьшением общего числа привозных серебряных монет, найденных в Сузах (35 экз.), причем часть их (19 экз.) выпущена на североиранских монетных дворах (Гекатомпил и Си-

ринкс). Сравнительно редко встречается серебро Элимаиды (1 экз.). Только 4 серебряные монеты чекана парфянских царей присутствуют среди найденных в Сузах. При парфянах начинает поступать сюда серебро царей Харакены (9 экз.). Упомянем, наконец, 3 монеты, отчеканенные в Александрии Египетской от имени римских императоров Коммода и Александра Севера и в Антиохии от имени Аврелиана.

Соотношение выпусков привозных серебряных монет селевкидских и парфянских царей, обнаруженных в Сузах (без учета монет, отчеканенных по типу Александра Македонского, Лисимаха и выпусков римских императоров)
Составлено по: Le Rider G. Suse ..., p. 234—241.

Таким образом, характер обращения серебряных монет в парфянское время резко контрастирует с предыдущими периодами. При парфянах уже не наблюдается ни одной серебряной монеты, чеканенной западнее Селевкии на Тигре (кроме незначительных выпусков римских императоров), исчезает серебро Экбатанского монетного двора, располагавшихся на североиранских монетных дворах (Гекатомпил). Внедряется на денежный рынок Суз серебро царей царства Харакены.

конс-
но,
Боспо-
ра-
кийс-
као!
Вн
10.12.
00.

2015/05/30 15:32

Ареал привозных бронзовых монет более ограничен. До воцарения Селевка I обнаружена лишь единственная бронзовая монета из Тарса. В селевкидское время бронза поступает из Селевкии на Тигре, Антиохии, Селевкии в Пиерии, Антиохии-Птолеманды, Александрии Египетской, Нисибина, Экбатан, Гекатомпила, а также из Арсамосаты. Общее число бронзовых монет этого времени составляет 536 экз., из них лишь 4 экз. обнаружены в составе клада. Если исключить из этого общего числа одновременные (для Селевкии в Пиерии 11 экз. при Селевке I) и единичные (для Нисибина, Александрии Египетской, Арсамосаты, Антиохии-Птолеманды, Экбатан, Гекатомпила — по одному экземпляру) выпуски, а также элимандскую бронзу, отчеканенную в Сузах Камнаскиром Никефором, то их подавляющее число (518 экз.) будет приходиться на эмиссии Селевкии на Тигре (507 экз.) и Антиохии (11 экз.).

Бронза Антиохии селевкидского времени выпускалась Селевком I (1 экз.), Селевком III (4 экз.), Антионом III (5 экз.), Селевком IV (1 экз.). Для бронзы Селевкии на Тигре распределение по правителям селевкидской династии следующее: Селевк I — 6 экз., Антиох I — 8, Антиох II — 9, Селевк II — 10, Антиох III — 314, Селевк IV — 106, Антиох IV — 49, Деметрий I — 1, Александр Бала — 1, Деметрий II — 2 экз. Таким образом, очевидны постепенный рост числа бронзовых монет из Селевкии на Тигре от 311 г. до начала 20-х годов III в. до н. э., затем резкий скачок их числа при Антиохе III (223/222—187 гг.), почти пропорциональное уменьшение при его преемниках — Селевке IV и Антиохе IV и, наконец, очень небольшая представительность до 140 г. до н. э. Аналогичная картина, только в гораздо меньших масштабах, наблюдается в отношении Антиохии.

В парфянский период на денежный рынок Суз поступает значительное число бронзовых монет, выпущенных преимущественно в Селевкии на Тигре, но уже и царской и муниципальной чеканки (117 и 648 экз. соответственно). Со 124 г. до н. э. в денежное обращение Суз внедряется бронза царей Харакены (54 экз.). В это время здесь отмечено присутствие 13 бронзовых монет Гекатомпила. Бронзовые эмиссии Экбатан ограничены 4 экз., выпущенными при Митридате I. Упомянем, наконец, единичные находки бронзы Петры, Иерусалима, Ортозии в Кари, Антиохии, Самоса, Магнесии на Сипиле, Александрии.

Табл. 2 показывает численность и процентное соотношение привозных бронзовых монет селевкидо-парфянского времени, обнаруженных в Сузах¹⁷³ (см. стр. 93).

Как следует из таблицы, и в селевкидское и в парфянский период на денежном рынке Селевкии-Суз среди всех привозных монет этой категории преобладали, если не превалировали, бронзовые монеты Селевкии на Тигре. Совершенно очевидно, что это не случайно. Однако, прежде чем объяснить данный

феномен, обратимся к анализу активности самого сузского монетного двора.

Таблица 2

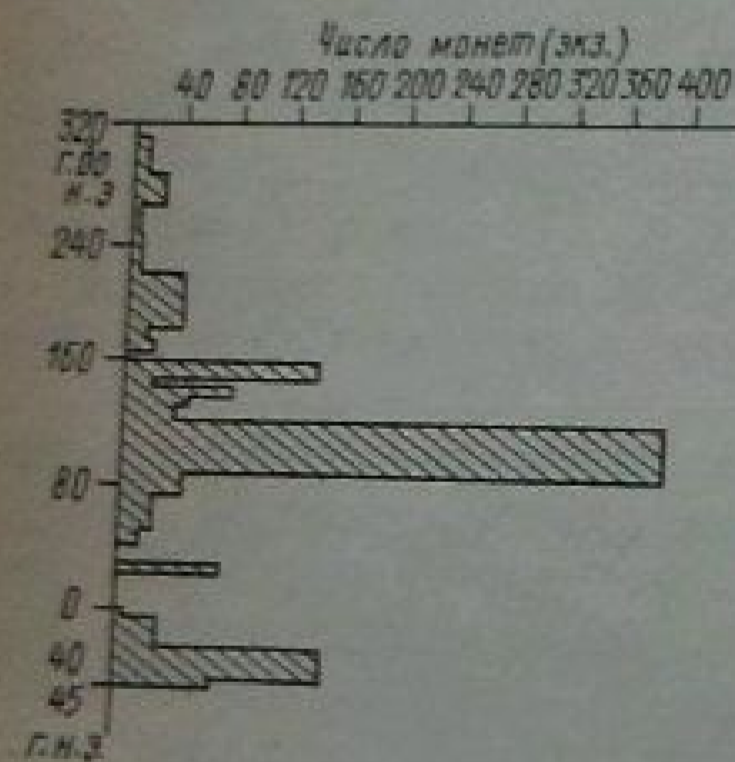
Монетный двор	Исторический период					
	селевкидский 311—140 гг. до н. э.		парфянский 140 г. до н. э. — 206/207 г. н. э.		всего	
	число монет (экз.)	%	число монет (экз.)	%	экз.	%
Селевкия на Тигре	507	94,58	765	89,16	1272	91,25
Антиохия	11	2,05	1	0,12	12	0,86
Харакена	—	—	54	6,29	54	3,87
Гекатомпил (?)	—	—	13	1,51	13	0,93
Экбатаны	2	0,37	4	0,46	6	0,43
Остальные	16	3,0	21	2,46	37	2,66

Сузский монетный двор (см. табл. 1). До правления Селевка I сузским монетным двором выпущена серия тетрадрахм по типу монет Александра Македонского (обнаружен 1 экз.). 32 экз. других серий серебряных монет селевкидского времени, отчеканенных в Сузах, сравнительно равномерно распределяются между следующими правителями: Антиох II — 2 экз., Селевк II — 2 (все 4 монеты относятся к категории отдельных находок), Антиох III — 4, Селевк IV — 2, Антиох IV — 4, Деметрий I — 10, Александр Бала — 7, Камнаскир Никефор — 1 экз. (все найдены в составе кладов). Относительный пик активности по выпуску серебра, таким образом, приходится на время Деметрия I (161—150 гг. до н. э.). Отметим, что никак не представлены чеканы двух первых селевкидских царей — Селевка I и Антиоха I, отсутствует и серебро Селевка III и Антиоха V.

Из серий бронзовых монет, выпущенных в Сузах при Селевкидах, 383 экз. обнаружены в результате раскопок. Бронза чеканится от имени всех селевкидских царей, за исключением Антиоха V (164—161 гг. до н. э.). Ко времени правления Селевка I относятся 9 экз., Антиоха I — 24, Антиоха II — 1, Селевка II — 10, Селевка III (но, возможно, и Селевка II) — 5, Антиоха III — 37, Селевка IV — 22, Антиоха IV — 30, Деметрия I — 140, Александра Балы — 16 экз. В 148/147 г. до н. э. Сузы временно попадают под власть соседней Элимаиды, правитель которой Камнаскир Никефор вплоть до 140 г. до н. э. успевает наладить на монетном дворе Суз выпуски как серебряной, так и бронзовой монеты. В Сузах же к этому времени обнаружены 84 экз. бронзовых монет Камнаскира. Обращает на себя внимание активность сузского монетного двора при Деметрии I (явление, которое было подмечено и в

отношении серебряных эмиссий этого царя). На долю Деметрия I приходится в общей сложности 36% всего объема бронзы, обнаруженной в Сузах, в то время как правил он лишь 11 лет (6,4% от всего селевкидского времени). Отметим и активную деятельность элимаидского царя Камнаскира: за 8 лет своего правления, когда Сузы были под контролем элимеев (4,6% всей эпохи), он отчеканил здесь крупную серию бронзы — найдены 84 монеты, что составляет 21,9% всего объема селевкидской бронзовой чеканки, открытой археологами.

Парфянскому царю Митридату I удается в 140/139 г. до н. э. отвоевать Сузы у Камнаскира, и с этого времени город вплоть до 45 г. н. э. находится под контролем парфян. В Сузах отмечено наличие серебряных монет только Орода II, выпущенных во второй период его царствования (53 около 38 г. до н. э.), и Фраата IV (около 38—3/2 гг. до н. э.). От имени Орода II найдены 162 экз. серебра (из них 150 — в кладах), от имени Фраата IV — 1381 экз. (1368 экз. в кладах). Даже если брать категорию отдельных находок, то выпуски этих двух правителей (25 экз.) выглядят весьма предствительно на фоне сравнительно редких монет из серебра, происходящих из других монетных дворов, контролируемых парфянами.

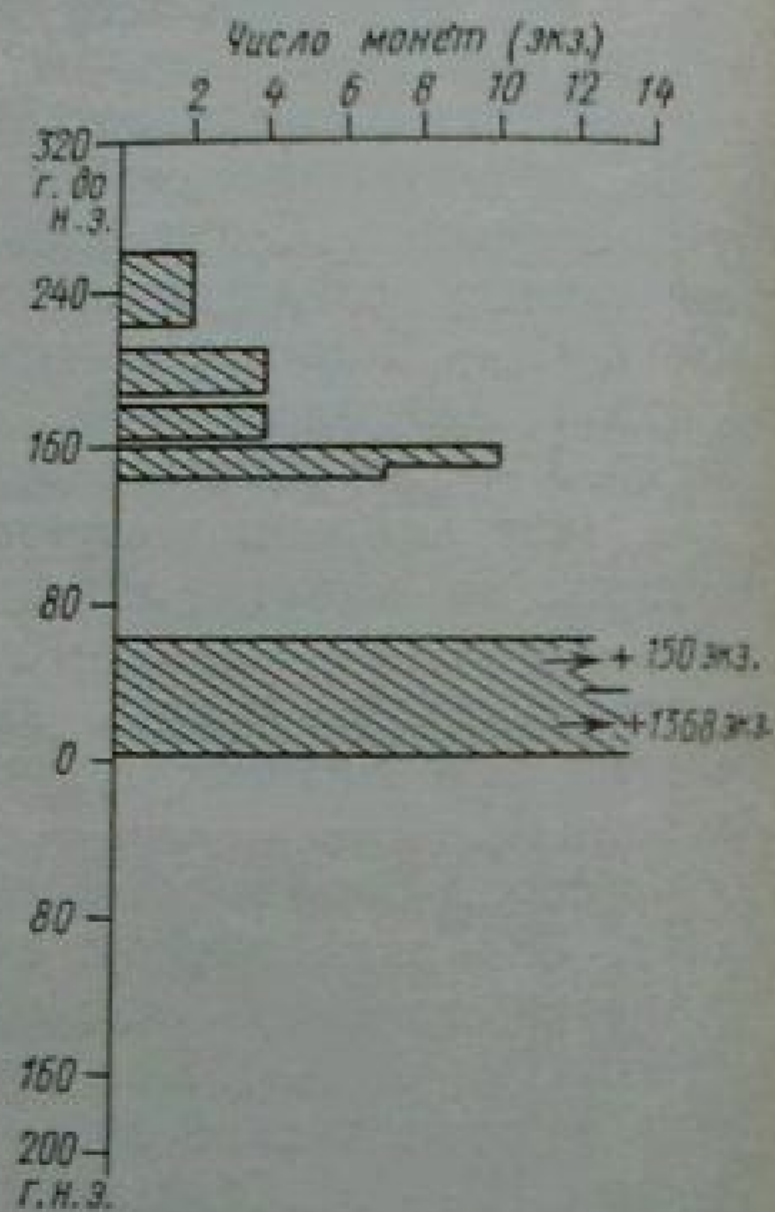
Соотношение выпусков бронзовых монет селевкидских и парфянских царей сузского монетного двора (без учета элимаидской бронзы)
Составлено по: Le Rider G. Suse... P. 234—241.

Бронзовые монеты встречаются от имени практически всех парфянских царей — от Митридата I до Вардана I — в очень большом количестве (1137 экз.), причем среди отдельных на-

ходок их насчитывается 149 экз., в составе кладов — 988 экз. Больше всего бронзовых монет выпущено в Сузах при Митридате II (найдено 384 экз.), почти в два раза меньше — при Артабане II (148 экз.). Чеканка остальных парфянских царей регулярна, но невелика по объему.

Весьма показательна, но невелика то, что ареал бронзовых монет сузского чекана в селевкидо-парфянское время был весьма ограничен. Кроме собственно территории Юго-Западного Ирана сузская бронза обнаружена лишь на острове Файлаке (Икаросе). Ни в Селевкии на Тигре, ни в Дуре-Европос, ни в Нимруде, ни в Персеполе, ни в Антиохии (т. е. в центрах эллинистического и парфянского Востока, археологические раскопки которых дали большой нумизматический материал) не найдено ни одной сузской бронзовой монеты¹⁷⁴.

В связи с рассматриваемыми проблемами необходимо коснуться вопроса о времени возобновления сузской чеканки после 45 г. н. э., когда монетный двор этого города прекращает свою работу в результате завоевания Суз элимеем (последние выпуски — монеты Аршакида Вардана I)¹⁷⁵. Ж. Ле Ридер, проанализировавший основные этапы развития элимаидской чеканки, выделяет два основных периода. К первому относят монеты, выпущенные как в Сузах (чеканы Камнаскира Никефора — серебро и бронза), так и в столице царства Элимаиды — Селевкии на Гедифонте (82/81 г. до н. э. — 75 г. н. э. — только серебро). Во второй период (75 — около 200 г.) правители Элимаиды выпускали только бронзовые серии двух основных номиналов: так называемые «бронзовые тетрадрахмы» (монетный двор Селевкии на Гедифонте) и малые номиналы — «драхмы» (монетный двор Суз). Возобновление работы сузского монетного двора Ж. Ле Ридер относит, таким образом, к 75 г. н. э.¹⁷⁶ К. Оже, специально исследовавший основные вопросы элимаидского чекана на базе монет из Бард-е Нешанде и Масджид-и Солайман, согласен с предложенным выводом¹⁷⁷. Эта точка зрения представляется наиболее обоснованной, поскольку подтверждается сузскими монетными кладами, в которых зафиксированы элимаидские монеты, а также отдельными находками таких монет при раскопках Суз. Так, например, сузский клад, обнаруженный в 1900 г., содержит 583 элимаидские монеты, из которых лишь 4 — «бронзовые тетрадрахмы» и 579 экз. — монеты Элимаиды малых бронзовых номиналов¹⁷⁸. С другой стороны, за одиннадцать полевых сезонов (1946—1956 гг.) в Сузах было найдено в общей сложности 94 элимаидские монеты, причем лишь две из них являются «бронзовыми тетрадрахмами». Остальные 92 бронзовые «драхмы» следует отнести к выпускам монетного двора Суз. Кстати говоря, число селевкидских и парфянских монетных эмиссий в Сузах, достигает 119 экз., из них 47 экз. отчеканены в монетном дворе Суз¹⁷⁹. Огромное число мелких бронзовых номиналов элимаидских царей по сравнению с ничтожным количе-

Соотношение выпусков серебряных монет сузской чеканки селевкидских и парфянских царей, обнаруженных в Сузах
Составлено по: Le Rider G. Suse... P. 234—241.

2015/05/30 15:32

ством «бронзовых тетрадрахм», обнаруженных в городской черте Суз, может свидетельствовать только о принадлежности этих мелких бронзовых номиналов чекану сузского монетного двора¹⁸⁰. К тому же, элимайдская бронза малых номиналов содержит на оборотной стороне монет изображение Артемиды-Навайи — божества, очень популярного в Сузах и не имеющего никакого отношения к столичному городу элимеев — Селевкии на Гедифонте¹⁸¹.

Сравнительно большое число бронзовых монет Селевкии на Эвлее-Суз, выпущенных парфянскими и элимайдскими правителями, может являться определенным показателем дальнейшего развития денежного рынка этого города, в рамках которого, в отличие от селевкидского времени стала активно циркулировать бронза собственного чекана.

Сузы в межполисной торговле. Столь богатый нумизматический материал дает возможность сделать некоторые заключения об экономике и о значении Суз в межполисной торговле в селевкидо-парфянское время и, в частности, о степени развития товарно-денежных отношений в полисе, а также участия в данном процессе жителей этого крупного городского центра Юго-Западного Ирана.

Предварительно отметим следующее обстоятельство. Уже подчеркивалось, что в Сузах было обнаружено очень много бронзовых монет из Селевкии на Тигре (1281 экз.), в то время как аналогичный показатель по бронзе собственно сузского монетного двора незначительно превышает эту цифру (1512 экз.) и абсолютно не сравним с количеством бронзовых монет из других полисов. В отношении Суз все, казалось бы, ясно: рынок этого полиса испытывал потребность в большом числе мелких бронзовых монет вследствие широкого распространения товарно-денежных отношений в Селевкии-Сузах. Присутствие же здесь значительного объема эмиссий бронзы из Селевкии на Тигре должно свидетельствовать о каких-то существенных связях между этими центрами в селевкидо-парфянское время.

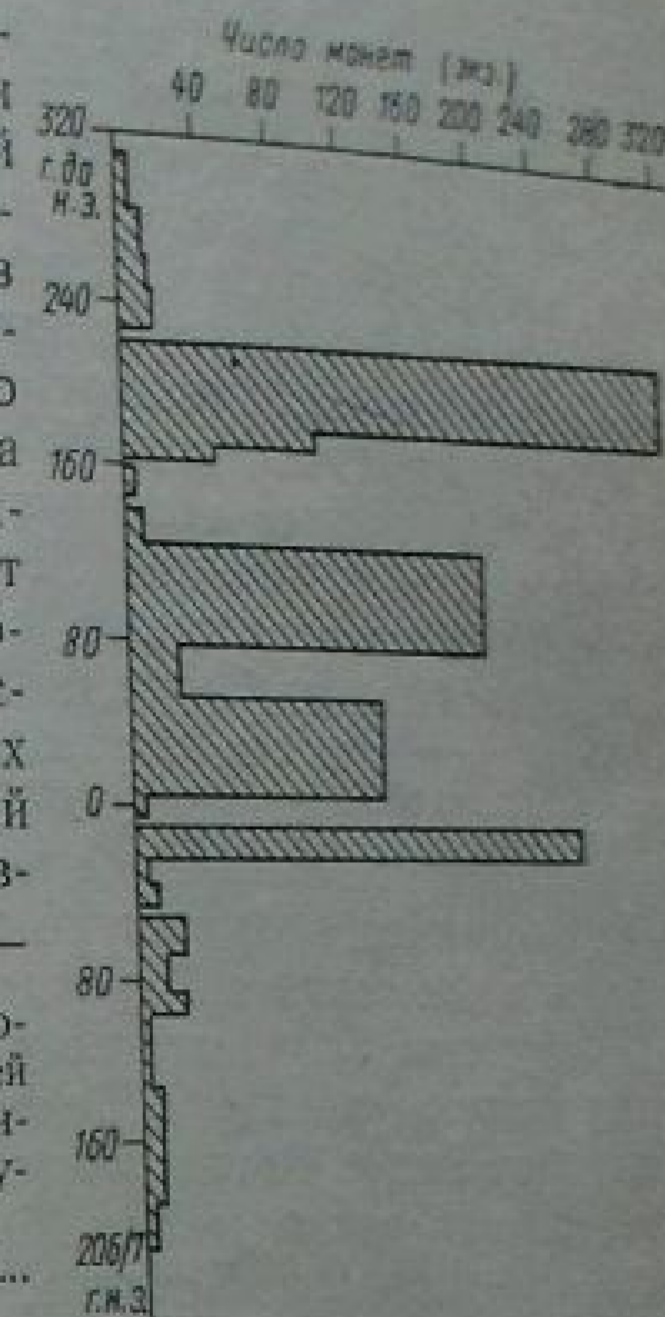
Л. Робер, считавший, что бронзовая монета не может свидетельствовать о каких-то межполисных торговых связях и отмечать своим наличием передвижения торговцев, конечно, прав, отводя роль носителей этих монет неким путешественникам («sur les voyages des hommes»)¹⁸². Однако неожиданно высокий процент присутствия бронзовых монет Селевкии на Тигре в Сузах по сравнению с бронзовыми эмиссиями других монетных дворов, в том числе и самих Суз, заставляет более подробно рассмотреть причины этого явления.

Максимальные значения количества бронзовых монет Селевкии на Тигре¹⁸³, обнаруженных в Сузах, приходятся на следующие периоды:

- 1) 223/222 — 187 гг. до н. э. — правление Антиоха III;
- 2) 123 — 78/79 гг. до н. э. — правление Митридата II, Готарза I и Орода II;

3) 40 г. до н. э. — 38 г. н. э. — правление Фраата IV и Артабана II.

Что представляла собой Селевкия на Тигре в системе государственных образований Селевкидов и Аршакидов? Этот город был основан Селевком I на правом берегу реки Тигра, неподалеку от Вавилона, на месте бывшего вавилонского селения Описа¹⁸⁴. Этот город очень быстро стал одним из трех крупнейших центров Селевкидской державы. Если Сарды объединили селевкидские сатрапии Малой Азии, Антиохия на Оронте вместе со своей гаванью Селевкией в Персии стала центром объединения для сирийских сатрапий, то Селевкия на Тигре объединила население Месопотамии и Ирана¹⁸⁵. У. Тарн причисляет этот полис к наиболее богатым городам эллинистического мира, расцвет которых был связан с их значительной ролью в мировой транзитной торговле¹⁸⁶. Селев-

Соотношение выпусков бронзовых монет Селевкидских и парфянских царей Селевкии на Тигре (царской и муниципальной чеканки), обнаруженных в Сузах
Составлено по: Le Rider G. Suse...
P. 234—241.

кию на Тигре не без основания можно считать одним из ведущих центров транзитной торговли в селевкидо-парфянское время не только для Месопотамии и Ирана¹⁸⁷. Об этом может свидетельствовать, в частности, ареал распространения бронзовых монет этого полиса, например, в селевкидский период. Кроме Суз бронза Селевкии на Тигре обнаружена в Орхое (Урук), на острове Файлака, в Дуре-Европос, Нисбине, Антиохии, Лаодикее (Нехавенд), в Сирии, Палестине, Мидии-Атропатене и др.¹⁸⁸ Не случайно рядом с этим полисом, население которого к I в. н. э., по некоторым данным, приближалось к 600 тыс. человек (Plin N. H., VI, 22), парфяне основывают одну из своих столиц — город Ктесифон (Strab., XI, 13, 1; XVI, 1, 16). Основной артерией восточной торговли считается в это время морская торговля по Персидскому заливу и восточной Тигру, однако существовали и сухопутные караванные дороги в Вавилонию, проходившие через Кандагар, Герат, Гекатомпид, Эк-

батаны в Селевкию на Тигре. Через Селевкию на Тигре в Антиохию, ставшую столицей Селевкидского государства, вела вторая часть этой караванной дороги. Поэтому Селевкия на Тигре благодаря своему выгодному положению на торговых маршрутах очень долго сохраняла значение одного из богатейших торгово-ремесленных центров Востока. Перечень товаров и продуктов, которые могли вывозиться из Индии и прибрежных областей Аравийского моря в Селевкию на Тигре, дается в анонимном «Перипле Эритрейского моря», написанном, очевидно, в последней трети I в. н. э.¹⁸⁹ Это — «серская» пряжа, хлопок, шерсть, шелк, драгоценные и полудрагоценные камни, жемчуг, пряности, слоновая кость, сезамское масло, индиго, медь, сандаловое и эбеновое дерево, ладан и другие благовония¹⁹⁰. Возможно, во времена Селевкидов ассортимент товаров и продуктов, импортируемых из восточных областей, был более ограничен, однако некоторые источники селевкидского времени все же дают определенные аналогии¹⁹¹.

Возвращаясь к посылке Л. Робера, мы должны предположить наличие значительного числа каких-то «путешественников» из Селевкии на Тигре, постоянно посещавших Сузы. Каковы цель, причина таких поездок? Надпись греческого полиса Магнесии на Меандре (стк. 100—111) в числе городов, при основании которых магнесийцы посылали своих граждан в качестве переселенцев, называет по крайней мере десять (одиннадцатой была Антиохию в Персиде, декрет которой вошел в надпись)¹⁹² пунктов эллинистического Востока. Важно то, что среди этих полисов наряду с Селевкией на Тигре упоминается и Селевкия на Эвлее. Хотя и маловероятно, чтобы на протяжении почти четырех веков между бывшими членами гражданской общины Магнесии на Меандре, одна часть которых переселилась в Селевкию на Тигре, а другая — в Сузы-Селевкию на Эвлее, поддерживались столь длительные контакты, тем не менее возможность таких взаимоотношений исключать полностью нельзя.

Рассмотрим еще одно предположение. Уже отмечалось, пиковые значения числа бронзовых монет Селевкии на Тигре, обнаруженных в Сузах, приходится на время Антиоха III, парфянских царей Митридата II, Готарза и Орода II, Фраата IV и Артабана II. Как известно, большинство из указанных правителей проводили весьма активную внешнюю политику. Так, Антиох III совершил знаменитый восточный поход (210—204 гг. до н. э.), благодаря которому сумел обеспечить тыл своего государства на востоке путем создания системы зависимых государственных образований. При этом царю отмечается значительный расцвет Селевкидского государства, нашедший отражение в укреплении экономических связей между отдельными сатрапиями. За время похода были открыты новые земли и области, вошедшие в состав царства, значительно расширились торговые пути¹⁹³.

Время правления Митридата II (124/123 — около 90—87 гг. до н. э.) ознаменовано крупнейшими внешнеполитическими успехами и по праву может считаться одним из блестящих периодов в истории Парфянского царства¹⁹⁴. На востоке Митридат II восстановил власть парфян, и теперь границы его государства стали простираться до Индии, включая современный Кандагар. Ему удалось подчинить своей власти современный Кандагар, в зависимости от парфян царство. На время царствования Митридата II приходится одно из первых китайских посольств, результатом которого явилось открытие дороги, названной позже «Великим шелковым путем». По ней из Китая на Запад (через Парфию) могла совершаться караванная торговля. Такая торговля, очевидно, имела место и раньше, но именно при Митридате II она получает значительный толчок для своего развития в результате возможности собственного политического контроля на всем протяжении пути¹⁹⁵.

При Фраате IV (40—3/2 гг. до н. э.) и особенно при Артабане II (10/11 — около 38 гг. н. э.) в истории Парфянского государства начинается этап определенной стабилизации после внутривосточного кризиса конца I в. до н. э. и угрозы экспансии Рима¹⁹⁶. Именно при Артабане II в Элиманде местная династия была заменена боковой ветвью Аршакидов¹⁹⁷.

Указанными обстоятельствами, очевидно, может объясняться укрепление связей между Селевкией на Эвлее и Селевкией на Тигре, следствием которого и стало появление значительного числа мелкой монеты из Селевкии на Тигре на рынке Суз. Ее могли приносить в Сузы и солдаты армий указанных правителей, так как забота о восточных границах Селевкидской и Парфянской держав была в центре внимания и Антиоха III, и Митридата II, и Артабана II, а также торговцы.

Однако если обратиться к более ранним периодам существования Селевкидского царства, то из источников¹⁹⁸ известно, что некоторые правители, нуждаясь в денежных средствах для проведения войн, требовали от своих казначеев все больших средств, которые отсылались им преимущественно в виде чеканной монеты. Органы финансового управления государством, испытывая нужду в деньгах для продолжения традиционных торговых операций, вынуждены были переходить на чеканку бронзовой монеты. Такую ситуацию в отношении монетного двора Селевкии на Тигре можно было наблюдать в 276—274 гг. до н. э. во время правления Антиоха I Сотера¹⁹⁹. Вполне естественно, что это отражалось и на общем объеме выпускаемой бронзы. Но влияла ли данная ситуация на поступление бронзовой монеты этого полиса в Сузы, сказать трудно, так как соотношение бронзы Селевкии I, Антиоха I и Антиоха II среди бронзы Суз, оставшихся в Сузах, неясно. В данном случае необходимо учитывать и факт случайного монетного находок. Тем не менее известно, например в отношении Антио-

ха III, что укрепление внешнеполитического положения его царства сопровождалось нехваткой средств для ведения войны и поддержания мира. Остро нуждаясь в деньгах, Антиох III воспользовался, например, богатствами храмов Мидии²⁰⁰, а еще одна попытка экспроприировать на нужды войны храмовые ценности кончилась, как известно, трагически для царя (Strab., XVI, 1, 18; Arr. Sug., 66). Точно так же «пополняли» свои финансовые ресурсы и другие правители — Антиох IV, Аршакид Митридат I. Поэтому для объяснения рассматриваемого феномена активности монетного двора Селевкии на Тигре следует учитывать и возможность экстраординарной чеканки крупных бронзовых эмиссий, предназначенных для частичной компенсации нехватки серебряной монеты.

Предлагая возможные объяснения, следует обратить внимание на специфическую роль Суз в этом процессе. Еще со времени Ахеменидов Сузы приняли на себя роль одного из центров транзитной торговли. Они контролировали торговые пути, ведущие на север, в Мидию, зону Персидского залива, наконец, через Сузы проходила сухопутная дорога в восточные области. Сузы располагались на судоходной реке (Эвлей-Паситигр античных авторов), близ устья которой находилось несколько портов и торговых поселений, бывших центром притяжения многих купцов. Это, Тередон Арриана (Arr. Ind., 41, 6—7), или Дирилотис Страбона (Strab., II, 1, 26; XV, 3, 2) и Плиния (Plin. N. H., VI, 145), через который шла торговля ладаном и благовониями из Аравии и, возможно, из Индии (Arr. Ind., 41, 7). Сузианское поселение Агинис называется «торговым портом» (Strab., XV, 3, 5), город Бадаке, расположенный на Эвлее севернее Суз, также мог иметь значение торгового пункта (Diod., XIX, 19, 1). Выгодное географическое размещение Александрии-Антиохии-Спасину-Харакса вблизи побережья Персидского залива и рек Месопотамии определяло и торговое значение этого города (Plin. N. H., VI, 139). Автор «Перипла Эритрейского моря» упоминает еще один пункт этого региона — Аполон, который характеризуется в качестве торгового (Ps. Arr. Peripl. mar. Eryth., 35).

Следует упомянуть еще несколько пунктов Юго-Западного Ирана, находящихся на территории Элимаиды, значение которых определялось интересами обеспечения безопасности внутренней и внешней торговли. Это Масджид-и Солайман и Калге (современные названия), расположенные в Бахтиарских горах на стратегически важном пути, соединявшем Персидский залив и Сузиану с Иранским плато, где были особенно богатые оазисы. После завоевания Александром этих областей селевкидские цари основывают здесь военизированные опорные поселения-катоикии македонской кавалерии, построенные вблизи местных поселений. Необходимость присутствия в Масджид-и Солайман и Калге мобильных воинских подразделений диктовалась важностью переправ через реку Карун, по которым проходил путь

в Персиду, а также речной магистрали в сторону Персидского залива. Кроме того, в интересах безопасности проезжавших по этому пути необходимо было постоянно держать под контролем племена воинственных уксиев, усмиривших в свое время Александром, но по-прежнему угрожавших сухопутным коммуникациям²⁰¹.

В связи с этим рассмотрим вопрос о дорогах, соединявших Сузы с другими центрами Селевкидского и Парфянского государств. Уже упоминалась так называемая «царская дорога», некоторые участки которой сохранили и в парфянской эпохе свое традиционное значение. Один из них связывал Сузы с Вавилонией (Her., V, 52). Исидор Харакский сравнительно подробно описал очень важный караванный путь, который, пересекая «царскую дорогу» и горы Загроса, соединял в парфяское время Селевкию на Тигре, Экбатаны, Гекатомпил и продолжался до Бактрии и индийских границ (Isid. Char. Maps. Parth.). Непосредственно из Суз на север, в Мидию и Экбатаны, вели две дороги, которые могли использоваться и в торговых целях (Diod., XIX, 19, 2; Strab., XI, 3, 6). В другом, юго-западном направлении вела дорога из Суз в Персиду, по которой зимой 330 г. армия Александра двинулась на захват Персеполя. Страбон отмечает, что Александр старался собрать сведения о самых важных поселениях, храмах и казнохранилищах, располагавшихся на этом пути, так как в них могли храниться сокровища, собранные местными жителями в качестве дани с тех, кто пользовался правом проезда (Strab., XV, 3, 6). Эта дорога, по которой в 317 г. до н. э. Евмен повторил маршрут Александра, пересекала Габиеву, область Элимаиды, и, возможно, связывала Сузы с Селевкией на Гедифонте (Plin. N. H., VI, 136). Именно отсюда торговцы во времена Арриана вывозили в Вавилонию много различных продуктов сельского хозяйства (Arr. Anab., XVII, 67, 3).

«Перипл Эритрейского моря», который с полным основанием можно считать практическим руководством для торговцев и купцов, осуществлявших международную торговлю, упоминает два крупных центра транзитной торговли — Спасину-Харакс и Аполон, причем последний характеризуется автором в качестве «официально утвержденного» торгового пункта (Ps. Arr. Peripl. mar. Eryth., 35). Спасину-Харакс был связан речной дорогой непосредственно с Сузами. Ответвлением этого пути, проходившим через Оманский залив, Ормузский пролив и далее в Персидский залив, Сузы могли быть связаны как с Индией, так и с Египтом.

Купцов, осуществлявших транзитную торговлю, Сузиана могла привлекать своей сельскохозяйственной продукцией (пшеница и ячмень, вино и т. п.), а также своим местным производством (например, текстилем). Сузы как центр транзитной торговли в бассейне Персидского залива могло приводить к тому, что в этом городе, очевидно, склады

ровались многие товары и грузы, привозимые с Востока (из Аравии и Индии). Существовал, правда, прямой путь, проходивший по морю и далее по реке Тигру в Вавилонию. Однако часть вавилонских торговцев, среди которых были купцы Селевкии на Тигре, предпочитала скорее всего комбинированный маршрут — из Персидского залива по судоходному Эвфрату до Суз, отсюда караванной дорогой по суше через плодородную и густонаселенную Ситтакену-Аполлониаиду в Селевкию на Тигре. Прямой водный путь был связан для путешественников с некоторыми трудностями, главная из которых заключалась в сложности использования речной дороги по Тигру и Евфрату. Эти обе реки судоходны вверх по течению до Селевкии и Вавилона, но судоходство осложнялось разветвленной системой оросительных каналов, забиравших много воды, а также трудоемкостью регулирования водозаборов (Strab., XVI, 1, 9—10). Не случайно жители Герры, активного торгового пункта, расположенного на побережье Аравии, осуществляли перевозку своих товаров в Вавилонию по реке Евфрату только на плотках (Strab., XVI, 3, 3), позволявших преодолевать мелководье. Поэтому комбинированный путь (морской, речной и далее караванами по суше) из Персидского залива по реке Эвфрату до Суз и затем караванными дорогами до Селевкии на Тигре был, очевидно, более удобен и выгоден. Купцы могли реализовать часть своих товаров уже в городах Юго-Западного Ирана, наконец, в дальнейшем на пути через богатую и процветающую Ситтакену-Аполлониаиду. Следовательно, Сузы могли стать центром притяжения купцов Селевкии на Тигре, которые, очевидно, предпочитали оставить здесь более дешевую бронзовую монету в качестве средства платежа за мелкие розничные товары, продукты питания на срок путешествий, а на серебро осуществлять оптовые сделки. Вполне закономерно, что такая активность купцов из Вавилонии приходилась на периоды внешней и внутренней стабилизации Селевкидского и Парфянского государств, когда международная торговля получила дополнительный импульс в своем развитии. Все отмеченное выше позволяет скорректировать приводившийся выше тезис Л. Робера о неких «путешественниках», под которыми следует видеть, как нам представляется, преимущественно купцов и торговцев²⁰³.

При изучении бронзовых эмиссий Селевкии на Тигре выявляется еще одна интересная особенность. В периоды явных осложнений взаимоотношений между парфянской администрацией и гражданами полиса, угрожавших самому существованию полисной системы Селевкии на Тигре²⁰⁴, гражданский коллектив этого полиса выступал своеобразным регулятором транзитной торговли. Именно этим можно объяснить резкое увеличение муниципальных выпусков бронзы по сравнению с царскими в это время. Например, для периода с 3/2 г. до н. э. по 45 г. н. э. в Сузах было найдено всего 12 экз. бронзовых

монет,чеканенных в Селевкии на Тигре от имени Артабана II. Полисным же коллективом этого города выпускается несколько крупных серий бронзы, к которым принадлежат 263 экз., обнаруженных в Сузах. Гражданская община полиса, заинтересованная в процветании своих сочленов, брала, таким образом, на себя и функции регламентации некоторых аспектов товарно-денежных отношений. Исключением для подмеченной тенденции являются показатели времени царствования Вардана I (или одного экземпляра муниципальной бронзы и 10 экз. царской чеканки в Селевкии на Тигре против 71 экз., выпущенных в Сузах). Данный факт может объясняться последствием восстания граждан Селевкии на Тигре против парфян в 36—43 гг.²⁰⁵, когда гражданская община этого крупнейшего вавилонского полиса была лишена права автономного чекана монет. Более того, переместив в дальнейшем торговые пути, связывавшие центры восточной торговли с западными областями своего государства²⁰⁶, Аршакиды полностью лишают Селевкию на Тигре доминирующей роли в транзитной торговле.

Рассмотрим еще одно обстоятельство. Судя по нумизматическому материалу, Селевкия на Тигре выполняла для Суз роль центра не только терминальной, но и транзитной торговли. На денежном рынке этого города отмечено присутствие монет ряда других городов, выпуски которых представлены относительно многочисленными находками. Это серии монет Экбатан, Антиохии, Гекатомпила и Сиринкса, а также Харакенского царства. Для периода до 140 г. до н. э., т. е. до завоевания Сузи парфянами, выделяются выпуски Антиохии, причем серебра (41 экз.) и бронзы (11 экз.) Антиохии значительно больше, чем Экбатан (10 и 15 экз. соответственно). В парфянское время серебро этих двух городов полностью отсутствует, из бронзовых же монет этого периода отмечена лишь единственная, выпущенная в Антиохии при римском императоре Траяне. Подобная ситуация вполне объяснима. Селевкия на Тигре в селевкидское время была связана с Антиохией не менее прочными торговыми связями, чем с Сузами. Поэтому на рынке Суз и появляются монеты Антиохии, которые скорее всего приносили с собой купцы из Селевкии. При парфянах Селевкия на Тигре входит в состав их государства, в то время как на западе хозяйничают римляне. Постоянная конфронтация и жесткость границ между римскими владениями и землями парфян резко ограничились связи, в том числе и торговые, между Антиохией и Селевкией на Тигре.

Ни одной монеты экбатанского чекана в Сузы при парфянах уже не поступает, что может свидетельствовать об ослаблении экономических и торговых связей между этими двумя крупными государствами в этот период. Однако можно было бы предположить, что сравнительно оживленные торговые связи в результате того, что транзитная торговля в упадке. Новая торговый путь на север в Мидию приходит в упадок. Новая дорога, соединившая в парфянское время Вавилонию и Мидию,

взяла, очевидно, на себя функции более короткой, но скорее всего менее удобной и выгодной для транзитной торговли до-роги Экбатаны — Сузы. Теперь торговля с северными районами Парфянского царства шла через Вавилонию, где Селевкия на Тигре, Ктесифон и позже Вологезокерт (Plin. N. H., VI, 122—123) стали крупными центрами не только активной политической и экономической жизни, но и местом концентрации купцов и торговцев.

Что же касается монет северопарфянских городов Гекатомпила и Сиринкса (бронзу выпускает только Сиринкс), то с потерей важности торгового пути Сузы — Экбатаны они стали поступать в Сузы через Селевкию на Тигре, связанную прямой дорогой с Гирканией.

В последней трети II в. до н. э., как свидетельствуют нумизматический материал и нарративные источники, на юге Сузианы образуется царство Харакена, правителю которой Гиспаосину, сыну Сагдодона, удалось даже на короткое время овладеть Вавилоном²⁰⁷. Однако вскоре правитель западных областей Парфии Гимер вытеснил его из Вавилонии (Iust., XLII, 1, 3)²⁰⁸. Столица Харакены Спасину-Харакс (бывшая Александрия-Антиохия), как свидетельствуют многочисленные источники²⁰⁹, очень быстро подчинила своему контролю торговые пути в Персидском заливе и активно включилась в межполицейскую и международную торговлю.

Серебряных монет Харакены, найденных в Сузах, немного (8 экз.), зато значительный объем бронзы (53 экз.) свидетельствует об определенной роли этого царства на торговых путях Персидского залива и о тесных экономических связях между Сузианой и Харакеной. Кроме серебра и бронзы, в Сузы поступало очень большое число свинцовых монет Харакены, однако какие-либо соображения по поводу обращения монет из этого металла высказывать преждевременно из-за их слабой изученности. Максимальный выпуск бронзы Харакены приходится на вторую половину I в. до н. э. (правление Аттамбела I и Аттамбела II, 47/46 — 29/28 гг. до н. э. и 18/17 г. до н. э. — 7/8 г. н. э.).

Примерно со времени образования царства Харакены в конкурентную борьбу за преобладание в торговле в бассейне Персидского залива энергично включаются купцы из Пальмиры, которые, по сведениям Алпиана (Arr. V. S., V, 9), «вывозят от персов индийские и аравийские товары и продают их в стране римлян». Торговые связи Пальмиры с городами Междуречья и бассейна Персидского залива хорошо прослеживаются по многочисленным надписям, подборку которых осуществил И. Ш. Шифман²¹⁰. Из надписей следует, что пальмирские торговые колонии были в городах Вологезии (Вологезокерт), Форате, Геннае и, что более важно для нас, в Спасину-Хараксе. Этот город упоминается в 12 документах (их общее число 21) в качестве пункта, куда прибывали торговые караваны паль-

мирских купцов. Основные объекты пальмирской транзитной торговли указаны в пошлинном тарифе этого города²¹¹. К их числу относятся рабы, окрашенная пурпуром овечья шерсть, мирра, масло, зерно, вино, жир, соленая рыба, скот. Анализ пальмирской транзитной торговли не входит в наши задачи, отметим, что есть ряд исследований²¹², где подробно рассматриваются ее основные аспекты.

Можно предположить, что предприимчивые пальмирские торговцы использовали для транспортировки своих товаров из Индии и бассейна Персидского залива прежний традиционный путь, которым пользовались и торговцы Селевкии на Тигре, т. е. через Сузы. Об этом косвенно свидетельствуют данные «Пальмирского пошлинного тарифа», в котором основными мерами грузов пальмирских торговцев является поклажа на одного верблюда и на одного осла²¹³, т. е. называются караванные животные, служившие для переноски тяжестей по суше. Именно такой караванной дорогой был путь из Суз в Междуречье, безопасный и обеспеченный фуражом для вьючных животных. Сузы, таким образом, могли стать и для пальмирцев транзитным пунктом на пути из Спасину-Харакса в Вавилонию.

Самая ранняя надпись, упоминающая пальмирских купцов, посетивших Спасину-Харакс, относится к августу 81 г. н. э.²¹⁴ Учитывая тот факт, что Пальмира была заинтересована в установлении и закреплении своего господства на торговых путях Месопотамии²¹⁵, подобные торговые экспедиции пальмирских купцов в Спасину-Харакс с заходом в Сузы имели место уже в I в. до н. э. Об этом может свидетельствовать уменьшение в это время числа бронзовых монет из Селевкии на Тигре, найденных в Сузах, и, напротив, увеличение (относительное) объема бронзы из Спасину-Харакса по сравнению с Гекатомпиллом и Антиохией. Эти монеты могли быть принесены в Сузы пальмирскими купцами, хотя в данном процессе не исключается и роль торговцев Харакены. Во второй половине I в. н. э. этот процесс выражен сильнее; роль Селевкии на Тигре в торговле с Сузами резко уменьшается по ряду обстоятельств, отчасти и из-за конкуренции с купцами Пальмиры и Спасину-Харакса. Главная же причина падения значения Селевкии на Тигре в транзитной торговле, как уже подчеркивалось выше, заключалась в сознательной политике парфянских царей, которым удалось переместить торговые пути в другие центры (в частности, в Харакену и Вологезокерт)²¹⁶. В результате Селевкия на Тигре, этот «внутренний враг» Аршакидов²¹⁷, лишившись сначала своих полицейских привилегий, теряет все преимущества и в торговых операциях.

Связи Суз с Пальмирой, носившие, несомненно, и торговый характер, монеты не могут подтвердить, подкрепить двумя надписями, которые относятся к началу I в. н. э. Первая — арамейская, называет имя царя Элиманды Орода и Орода II, царя Орода IV, инию Ж. Кантино²¹⁹, это был либо Ород III, либо Ород IV,

правившие в Элиманде во II в. н. э.²²⁰, резиденция которых находилась, очевидно, не в Селевкии на Гедифонте, столице царства, а в Сузах, завоеванных элимеями еще в 45 г. н. э. Вторая надпись — греко-арамейская билингва 138 г., упоминает имя одного из этих элиманских правителей — [πρὸς Ὀρόβτῳ τὸν βασιλέα τῆς Αἰλ[υμῆνης]²²¹. Если первая надпись, очень фрагментированная, не несет какой-либо дополнительной информации, то вторая более подробна. В ней говорится о посольстве некоего Иархибола в Сузы. О цели этого посольства приходится лишь догадываться, однако есть мнение, что цель поездки — обеспечение торгового предприятия²²². Более того, можно предположить, что в Сузах располагалась фактория пальмирских купцов. Вторая из упомянутых надписей делает это предположение более вероятным.

Показателем роли Суз-Селевкии на Эвлее в международной торговле на эллинистическом Востоке могут служить другие наши источники. Так, при раскопках в Сузах был обнаружен фрагмент родосской амфоры, на одной из ручек которой удалось прочитать клеймо Ἀρ[ισ]τείδας Ἀρταχιδίου, на другой — Φιλάνιου²²³. Первое слово — это имя эпонимного жреца Аристиды I, второе — название седьмого месяца родосского календаря²²⁴, третье — имя гончара Филэния. Амфора датируется 220—180 гг. до н. э., т. е. временем наивысшего расцвета родосского керамического производства и торговли²²⁵. Известно, что одно из направлений восточной торговли Родоса проходило через Месопотамию к Персидскому заливу и имело конечной целью Индию²²⁶. Поэтому нет ничего удивительного в том, что эта родосская амфора оказалась в этой части Ирана. Другое дело — как ее доставили в Сузы? Единичность такой находки заставляет думать, что прямых торговых контактов с этим крупнейшим центром торговли в эллинистическом мире скорее всего не было, а в Сузы этот сосуд мог попасть, например, из Селевкии на Тигре, или из торговых портов Персидского залива. Показательно, что среди обильного археологического материала, открытого при раскопках на одном из островов Персидского залива — Файлаке, также засвидетельствованы родосские амфоры и бронзовые монеты, выпущенные как в Селевкии на Тигре, так и в Сузах²²⁷. Надписи с острова Файлака свидетельствуют о наличии здесь определенного числа греческих поселенцев, находившихся под юрисдикцией селевкидской администрации²²⁸. Можно предположить, что греческое поселение на этом острове было связующим звеном в цепочке транзитных путей на Восток, в частности на морской дороге в Индию. Его население, судя по некоторым источникам, поддерживало контакты как с гражданами Селевкии на Тигре, так и с гражданами Суз.

Другой остров Персидского залива — Харг — также являлся важной базой в восточной морской торговле с регионом Харакены. Наличие греческого населения засвидетельствовано и

здесь²²⁹. Его жители могли быть вовлечены не только в торговлю со Спасину-Хараксом, но и с другими центрами Парфянского государства.

Таким образом, материал источников свидетельствует об определенной роли Суз в восточной торговле эллинистической и парфянской эпох. На протяжении этого времени значение Суз в государственной торговле не было постоянным. Оно зависело от периодов внутренней и внешней активности и стабилизации Селевкидского и Парфянского государств, в экономической структуре которых были вовлечены Сузы-Селевкия на Эвлее. Роль города во внутренней и внешней торговле определялась и степенью важности и освоенности сухопутных коммуникаций, пересекающих Юго-Западный Иран, а также близостью морского пути, проходящего по Персидскому заливу.

Однако едва ли можно говорить о самостоятельности Суз в этом процессе. Значение города было все-таки подчинено коммерческим интересам более крупных, ведущих центров внутренней и внешней торговли Селевкидского и Парфянского государств — Селевкии на Тигре, Спасину-Харакса, Пальмиры. Конечно, не следует полностью отрицать и некоторую независимость сузских торговцев, осуществлявших свои купеческие предприятия, однако значение и инициатива торговцев указанных выше городов были все же преобладающими. Именно через них Сузы получали заморские экзотические товары, именно они в основном удовлетворяли потребности жителей Суз в необходимых привозных товарах и продуктах.

В годы правления первых царей Селевкидской державы Сузы еще не выделялись в качестве партнера восточной торговли. Но уже со второй половины III в. до н. э. и особенно в последнем его десятилетии отмечается значительное усиление торговой активности жителей этого города, которые все больше вовлекаются в орбиту экономических интересов крупнейшего городского центра Междуречья — Селевкии на Тигре. Связи между этими двумя городами крепнут при Антиохе III и особенно в период его восточной кампании 210—202 гг. до н. э. Через Сузы на Восток хлынул поток торговцев из Селевкии на Тигре, оценивших выгодное положение города на торговых путях того времени. Селевкийские купцы предпочитали комбинированный путь для возвращения из заморских путешествий — по Персидскому заливу, вдоль его побережья, затем речным маршрутом до Суз и далее караванной дорогой в Селевкию на Тигре. Сузы могли использоваться ими и для складирования купленных на Востоке партий товаров и, возможно, для кратковременного отдыха. Не приходится отрицать помощи и содействия сузских жителей для сопровождения торговцев и их грузов, для охраны и т. п. Кроме того, Сузы оставались равно как и другие области Юго-Западного Ирана, так и другие области Персидского залива, где местные сельскохозяйственные продукты, которыми можно было запастись впрок для длительного путе-

шестая или даже выгодно продать за пределами региона, если тому способствовала конъюнктура рынка. Сузы и их округа имели и собственный емкий внутренний рынок, который обеспечивал население сельской территории привозными товарами, пользующимися спросом, а также разнообразными экзотическими восточными продуктами. Это также не могло не влиять на заинтересованность селевкидских торговцев в посещении города.

Наряду с установлением тесных взаимоотношений между этими двумя городами некоторые прежние коммуникации, соединявшие Сузы с северными (Мидия) и юго-восточными (Персия) районами Селевкидского государства, приходят в упадок в результате перемещения основной торговой артерии, которая проходила теперь уже морским путем вдоль побережья Персидского залива. Позже, при парфянах, важная дорога соединит Междуречье с Экбатанами, Гекатомпиллом и последует далее на восток через Нису к Антиохии Маргианской. Сузы остаются в стороне от этого маршрута.

Как уже подчеркивалось, роль Суз во внутренней и внешней торговле Селевкидского государства не была стабильной. После Антиоха III наблюдается определенное падение значения этого города в сношениях с Селевкией на Тигре. Более заметен этот прогрессирующий упадок торговых связей при последних Селевкидах, контролировавших Юго-Западный Иран, — Деметрии I, Александре Бале, Деметрии II. В этот период торговые отношения между Селевкией на Тигре и Сузами возвращаются к уровню, который отмечался при первых Селевкидах. Это может объясняться возрастающей угрозой слабейшему Селевкидскому царству со стороны парфян, которые сначала овладевают всем Юго-Западным Ираном, а затем и Месопотамией. Парфянским царям удалось стабилизировать положение в ряде областей своего государства. При Митридате II Парфия значительно усиливается и становится мировой державой. Это послужило толчком к возобновлению торгового партнерства Селевкии на Тигре и Суз. Однако в дальнейшем такое партнерство вновь деградирует, и лишь при Артабане II можно констатировать заметное усиление этих связей.

Для начала I в. н. э. следует отметить еще одно интересное явление, связанное с денежным обращением. Это было время внутренней нестабильности и гражданских войн в Парфянском царстве, период все более возрастающей угрозы Рима. Именно тогда бронзовых монет царского чекана в Селевкии на Тигре выпускается много меньше, чем самой городской общиной. Несмотря на то что внешняя и внутренняя торговля в Парфянском государстве находилась под контролем центральной администрации, в периоды таких внутренних неразберих и частой смены правителей нити этого контроля значительно ослабевали. Поэтому для обеспечения жизненно необходимых связей с торговыми центрами инициатива переходила в руки полисного коллектива, явно озабоченного и заинтересованного в благо-

состоянии своих членов. Но в 43 г. н. э. Селевкия на Тигре лишилась своего полисного статуса, и выпуск муниципальной бронзы был полностью прекращен. С этого времени наступает прогрессирующий упадок торговли между Сузами и Селевкией, вызванный кроме всего прочего следующими причинами.

Царство Харакена, отрезавшее Сузиану от моря, находилось лишь в формальной зависимости от парфянской власти. К рубежу новой эры оно значительно укрепляет свой контроль над побережьем Персидского залива, и теперь уже его столица Спасину-Харакс выступает в качестве связующего звена транзитной торговли с Востоком. По мере ослабления роли Селевкии в торговле с Сузами харакенские купцы смело вступают в конкурентную борьбу на торговых путях и прокладывают дорогу в Месопотамию. Этим не замедлили воспользоваться и пальмирские торговцы, основавшие в Спасину-Хараксе одну из своих многочисленных торговых факторий, причем, как на это намекают некоторые источники, упомянутые выше, пальмирские купцы предпочитали дальние торговые предприятия, сулявшие им немалые выгоды. Во II—III вв. они уже доминируют на торговых путях, связывавших Восток с Западом. Поэтому роль Суз в торговле Парфянского государства резко падает. Парфяне сознательно принимали меры для того, чтобы свести к минимуму значение крупных центров транзитной торговли с греческим населением, постепенно уничтожая все их полисные привилегии. Наиболее яркий пример такой политики — уничтожение полисной организации в Селевкии на Тигре и в дальнейшем перемещение центра торговли из этого города в Вологезокерт. Нечто подобное наблюдается и в отношении Селевкии-Суз, окончательно лишившейся своей автономии к 45 г. н. э., процесс подтачивания устоев которой начался еще намного раньше.

Примечания

¹ См.: Кошеленко Г. А. Городской строй полисов Западной Парфии // ВДИ. 1960. № 4. С. 163.

² См., напр.: Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 258—260.

³ Robert L. [C. r. de:] Samothrace. Excavations Conducted by the Institute of Fine Arts/Ed. K. Lehmann. Vol. 2. P. 1. The Inscriptions on the Stone, by Fraser P. M. N. Y., 1960//Gnomon. Bd. 35. 1963. P. 71—76; Le Rider G. Suse sous les Séleucides et les Parthes. Les trouvailles monétaires et l'histoire de la ville//MMAI. T. 38. Paris, 1965. P. 263, 285.

⁴ Kern O. Die Inschriften von Magnesia am Maeander. Berlin, 1900. S. 51—53. N 6; Dittenberger W. Orientis Graecae Inscriptiones Selectae. Bd. I. Leipzig, 1903. N 233; Welles C. B. Royal Correspondence in Hellenistic Period. New Haven, 1934. N 31; Robert L. Inscriptions séleucides de Phrygie et de Lycie. Paris, 1939. P. 19.

⁵ Hauvette-Steuart J. Les inscriptions grecques séleucides // Mélanges Perrot. Recueil de mémoires concernant l'histoire de la littérature et l'histoire anciennes. Paris, 1903. P. 157.

⁶ Tarn W. The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1951. P. 27.

- Le Rider G. Suse... P. 280. Note 16.
Cumont F. Inscriptions grecques de Suse publiées d'après les notes de B. Haussolier//MMAF. T. 20. Paris. 1928. P. 78—98 (далее — Inscriptions grecques... 1928); Idem. Nouvelles inscriptions grecques de Suse//CRAI. 1930. P. 208—220 (далее — Nouvelles inscriptions... 1930); Idem. Inscriptions grecques de Suse//CRAI. 1931. P. 233—250 (далее — Inscriptions grecques... 1931); Idem. Inscriptions grecques trouvées à Suse//CRAI. 1931. P. 278—292 (далее — Inscriptions grecques... 1931); Idem. Nouvelles inscriptions grecques de Suse//CRAI. 1932. P. 271—286 (далее — Nouvelles inscriptions... 1932); Idem. Une lettre du roi Artaban III à la ville de Suse//CRAI. 1932. P. 238—260; Idem. Inscriptions grecques trouvées à Suse//CRAI. 1933. P. 264—268 (далее — Inscriptions grecques... 1933); Idem. Portrait d'une reine parthe trouvé à Suse//CRAI. 1939. P. 330—340.
Кроме двух надписей, опубликованных Ф. Кюмоном в 1939 г.
SEG. Vol. VII. 1934. N 1—32. В дальнейшем ссылки на документы даются по нумерации этого издания. 32.
Le Rider G. Suse... P. 286—288.
Cumont F. Une lettre... P. 238—260; Welles C. B. Royal Correspondence... N 75; Rostovzeff M. L'hellénisme en Mesopotamie//Scientia. Vol. LIII. 1933. P. 120 s.; Engers M. The Letter from the Parthian King Artabanus III to the Town of Susa//Mnemosyne. S. III. Vol. VII. 1938. P. 136 s.; Heuse A. Stadt und Herrscher des Hellenismus//Klio. 1937. Bd 39. S. 132—135; Holleaux M. Etudes d'épigraphie et d'histoire grecque. Vol. III. Paris, 1942; Zambelli M. La lettera di Artabanus III alla città di Susa//Rivista di filologia e di istruzione classica. Vol. 91. Fasc. 2. 1963. P. 163—167; Пигулевская Н. В. Города Ирана в раннем средневековье. М.—Л., 1956. С. 101—106; Кошеленко Г. А. Городской строй... С. 79—80; Бокшанин А. Г. Парфия и Рим. Ч. II. М., 1966. С. 141; и др.
Robert L. Etudes d'épigraphie grecque (XLIII. Sur les affranchissement de Suse)//Revue de littérature et d'histoire anciennes. Vol. X(62). 1936. P. 137—152; Idem. Inscriptions hellénistique d'Iran//Hellenica. Vol. XI—XII. P. 86; Idem. Opera minora selecta. Epigraphie et antiquités grecques. T. II. Amsterdam, 1969. P. 1228—1231.
Le Rider G. Suse... P. 286—288; Кошеленко Г. А. Греческий полис... С. 117—120.
О трактовке этого понятия см.: Кошеленко Г. А. Греческий полис... С. 3—22.
Revue des études grecques. Vol. 34. 1921. P. 64—68; Pézard M. et Pottier E. Musée du Louvre. Catalogue des antiquités de la Susiane. Paris, 1926. P. 107. N 234.
Об этом см.: Свенцицкая И. С. Святилища в социально-политической структуре эллинистического полиса//Античный полис. Л., 1979. С. 58—59.
Tarn W. Op. cit. P. 6; Le Rider G. Suse... P. 281.
Cumont F. Inscriptions grecques... 1928. P. 79—80.
См.: Максимова М. И. Античные города юго-восточного Причерноморья. М.—Л., 1956. С. 81.
Le Rider G. Suse... P. 275—276, 349.
Ibid. P. 426—429.
Augé Ch. Monnaies d'Elymaide//Augé Ch., Curiel R. et Le Rider G. Terrasses sacrées de Bard-è Néchandeh et Masjid-i Solaiman. Les trouvailles monétaires//MDAI. T. 44. Paris—Leiden, 1979. P. 157—159.
Ghirshman R. Un bas-relief d'Artaban V avec inscription en pehleviarsacide//Monuments et mémoires de la Fondation Piot. T. 44. Paris, 1950. P. 97—104.
Cumont F. Inscriptions grecques... 1931. P. 288—289.
Le Rider G. Suse... P. 274. Note 8.
Cumont F. Nouvelles inscriptions... 1932. P. 272—274.

- Ibid. P. 274. Э. Бикерман (см.: Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985. С. 34) так же, как и Ф. Кюмон, считает Тимона «начальником царского двора».
Cumont F. Inscriptions grecques... 1928. P. 80—81.
Ibidem.
Cumont F. Nouvelles inscriptions... 1932. P. 274—277.
Loftus W. K. Travels and Researches in Chaldaea and Susiana; with an Account of Excavations at Warka, the «Erech» of Nimrod, Shush, «Shushan the Palace» of Ester in 1849—1852. London, 1857. P. 403; Cumont F. Nouvelles inscriptions... 1930. P. 208—209.
Loftus W. K. Travels... P. 403; Haussolier B. Inscriptions grecques... P. 159; Cumont F. Nouvelles inscriptions... 1930. P. 209. Note 1.
Yale Classical Studies. II. 1931. P. 33, 51.
Anatolian Studies Presented to Sir W. M. Ramsay. Manchester, 1923. P. 187—193; Cumont F. Inscriptions grecques... 1928. P. 81—84.
Robert L. Opera minora... T. II. P. 1228—1231.
Cumont F. Nouvelles inscriptions... 1930. P. 211—220.
Mc Dowell R. H. Coins from Seleucia on the Tigris. Ann Arbor, 1935. P. 185; Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961. С. 218.
Cumont F. Inscriptions grecques... 1931. P. 238—250.
Cumont F. Fouilles de Doura Europos. Vol. I. Paris, 1926. P. 405; Idem. Inscriptions grecques... 1931. P. 248.
Welles C. B., Fink R. O., Gilliam J. F. The Parchments and Papyri//The Excavations at Dura Europos. Final Report V. Part I. New Haven, 1959. P. 62.
См.: Кошеленко Г. А. Городской строй... С. 73—74.
См.: Кошеленко Г. А. Греческий полис... С. 286.
Там же. С. 270.
Известна монета Тиридата с легендой ΦΙΛΟΡΩΜΑΙΟ (см.: Wroth W. Catalogue of the Coins of Parthia. London, 1903. P. 135; Debevoise N. C. Political History of Parthia. Chicago, 1938. P. 137).
См.: Кошеленко Г. А. Греческий полис... С. 279.
Там же. С. 233—234.
Cumont F. Inscriptions grecques... 1931. P. 247—248.
Le Rider G. Suse... P. 281.
Кошеленко Г. А. Греческий полис... С. 231—232.
Cumont F. Inscriptions grecques... 1933. P. 264—268. Ф. Кюмон восстанавливает это имя как Μα[χεδονο];
Haussolier B. Inscriptions grecques de Babylon//Kilo. Bd. IX. 1909. P. 353—363; Wetzell F., Schmidt E., Mallowitz A. Das Babylon der Spätzeit. Berlin, 1957. S. 73; Кошеленко Г. А. Греческий полис... С. 104—105.
Cumont F. Inscriptions grecques... 1931. P. 234—238.
Ibid. P. 237—238. Ср.: Бикерман Э. Государство Селевкидов. С. 38.
Cumont F. Portrait d'une reine... P. 340—341.
Cumont F. Inscription grecques... 1931. P. 291—292.
Cumont F. Nouvelles inscriptions... 1932. P. 286.
Le Rider G. Suse... P. 282—285.
Ibid. P. 283.
Cumont F. Inscriptions grecques... 1928. P. 97—98.
Ibid. P. 97; Le Rider G. Suse... P. 286; Кошеленко Г. А. Греческий полис... С. 118.
Le Rider G. Suse... P. 266.
См.: Кошеленко Г. А. Греческий полис... С. 17.
Cumont F. Inscriptions grecques... 1930. P. 208—209.
Le Rider G. Suse... P. 284—285.
Cumont F. Portrait d'une reine... P. 330—339.

87 См.: Бокшанян А. Г. Указ. соч. Ч. II. С. 164; Машкин Н. А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.—Л., 1949. С. 525.

88 Бокшанян А. Г. Указ. соч. Ч. II. С. 164.

89 Цит. по: Машкин Н. А. Принципат Августа. С. 525.

90 CIL. VI. 1799.

91 Schirrmann K. Grundzüge der parthischen Geschichte. Darmstadt, 1980. S. 48.

92 Debevoise N. C. Op. cit. P. 143; Дьяконов М. М. Указ. соч. С. 393. Стр. 214; Кошеленко Г. А. Культура Парфии. М., 1966. С. 208—209.

93 Simont F. Nouvelles inscriptions..., 1932. P. 278; Idem. Portrait d'une reine... P. 337.

94 См.: Кошеленко Г. А. Культура Парфии. С. 208—209.

95 Simont F. Inscriptions grecques..., 1928. P. 89—96. Подробнее см.: Новиков С. В. Гимн Аполлону из Селевкии-Суз как исторический источник//Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1986. № 6. С. 72—84.

96 См., напр.: Wenke R. J. Imperial Investments and Agricultural Developments in Parthian and Sasanian Khuzestan: 150 B. C. to 640 A. D.//Mesopotamia. Vol. X—XI. Firenze, 1975—1976. P. 107.

97 Simont F. Inscriptions grecques..., 1928. P. 79—80.

98 Welles C. B. Royal Correspondence... P. 299—300.

99 См.: Пигулевская Н. В. Указ. соч. С. 101—102; Бокшанян А. Г. Указ. соч. Ч. II. С. 141.

100 См.: Кошеленко Г. А. Городской строй... С. 79.

101 Le Rider G. Suse... P. 283. Клички рабов не учитывались.

102 Ibid. P. 414—415.

103 Ibid. P. 412—417.

104 См.: Кошеленко Г. А. Греческий полис... С. 286, 292.

105 См.: Кошеленко Г. А. Городской строй... С. 82.

106 Кошеленко Г. А. [Рец. на кн.:] Augé Ch., Curiel R. et Le Rider G. Op. cit.//ВДИ. 1984. № 1. С. 193.

107 См.: Пигулевская Н. В. Указ. соч. С. 103.

108 См.: Кошеленко Г. А. Греческий полис... С. 286.

109 См.: Шишова И. А. Дура-Европос — крепость Парфянского царства//Учен. зап. ЛГУ, 192 (1956). Сер. ист. наук, 21. С. 121.

110 Tarn W. Op. cit. P. 27.

111 Le Rider G. Suse... P. 425—426.

112 Помимо этих манумиссий можно отметить еще лишь недавно найденный документ из Гиркании об отпуске раба на свободу (см.: Robert L. Inscriptions hellénistique... P. 85—91; Welles C. B. The Discovery of Sarapis and Foundation of Alexandria//Historia. Bd. XI. Hft. 3. 1962. S. 290—293; Bömer F. Das Privateigentum eines Sklaven und seine Freilassung//Historia. Bd. XIII. Hft. 4. 1963. S. 510.

113 Simont F. Inscriptions grecques..., 1928.

114 Simont F. Inscriptions grecques..., 1932—1933.

115 SEG. Vol. VII, 1934. N 15—26, 2.

116 Robert L. Etudes... P. 148—152; Idem. Opera minora... T. II. P. 1228—1231.

117 См., напр.: Пигулевская Н. В. Указ. соч.; Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949; Дьяконов М. М. Указ. соч.; Кошеленко Г. А. Городской строй...

118 Westermann W. L. The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity. Philadelphia, 1955.

119 Rostovtzeff M. I. The Social and Economic History of Hellenistic World. Vol. I. Oxford, 1941. P. 538.

120 Kreissig H. L'esclavage dans les villes d'Orient pendant la periode hellénistique//Actes du colloque 1973 sur l'esclavage. Paris, 1976. P. 242; Idem. Wirtschaft und Gesellschaft im Seleukidenreich. Die Eigentums- und die Abhängigkeitsverhältnisse. Berlin, 1978.

121 Koschaker P. Ober einige griechische Rechtsurkunden aus östlichen Randgebieten des Hellenismus//Abhandlungen Sächsisch. Akademie der Wissenschaften, philologische-historische Klasse. 1931. Bd. XLII. S. 68—83.

122 См.: Зельин К. К., Трофимова М. К. Формы зависимости в Восточном Средиземноморье в эллинистический период. М., 1979. С. 147 сл.

123 Robert L. Etudes... P. 137—149.

124 См.: Равнович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. М.—Л., 1950. С. 160.

125 Tarn W. Op. cit. P. 68, 69.

126 Bömer F. Untersuchungen über die Religion der Sklaven in Griechenland und Rom. T. II. Die sogenannte sakrale Freilassung in Griechenland und die (δοῦλοι) ἱεροί. Wiesbaden, 1960. S. 97—101.

127 См.: Периханян А. Г. Храмовые объединения Малой Азии и Армении. М., 1959. С. 126 сл.

128 См.: Кошеленко Г. А. Внутриполитическая борьба в Парфии//ВДИ. 1963. № 3. С. 56—68.

129 Tarn W. Op. cit. P. 69.

130 Calderini A. La manomissione e la condizione dei liberti in Grecia. Milano, 1908. P. 438.

131 Ibid. P. 442; Tarn W. Op. cit. P. 69; Bömer F. Untersuchungen... T. II. S. 64.

132 Периханян А. Г. Указ. соч. С. 129.

133 Rostovtzeff M. Dura-Europos and Its Art. Oxford, 1938. P. 34 s.; Idem. ΠΡΟΓΟΝΟΙ//JHS. Vol. 55. 1935. P. 56.

134 Подробнее см.: Кошеленко Г. А. Культура Парфии. С. 152 сл.

135 См.: Маринович Л. П., Голубцова Е. С., Шифман И. Ш. Павловская А. И. Рабство в восточных провинциях Римской империи в I—III вв. М., 1977. С. 26.

136 Robert L. Inscription hellénistique... P. 85—91.

137 Simont F. Inscriptions grecques..., 1928. P. 87.

138 Bömer F. Untersuchungen... T. II. S. 98.

139 См.: Дандамаев М. А. Рабство в Вавилонии VII—IV вв. до н. э. (626—331 гг.). М., 1974. С. 255—265.

140 Там же. С. 275.

141 См.: Блаватская Т. В., Голубцова Е. С., Павловская А. И. Рабство в эллинистических государствах в III—I вв. до н. э. М., 1969. С. 137 сл.

142 Там же. С. 262 сл.; Biezińska-Malowist J. L'esclavage dans l'Égypte gréco-romaine. Warszawa, 1974. P. 114.

143 См.: Маринович Л. П., Голубцова Е. С., Шифман И. Ш., Павловская А. И. Указ. соч. С. 30.

144 Там же. С. 72.

145 Helly V. Lois sur les affranchissements dans les inscriptions thessaliennes//Phoenix. Vol. XXX. 1976. N 2. P. 143—158.

146 См.: Маринович Л. П., Голубцова Е. С., Шифман И. Ш., Павловская А. И. Указ. соч. С. 27.

147 IG. IX. 2, 1100 b.

148 Busolt C. Griechische Staatskunde. München, 1920. I. 984.

149 См.: Штаерман Е. М., Трофимова М. К. Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи. М., 1971. С. 26, 98. Это же условие отпуски раба на волю зафиксировано и в сборнике законоположений для римского Египта (см.: Маринович Л. П., Голубцова Е. С., Шифман И. Ш., Павловская А. И. Указ. соч. С. 184).

150 Таубе Г. В. Die Papyri des Ptolemäer Ägypten. Leipzig, 1955. P. 640.

151 См.: Периханян А. Г. Указ. соч. С. 128.

152 Там же. С. 117.

153 Ср., напр.: Маринович Л. П., Голубцова Е. С., Шифман И. Ш., Павловская А. И. Указ. соч. С. 40.

2015/05/30 15:34

124 Ср. фокидские манумиссии, где половина штрафа предназначается тоже храму, половина же тому, кто вступится за вольноотпущенника (см.: Маринович Л. П., Голубцова Е. С., Шифман И. Ш., Павловская А. И. Указ. соч. С. 40—42).

125 Значительные размеры штрафа мы видим и в эллинистической Македонии (см.: Блаватская Т. В., Голубцова Е. С., Павловская А. И. Указ. соч. С. 119).

126 В Птолемеевском Египте средняя стоимость раба около 120 драхм, наивысшая — 300 драхм (см.: Блаватская Т. В., Голубцова Е. С., Павловская А. И. Указ. соч. С. 303, 234). О соотношении выкупной цены раба и размеров штрафа см.: Маринович Л. П., Голубцова Е. С., Шифман И. Ш., Павловская А. И. Указ. соч. С. 40, 41.

127 Caldegerini A. Op. cit. P. 135.

128 Блаватская Т. В., Голубцова Е. С., Павловская А. И. Указ. соч. С. 119.

129 Sabanes P. Les inscriptions du théâtre du Bouthrotès//Actes du colloque 1972 sur l'esclavage. Paris, 1974. P. 197.

130 См.: Блаватская Т. В., Голубцова Е. С., Павловская А. И. Указ. соч. С. 121.

131 SGDI. II. 2071; Тагн В. Op. cit. P. 69.

132 См. Дандамаев М. А. Указ. соч. С. 265.

133 Там же. С. 262; Koschaker P. Op. cit. S. 15, 78.

134 См.: Маринович Л. П., Голубцова Е. С., Шифман И. Ш., Павловская А. И. Указ. соч. С. 56.

135 PCZ. 59003; Greek Papyri in the British Museum (Now in the British Library). Vol. VII. The Zenon Archive/Ed. by T. S. Sheat. London, 1974. N 2052; Biezińska-Malowist J. Op. cit. P. 54; Блаватская Т. В., Голубцова Е. С., Павловская А. И. Указ. соч. С. 263.

136 См.: Блаватская Т. В., Голубцова Е. С., Павловская А. И. Указ. соч. С. 39.

137 IG. IX. 1, 374.

138 IG. IX. 1, 101.

139 Sabanes P. Op. cit. P. 193.

140 См.: Блаватская Т. В., Голубцова Е. С., Павловская А. И. Указ. соч. С. 39.

141 Biezińska-Malowist J. Op. cit. P. 114.

142 McDowell R. H. Bullae Stamped with Greek Legends//Preliminary Report upon the Excavations at Tel Umar. Iraq. Ann Arbor, 1931. P. 30.

143 Newell E. T. The Coinage of the Eastern Seleucid Mints from Seleucus I to Antiochus III//American Numismatic Society. Numismatic Studies. T. I. N. Y., 1938; Idem. The Coinage of the Western Seleucid Mints from Seleucus I to Antiochus III//American Numismatic Society. Numismatic Studies. T. IV. N. Y., 1941.

144 McDowell R. H. Coins from Seleucia on the Tigris. Ann Arbor, 1935.

145 Waage D. B. Greek, Roman, Byzantine and Crusader's Coins. Princeton, 1952. (Antioch-on-the-Orontes, IV, 2).

146 Bellinger A. R. Seleucid Dura. The Evidence of the Coins//Berytus. Vol. IX. 1948—1949.

147 Newell E. T. The Coinage of the Western... P. 53—56.

148 Mørkholm O. Le monnayage de Seleucus IV à Nisibie//RN. Vol. VII. 1965. P. 44—50; Newell E. T. The Coinage of the Western... P. 63.

149 Seyrig H. Aradus sous les rois Séleucides//Syria. Vol. 28. 1951.

150 Brett A. D. The Mint of Ascalon under the Seleucides//American Numismatic Society. Museum's Notes. 1950. Vol. IV. P. 158—168.

151 Jenkins G. K. Hellenistic Coins from Nimrud//Iraq. Vol. 20. 1958.

152 Mørkholm O. Seleucid Coins from Cilicia//American Numismatic Society. Museum's Notes. 1964. Vol. IX.

153 Sellwood D. An Introduction to the Coinage of Parthia. London, 1971.

154 McDowell R. H. Coins.; Bellinger A. R. Seleucid Dura.; Bellinger A. R. Notes on Seleucid Coins//NC. Vol. XI. 1951. N XLI.

155 Morgan J. de. Manuel de numismatique orientale. T. I. Paris, 1902. P. 92—93.

156 Idem. La dynastie des Kamnaskirès//RN. Ser. IV. T. VI. 1902. P. 92—93.

157 Fuye A. de la. Monnaies de l'Elymaïde//MDP. T. VIII. Paris et Charfontaine. 1905. Idem. Les monnaies de l'Elymaïde. Modifications au classement proposé en 1905//RN. Vol. XXII. 1919. P. 45—84; Hill G. F. Catalogue of Greek Coins of Arabia, Mesopotamia and Persia. British Museum. London, 1922. P. 245—288; Варданян Р. Е. Элимаидские монеты из Хузи-стана//НАА. 1984. № 1. С. 93—100.

158 Babelon E. Sur la numismatique et la des dynastes de la Characène//Archeologie et numismatique à Athènes. Vol. I. 1848. P. 381—404; Le Rider G. Monnaies de Characène//Syria. T. 36. Fasc. 3—4. 1959. P. 229—230.

159 Fuye A. de la. Les monnaies de la Perside//Corolla Numismatica Numismatique Essays Honour of B. V. Head). Oxford, 1906. P. 63—97; Hill G. F. Op. cit. P. CLX—CLXXXI, 195—244. Tabl. XXVIII—XXXVII, 1—LIII.

160 Специально для Элимаиды см.: Варданян Р. Е. Элимаидские монеты. С. 97.

161 Le Rider G. Suse...

162 Таблица составлена по сводке Ж. Ле Ридера (см.: Le Rider G. Suse... P. 45—254).

163 Здесь и далее традиционные даты правления Селевкидских и парфяно-сасанидских царей даны по сводкам Ж. Ле Ридера (Le Rider G. Suse... P. 460—461) и К. Шиппмана (Schippman K. Op. cit. S. 124—127).

164 Thomson M., Bellinger A. R. A Hoard of Alexander Drachms//JCS. Vol. XIV. 1955. P. 3—45; Le Rider G. Suse... P. 437—438.

165 Составлена по сводке Ж. Ле Ридера (Le Rider G. Suse... P. 234—235). Бронза Элимаиды не учитывается.

166 Le Rider G. Suse... P. 16, 25—29.

167 Ibid. P. 425—426.

168 Ibid. P. 425—426. Иного мнения придерживается Р. Е. Варданян (см.: Варданян Р. Е. Элимаидские монеты: к хронологической систематизации бронзовых эмиссий II в. н. э.//ВДИ. 1986. № 1. С. 99—116). Не вдаваясь в суть полемики этого исследователя, мы считаем точку зрения Ж. Ле Ридера более аргументированной.

169 Augé Ch. Op. cit. P. 39—40.

170 Fuye A. de la. Monnaies d'Elymaïde//MDP. T. VIII. P. 167—233; Hill G. V. Op. cit. P. CLXXXII—CXCIV, 245—288. Pl. XXXVIII—XLII, 1—LIII.

171 Gobl R., Le Rider G., Miles G. C., Walker J. Numismatique Assiennese. Monnaies trouvées à Suse de 1946 à 1956//MMAL. T. 27. Paris, 1960; Le Rider G. Suse... P. 428.

172 Le Rider G. Suse... P. 428, 359. Note 1.

173 Ibid. Pl. LXXIII, 26—27, 37; LXXIV, 1, 7—9.

174 Robert L. Etudes de numismatique grecque. Paris, 1951. P. 77, N 8; Robert J. et Robert L. La Caire. T. II. Paris, 1954. P. 377—379.

175 Le Rider G. Suse... P. 234—241.

176 Подборку сведений античных авторов, посвященных этому городу, см.: Strack M. Seleucia und Ktesiphon//Der Alte Orient. Bd. 16. Hft. 3—4. 1917.

177 См.: Дьяконов М. М. Указ. соч. С. 167.

178 См.: Тагн В. Эллинистическая цивилизация. С. 277.

179 McDowell R. H. Coins... P. 77; Тагн В. Указ. соч. С. 110.

180 Le Rider G. Suse... P. 29.

181 Pirenne J. La date du «Periple de la Mer Erythraïe»//BCH. 1907. P. 441—459.

182 P. V. Agr. Periopl. mar. Eryth., 36—64.

2015/05/30 15:36

- 191 Welles C. B. *Royal Correspondence...* N 5, l. 49—51.
 192 Kern O. *Op. cit.* S. 51—53 (N 6); Welles C. B. *Royal Correspondence...* N 31; OGIS, I. 233.
 193 О походе Антиоха III на Восток см.: Will Ed. *Histoires politique du monde hellénistique (323—30 av. J.—C.)*. T. II. Nancy, 1967. P. 42—59; Mørkholm O. *Antiochus IV of Syria*. Copenhagen, 1966. P. 168—169; Le Rider G. *Suse...* P. 303—310; Дьяконов М. М. Указ. соч. С. 176—178.
 194 См.: Дьяконов М. М. Указ. соч. С. 190, 194; Фрай Р. *Наследие Ирана*. М., 1972. С. 251—252.
 195 Schirrmann K. *Op. cit.* S. 30—32.
 196 См.: Дьяконов М. М. Указ. соч. С. 222—224.
 197 Там же. С. 223; Schirrmann K. *Op. cit.* S. 50.
 198 Smith S. *Babylonian Historical Texts*. London, 1924. P. 154—156.
 199 См.: Пигулевская Н. В. Указ. соч. С. 31—32.
 200 См.: Дьяконов М. М. Указ. соч. С. 177.
 201 Ghirshman R. *Terrasses sacrées de Bard-è Néchandeh et Masjid-i Solaiman. L'Iran du Sud-Ouest du VIII-e s. av. n. ère au V-e s. de n. ère*//MDAI. T. 45. Vol. I. Texte. Paris—Leiden, 1976. P. 71—72.
 202 Le Rider G. *Suse...* P. 304, 308.
 203 *Ibid.* P. 302, 446.
 204 См. об этом: Кошеленко Г. А. *Внутриполитическая борьба в Парфии*//ВДИ. 1963. № 3. С. 57—68.
 205 Там же. С. 64; Кошеленко Г. А. *Греческий полис...* С. 286.
 206 Košelenko G. A. *La politique commerciale des Arsacides et les villes Grecques*//Studi in onore di Edoardo Volterra. Vol. I. Milano, 1971. P. 761—765.
 207 Pinches T. G. *A Babylonian Tablet Dated in the Reign of Aspisine*//*Babylonian and Oriental Record*. Vol. IV. 1889—1890; Bellinger A. R. *Hyspaesines of Charax*//YCS. Vol. VIII. 1942. P. 53—67.
 208 Le Rider G. *Suse...* P. 383; Дьяконов М. М. Указ. соч. С. 190.
 209 Widengren G. *Iranish-semitische Kulturbegegnungen in parthischer Zeit*. Köln, 1960; Newell E. *Mithridates of Parthia and Hyspaesines of Characeni*. N. Y., 1926.
 210 См.: Шифман И. Ш. *Сирийское общество эпохи принципата (I—III вв. н. э.)*. М., 1977. С. 100—105.
 211 См.: Шифман И. Ш. *Пальмирский пошлинный тариф*. М., 1980. С. 86.
 212 Rostovtzeff M. *Les inscriptions caravanières de Palmyre*//*Mélanges Gustave Glotz*. Vol. II. 1932. P. 793—811; *I dem. Une nouvelle inscription caravanière de Palmyre*//*Berytus*. Vol. II. 1935. P. 143—148; Will Ed. *Marchands et chefs des caravanes à Palmyre*//*Syria*. T. 38. 1957. P. 262—277; Шифман И. Ш. *Сирийское общество...* С. 98—109.
 213 См.: Шифман И. Ш. *Сирийское общество...* С. 99.
 214 SEG. Vol. VII. 1934. N 142; *Inventaire des Inscriptions de Palmyre*. Fasc. X. Beyrouth—Damas, 1965. N 40.
 215 См.: Шифман И. Ш. *Сирийское общество...* С. 99.
 216 См.: Кошеленко Г. А. *Культура Парфии*. С. 110—111.
 217 См.: Кошеленко Г. А. *Внутриполитическая борьба...* С. 56 сл.
 218 Cantineau J. *La Susiane dans une inscription palmyrénienne*//*Mélanges syriens offerts à monsieur René Dussaud*. T. I. Paris, 1939. P. 277—279.
 219 *Ibid.* P. 278.
 220 Henning W. B. *The Monuments and Inscriptions of Tang-i Sarvak*//*Asia Major*. N. S. Vol. II. Part 2. London, 1952. P. 169.
 221 Seyrig H. *Inscriptions grecques de l'agora de Palmyre*//*Antiquités Syriennes* III. P. 199—202. L. 8—9, 13.
 222 Le Rider G. *Suse...* P. 433.
 223 SEG. Vol. VII. 1934. N 33—34.
 224 См.: Бикерман Э. *Хронология древнего мира*. М., 1971. С. 16.

- 225 См.: Шелов Д. Б. *Керамические клейма из Танаиса III—I вв. до н. э.* М., 1975. С. 38; Бадальянц Ю. С. *Опыт хронологической классификации родосских фабрикантских клейм*//*НиЭ*. Т. XIII. М., 1980. С. 8—12; Glotz Chr. *Griechische Amphorenstempel vom Tell Halaf bei zum Persische Golf*//*Baghdader Mitteilungen*. 1974. Bd. 7. S. 31. 49.
 226 См.: Брашинский И. Б. *Ареал родосской торговли на Востоке*//*Международный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке*. Тезисы докладов. Ереван, 1980. С. 15—16.
 227 Hännestad L. *Ikaros. The Hellenistic Settlements*. Vol. 2:1. *The Hellenistic Pottery from Failaka. With a Survey of Hellenistic Pottery in the Near East*. Aarhus, 1983. P. 71—73; Le Rider G. *Suse...* P. 25, 27, 29.
 228 См.: Кошеленко Г. А. *Греческий полис...* С. 111—112.
 229 Ghirshman R. *Ile de Kharg*. Teheran, 1960.

2015/05/30 15:37

Глава III.
Аграрная периферия
Юго-Западного Ирана
в античное время

§ 1. Вводные замечания.
Методика исследования

Нет никаких сомнений в том, что изучение вопросов, связанных с хозяйственной деятельностью населения древних обществ Востока, важно и актуально. В их кругу особенно показательно рассмотрение вопросов эволюции различных типов поселений, способов ведения хозяйства, определение характера взаимоотношений жителей равнинных областей и скотоводов степной и горной зон для реконструкции ряда явлений их жизни в античное время и уточнения многих моментов социально-политической истории. Ведь именно в сельскохозяйственной округе была сконцентрирована основная часть жителей, сельское хозяйство являлось главным занятием и основой благосостояния большинства населения. Однако материалов и исследований по указанной проблематике пока опубликовано немного. До сих пор ни одно сельское поселение античного времени на территории Ирана не затронуто раскопками¹. Сельские поселения времени Селевкидов и парфян, таким образом, практически не известны². Результаты работ по исследованию эллинистических и постэллинистических слоев таких городских центров, как Селевкия на Тигре, Дура-Европос, Вавилон и Урук-Варка³, дают весьма скудный сравнительный материал. Несколько лучше других исследованы поселения рассматриваемой эпохи на месте древнего Нимруда⁴ и на острове Файлаке, представляющие собой военные поселения-катоикии⁵. Советская историческая наука располагает также весьма ограниченным кругом работ по данной тематике⁶.

В связи с недостатком археологического материала для выяснения общих закономерностей развития сельских территорий Ирана в селевкидо-парфянское время важнейшее значение имеют исследования, базирующиеся на методике сплошного археологического обследования целых регионов. Эта методика предполагает фиксацию ряда показателей для археологических объектов, в частности сельской округи, по определенным периодам. Учитываются такие параметры, как общее число поселений в ахеменидское, селевкидское, парфянское, сасанидское и арабское время, размеры освоенной территории, число поселений разных типов (тип выделяется при сопоставлении площа-

дей городищ) в каждый из указанных периодов⁷. Эти показатели находят в прямой зависимости с уровнем экономического развития региона и численностью населения. Наблюдения за изменениями данных параметров дают возможность не только проследить развитие поселений в разные исторические периоды, но и рассмотреть динамику изменения исторические периоды, определить степень кооперации городских и сельских систем, уровень вовлечения населения сельской округи в экономику и товарно-денежные отношения региона, попытаться, наконец, оценить характер взаимоотношений жителей равнины, основным занятием которых было земледелие, и обитателей горных районов страны, преимущественно скотоводов.

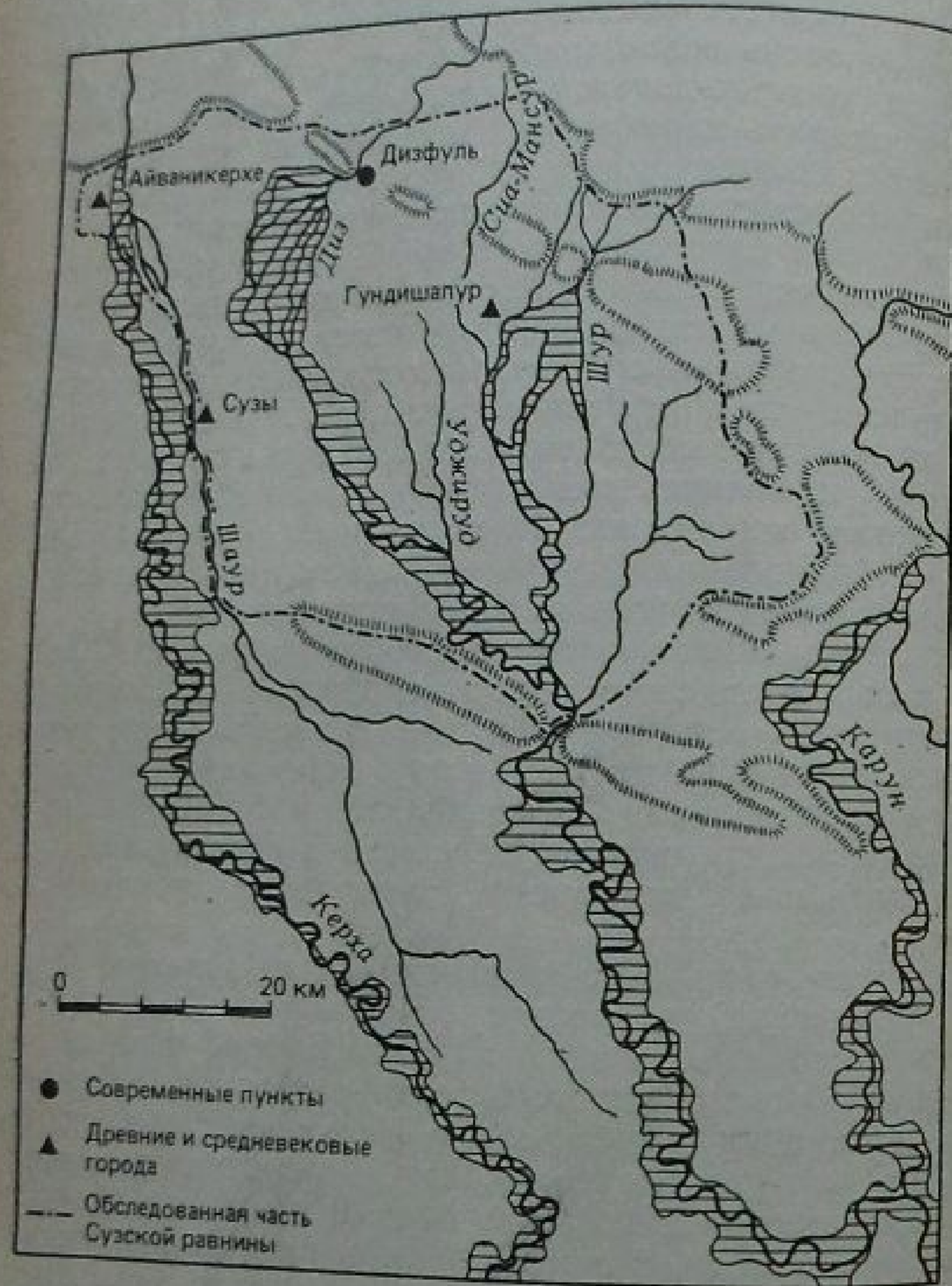
Важно еще одно обстоятельство. В литературе уже отмечалось, что изучение поселений сельской округи позволяет подойти к решению многих сложных вопросов, не только экономики, аграрной истории и социальных отношений⁸, но и культуры. Дело в том, что обитатели сельских, глубинных районов страны были менее всего подвержены влиянию многочисленных завоевателей и, являясь носителями традиционной культуры своего общества, сохраняли в более или менее «чистом» виде некоторые ее проявления, утраченные городскими жителями, более восприимчивыми ко всякого рода нововведениям⁹.

Количественный и качественный анализ поселений как сельского, так и городского типа в комплексе с данными развития ирригационной сети может помочь наметить общие тенденции формирования обществ Востока рубежа новой эры. Это в свою очередь дает возможность скорректировать мнения по вопросам эволюции древних государственных образований, критически оценить модернизаторские концепции их исторического развития.

Большую часть Юго-Западного Ирана занимает Хузистанская (Эламская) низменность, являющаяся самой обширной равниной страны. Ее площадь составляет 42 тыс. км², что по величине соответствует территории современной Дании¹⁰. Являясь восточным продолжением Месопотамской аллювиальной равнины, она расположена к югу от современного города Дизфуля. Ее плоская и довольно однообразная поверхность лежит ниже уровня моря, и лишь в зоне, прилегающей к отрогам Загроса, появляются небольшие возвышенности, переходящие в горные массивы. В южной части, примыкающей к Персидскому заливу, равнина сильно заболочена. С севера на восток ее окружают горные системы Загроса и Мекрана, состоящие из ряда параллельных хребтов, спускающихся к низменности ступенями. Среди этих хребтов и горных массивов находятся межгорные котловины, широкие долины и оазисы, обеспечиваемые подземными водными источниками¹¹. Эти горные области принадлежали Элимаидского царства, которое не только географически, но и политически отделило парфянскую Сузиану от более восточных районов Ирана, в частности от Персиды.

2015/05/30 15:37

Климат Юго-Западного Ирана в древности, вероятно, существенно отличался от нынешнего¹². В равнинной части области зима довольно мягкая, влажная; средняя температура января — плюс 14°, хотя нередко она падает и до нуля градусов. Лето жаркое: максимальные температуры июля, зафиксированные в Шуше (древние Сузы), лежат в пределах от 72° на солнце и 50° в тени¹³. Южнее, на побережье Персидского залива при высокой влажности ощущается сильная жара и духота. Зимой здесь идут частые теплые дожди, температура воз-

Реки Сузской равнины
Карта составлена по: Wenke R. J. *Imperial Investments and Agricultural Developments in Parthian and Sasanian Khuzestan. 150 B. C. to A. D. 640/Mesopotamia. Vol. X—XI. Firenze, 1975—1976. Map 10.*

рованные в Шуше (древние Сузы), лежат в пределах от 72° на солнце и 50° в тени¹³. Южнее, на побережье Персидского залива при высокой влажности ощущается сильная жара и духота. Зимой здесь идут частые теплые дожди, температура воз-

духи в это время не опускается ниже плюс 10°. В центральной части низменности, в районе Ахваза, выпадает в среднем 200—300 мм осадков в год, севернее, ближе к горам, в районе современных городов Шуштер и Дизфуль — до 400 мм¹⁴.

Охарактеризуем водные ресурсы Хузистанской низменности. Ныне здесь несут свои воды четыре реки — Керха, Шаур, Диз и Карун. Керха, берущая свое начало в горах Мидии, пересекает равнину с севера на юго-восток, оставляя развалины старого городища в двух километрах к востоку от своего русла. Ассирийцы называли ее Укну, греки — Хоаспом. Восточнее Керхи протекает маловодный Шаур, огибающий с запада сузский акрополь. Истоки Шаура питаются водами Керхи и расположены в пяти километрах к северу от Шуша. Шаур раньше впадал в Диз, третью реку Юго-Западного Ирана. Эламцы и ассирийцы именовали Диз как Идиде, греки называли его Копратом. Диз, имея истоки в Бахтиарских горах, протекает через современный Дизфуль, затем, ниже Чога-Замбия, резко поворачивает на восток и впадает в Карун (Паситигр античных авторов), ныне единственную судоходную реку Ирана. Южнее города Шуштера, расположенного на восточном берегу Каруна, река делится на два рукава. Наиболее полноводный из них — западный, в который близ Бенде-Кира впадает Диз. Карун принимает и воды Джеррахи (Гедифонта античных авторов) и далее через Шатт-эль-Араб впадает в Персидский залив¹⁵.

Среди мелких водных протоков региона следует выделить Уджируд, Шур и Sia-Мансур, являющиеся притоками Диза. Однако они менее значительны и с наступлением летней жары совсем или частично пересыхают. Там, где мало поверхностных источников воды, преимущественно в предгорьях, население издавна использует в хозяйственной деятельности грунтовые воды, добываемые с помощью подземных каналов (кяризов, или канатов) и колодцев.

Есть мнение, согласно которому гидрологические режимы рек Юго-Западного Ирана в древности и сейчас были весьма схожими¹⁶. Однако нельзя исключать и некоторые изменения в уровне вод и расположении русел этих рек на протяжении почти двух тысяч лет — с рубежа новой эры. Это может быть связано, в частности, с функционированием в определенные периоды истории равнины обширной сети ирригационных каналов, забиравших воды из рек, что, естественно, в значительной мере влияло на их уровень. Для успешного ведения сельскохозяйственных работ ирригационные сооружения — многочисленные плотины, запруды, каналы, дамбы — здесь были жизненно необходимы. Следует учитывать и то обстоятельство, что из-за несовершенства конструкции этих систем, значительного испарения воды и т. п., до сих пор не достигнут первоначального объема отведенного из рек, до сих пор не достигнут первоначального объема.

Если с отождествлением современных Керхи, Диза, Джеррахи с реками Хоаспом, Копратом, Паситигром и

2015/05/30 15:37

фонтом античных авторов все как будто бы ясно, то при идентификации Эвлей, который упомянут многими из них и который дал свое имя переименованным при Селевкидах Сузам, встает ряд проблем. Выше уже отмечалось, что сведения о реках Юго-Западного Ирана и, в частности, об Эвлее у античных авторов запутаны и противоречивы. Этот вопрос специально рассмотрел Ж. Ле Ридер, который считает, что Эвлей в античное время являлся искусственно созданным водным протоком, давшим свое название и нижнему течению Каруна-Паситигра¹⁷. Соглашаясь в целом с этим предположением, отметим, что античные авторы считали Эвлей судоходным на всем его протяжении и впадающим в Персидский залив, а Сузы помещали на его берегу. Водный проток под названием Улай был известен, в частности, еще авторам Ветхого завета¹⁸, которые располагали Сузы между двумя его притоками. Македонцы, пришедшие в Сузиану вместе с Александром и основавшие в Сузах полис, переделали на свой манер его название, которое трансформировалось в Эвлей¹⁹ и уже в этой форме встречается у античных авторов. Улай-Эвлей не может быть отождествлен с Укну-Хоаспом-Керхой, так как русло последнего находится вдалеке от сузского городища. Лишь Шаур огибают ныне акрополь бывшей столицы Ахеменидов.

Весьма соблазнительно предположить, что именно Шаур — часть Эвлей-Улая, тем более что в древности он был притоком Керхи и впадал в Диз, который в свою очередь соединялся с Каруном и через него — с Персидским заливом. Помещая Сузы на Хоаспе-Керхе, Геродот, Страбон и Павсаний не ошибались. Они лишь прилагали название крупной реки к ее притоку. Показательно в связи с этим, что высокие оценки качества воды, о которых известно из произведений античных авторов, относятся и к Хоаспу (Геродот, Квинт Курций Руф) и к Эвлею (Страбон). Таким образом, наша реконструкция такова: Эвлей есть собирательное название водного протока, пересекавшего в древности равнину, который включал в себя приток Хоаспа-Керхи, Шаур, часть русла Копрата-Диза и низовья Паситигра-Каруна. Именно таким он известен в ахеменидское время, однако тогда он был судоходен только в низовьях. Греки и македонцы, пришедшие в регион, сумели расчистить русло Шаура-Улая, благодаря чему можно было беспрепятственно спускаться из Селевкии на Эвлее в Персидский залив, используя частично русла Копрата и Паситигра.

Понтонный мост (ἡ σελεία), упоминаемый Аррианом, который находился на Паситигре близ современного Ахваза (Att. Ind., 42, 7), являясь сооружением не стационарным, не мог стать преградой для речных и морских кораблей. Что же касается малой глубины нынешнего Шаура, то, очевидно, уровень воды в нем в селевкидо-парфянское время был намного выше. Об этом могут, в частности, свидетельствовать монументальные остатки мостов на других реках Сузианы — Дизе (У

Дизфуля) и Каруне (у Шуштера), построенные в раннесасанидское время и описанные арабскими авторами²⁰. Современное размещение этих остатков на реках показывает, что в древности и Диз и Карун были намного полноводнее, нежели сейчас, в частности, из-за большого числа хорошо устроенных и поддерживавшихся в порядке плотин и дамб в их верховьях²¹. То же самое могло быть и на Шауре.

Отметим, наконец, что Ж. Ле Ридер, не считая возможным идентифицировать Шаур как часть Эвлей, полагает, что Керха и Карун в древности соединялись специально прорытым каналом, пропускавшим через себя не только речные, но и морские суда и соединявшим Сузы с Персидским заливом²². Однако остатки такого мощного транспортного сооружения должны были бы сохраниться до наших дней. Тем не менее аэрофотосъемка этого района не выявляет никаких следов подобного канала, несмотря на то что намного более мелкие древние оросительные сооружения и современные арыки просматриваются отчетливо²³. Таким образом, изложенная выше гипотеза об идентификации Эвлей с частями русел Керхи, Шаура, Диза и Каруна, получает дополнительные аргументы.

Земледельцы Юго-Западного Ирана в современных условиях выращивают на равнине различные зерновые культуры, рис, сахарный тростник, фрукты, т. е. в большинстве своем те сельскохозяйственные культуры, которые требуют интенсивного орошения и продолжительного периода солнечной вегетации. В древности, очевидно, ассортимент земледельческих культур был несколько иным, тем не менее Диодор сообщал, что рис здесь выращивался уже в IV в. до н. э. Средневековые арабские авторы называют не только рис, но и сахарный тростник²⁴. По мнению Страбона, урожай зерновых, в частности ячменя и пшеницы, получаемые в Сузиане, чрезвычайно высокие. С приходом в этот район македонцев либо начинается, либо значительно совершенствуется техника культивирования винограда. Росла в Сузиане и финиковая пальма, были известны посадки сезама-кунжута.

Античные авторы и арабские географы не донесли до нас сведений о том, как осуществлялась здесь сельскохозяйственная стратегия. Однако есть все основания считать, что из-за стойкости традиций ведения земледельческих работ на равнине, их последовательность и формы обработки земли не могли кардинально измениться по сравнению с современной ситуацией. Например, ныне в Хузистане на орошаемых землях близ города Дизфуля применяется тройной севооборот, выращиваются рис, пшеница, ячмень, бобы, горох и т. д. Здесь осуществляют посадки цитрусовых, а также фруктовых деревьев и виноградников, овощей, овощных культур²⁵.

Вообще хозяйственная деятельность населения Юго-Западного Ирана как в древности, так и сейчас чрезвычайно разнообразна и во многом определена природными и климатическими

особенностями, а также ландшафтом региона. Нет никаких сомнений в том, что еще в древности ирригационное земледелие, базирующееся на искусственном орошении, могло обеспечить значительный рост прибавочного продукта в сельском хозяйстве и определять прогресс общества. Для увлажнения почвы необходимо было искусно управлять имеющимися ресурсами воды, причем для успешного орошения основным условием являлось то, чтобы уровень воды в каналах был выше уровня орошаемых полей. Каналы быстро заиливались, приходилось систематически проводить работы по их углублению. К тому же весенний разлив рек происходил слишком поздно с точки зрения нужд сельского хозяйства — в период с апреля по июнь, и он не мог уже быть использован для орошения основного посева зерновых, урожай которых снимался обычно в апреле²⁶. Поэтому необходимо было отводить излишки паводковых вод.

Однако недостаток воды имел и свою негативную сторону для земледельческих работ. Повышенное содержание в ней соли, которая при активном испарении в условиях жаркого климата Ирана оставалась на поверхности земли, ухудшало плодородие почв. Еще одним фактором, способствовавшим засолению, был неизбежный при длительном орошении подъем подпочвенных вод, также выносящих на поверхность соль. С засолением, как известно, можно бороться с помощью усиленного дренажа или благодаря продуманной системе парования почв²⁷, однако в условиях экстенсивного земледелия насущной необходимости в этом не было. Земледельцы просто переходили на другие участки, заново налаживая здесь систему орошения. Все это требовало от них много усилий и труда не только для сооружения оросительных систем, каналов, дамб, водохранилищ и регулировочных устройств, но и для поддержания их в постоянном порядке. От центральной же власти нужно было содействие по объединению коллективов земледельцев в целях обеспечения строительства и ремонта этих ирригационных систем, а также осуществления постоянного контроля за их функционированием.

Жители предгорных районов и плоскогорий Юго-Западного Ирана для ведения своего хозяйства могли обходиться и без искусственного орошения, засевая свои поля под дождь. Это так называемое богарное земледелие по сравнению с орошаемым имело существенное преимущество — не нужно было затрачивать усилия масс людей на сооружение и ремонт оросительных систем, которые в мирное время приходили в негодность в результате их многолетней эксплуатации, в периоды же военных столкновений и завоеваний ирригационные сооружения, как правило, полностью разрушались. Однако богарные посевы могут культивироваться лишь там, где в течение года выпадает достаточное для роста зерновых количество влаги (не меньше 200 мм осадков в год). К тому же ассортимент зерновых культур, высеваемых на богаре, очень ограничен — преимущественно это яровая пшеница²⁸. Полная зависимость уро-

жая земледельца от погодных условий заставляла его сочетать богарное земледелие со скотоводством различных типов, которое в районах с преобладанием богары занимало видное, а иногда и ведущее место²⁹.

Так же как и в древности, скотоводство в Иране, и в частности в Хузистане, отличается крайней экстенсивностью. Скот почти всюду в течение года содержится на подножном корму. Зимой он находится в горных долинах, защищенных от ветра, или на равнинных участках. С наступлением весны его выгоняют на пастбища — южные склоны гор, где снег тает быстрее и появляется молодая трава. Так, постепенно с наступлением тепла горцы-скотоводы поднимались вверх, в горы. Лето они проводили на альпийских лугах. С приближением осени скот падали с весенними и на которых за летнее время восстанавливался травяной покров. К зиме стада возвращались на зимовья.

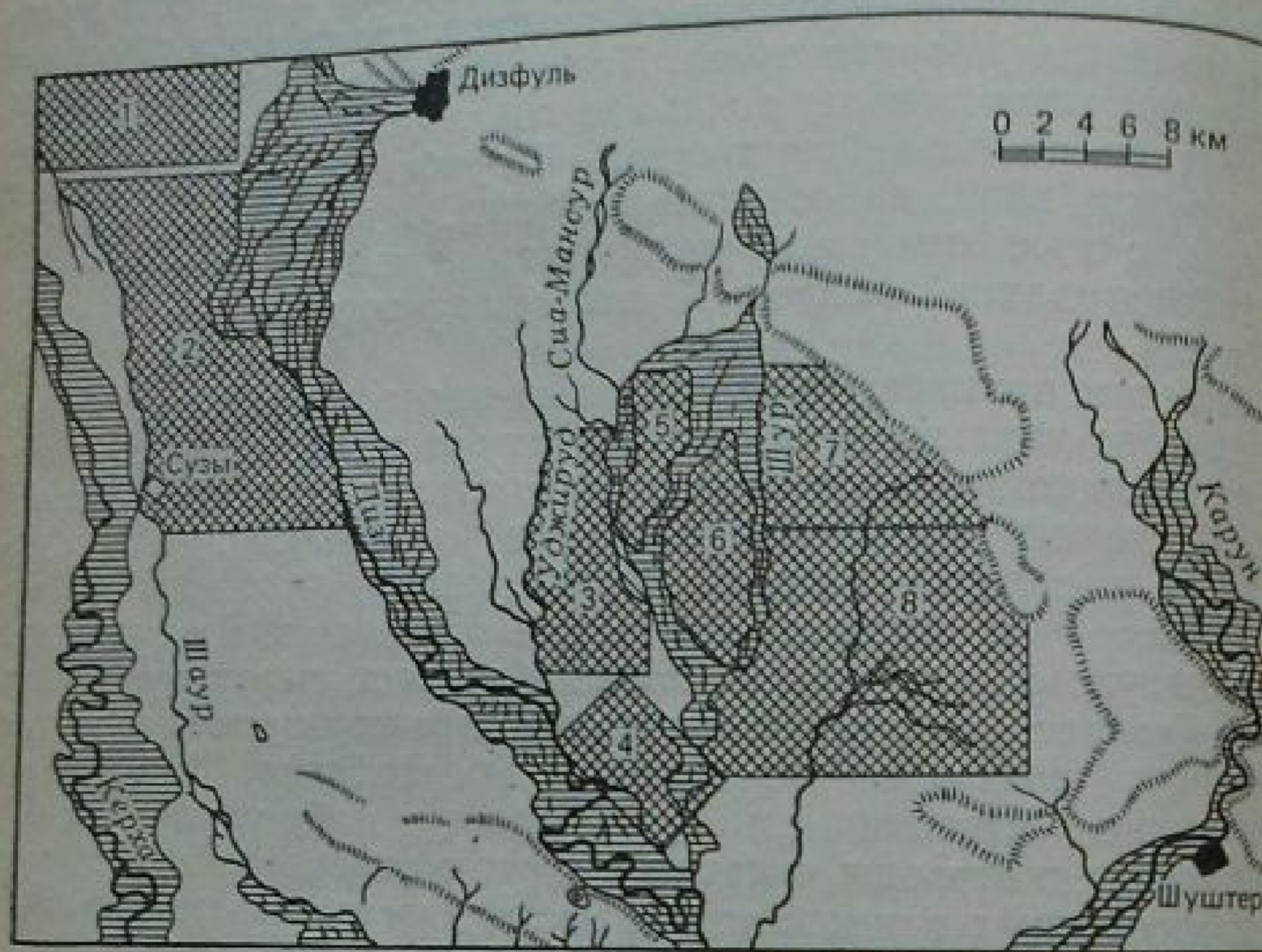
Это так называемое «вертикальное кочеванье»³⁰ отличалось от другого типа ведения скотоводческого хозяйства — отгонного скотоводства, которое всегда сочеталось с земледелием³¹. К сожалению, наши источники скупо описывают этот вид хозяйства населения древнего Ирана, однако некоторая информация все-таки имеется. Выше уже отмечалось, что античные авторы упоминают горные племена коссеев, паретакенов, элимеев, уксиев, которые единодушно характеризуются как разбойники, постоянно промышлявшие грабежом, прекрасные наездники, стрелки из лука, хорошо обученные воины. Эти горцы-скотоводы, жившие в хорошо укрепленных поселках, расположенных в недоступных местах, иногда занимались земледелием, например «равнинные» укси, которые обитали в плодородных межгорных котловинах, орошаемых горными реками.

Таким образом, скотоводство наряду с земледелием было одной из основных отраслей хозяйства населения Юго-Западного Ирана в древности. Его значение можно подтвердить тем, что на долю экстенсивного скотоводства даже в современном Иране приходится почти треть национального дохода, создаваемого в сельскохозяйственном производстве³². Несомненно, что жители равнинных и горных районов страны были экономически связаны между собой: имел место регулярный обмен продуктами животноводства со стороны кочевников и продуктами сельского хозяйства и ремесла со стороны обитателей равнин. Безусловно, эти взаимоотношения сводились не только к обмену. В дальнейшем мы еще вернемся к этому вопросу, сейчас же обратимся к изучению карты Сузианы для уточнения ряда вопросов, связанных с хозяйством населения Юго-Западного Ирана в период с конца IV в. н. э. до начала III в. н. э.

Методику сплошного археологического обследования невозможно было применить для всей территории Хузистанской низ-

2015/05/30 15:38

менности по ряду причин, главная из которых заключается в трудности учета материала со всех без исключения площадей, в частности, из-за труднодоступности некоторых территорий для маршрутных групп, уничтожения в результате деятельности человека ряда археологических памятников. Поэтому для подтверждения и дополнения общих выводов, сделанных на основе изучения аэрофотоснимков, был осуществлен учет археологического материала лишь ряда избранных для полевого

Местоположение восьми избранных районов Сузской равнины
Карта составлена по: Wenke R. J. Imperial Investments... Map 23.

стационарного исследования районов Сузской равнины, которую именуют еще Карунской. Она является составной частью Хузистанской низменности и расположена в северной ее части, в междуречье Керхи и Каруна, занимая общую площадь 2300 км²³³. При этом, как уже отмечалось, главное внимание уделялось восьми избранным районам Сузской равнины, обработка материалов которых позволила бы выполнить корректный статистический анализ. Обращение к подобному выборочному методу, часто практикуемому при сплошном археологическом обследовании древних памятников, кроме причин, указанных выше, было обусловлено еще и ограниченными сроками полевого сезона 1973 г., когда здесь работали американские археологи под руководством Р. Дж. Уэнка.

Значительное число поселений постэламского, античного времени, их большая «плотность» размещения на территории

равнины, и, естественно, невозможность полного учета материалов со всех без исключения поселений и площадей равнины стали, таким образом, причиной того, что был применен метод выборочного анализа памятников. Тем не менее Р. Дж. Уэнк отмечает: несмотря на то что только около 80% площади Сузской равнины было охвачено обследованием, выборками археологического материала были представлены 95% памятников, расположенных на территории всех восьми избранных районов равнины. Столь значительный процент охвата изучаемых объектов и, таким образом, высокая представительность материала с этих памятников практически исключают возможность крупных ошибок при статистическом анализе групп керамики и других групп источникового материала³⁴.

Отметим и следующие обстоятельства. Предлагаемая ниже периодизация для обозначения времени обживания тех или иных поселений, равно как и названия самих периодов, носит в значительной мере условный характер, поскольку не всегда точно отражает политические изменения в стране. Так называемый «ахеменидский» период обнимает время с 521 по 325 г. до н. э., т. е. начинается со времени превращения Дарием I Суз в одну из столиц его государства. Завершается период временем окончания восточных походов Александра Македонского и возвращения его армии в Сузы. «Селевкидо-парфянский» период (325—25 г. до н. э.) — это время вхождения Сузианы в состав государства Селевкидов и начальный этап существования этой области в границах Парфянского царства со 140/139 г. до н. э., когда Аршакид Митридат I отвоевывает область у элимеев, отторгнувших ее у Селевкидов десятилетием раньше. Собственно парфянский период условно подразделяется на «среднепарфянский» (25 г. до н. э. — 125 г. н. э.) и «позднепарфянский» (125—250 гг.). «Среднепарфянский» период было бы правильнее называть «элимаидским» (что и делает Р. Дж. Уэнк в своей более поздней работе)³⁵, поскольку почти все это время Сузиана контролируется царьками Элимаиды, которые, являясь представителями боковой ветви Аршакидов³⁶, управляли своим полуавтономным государственным образованием, зависимым от центральной парфянской администрации. Примерно к 215 г. парфяне возвращают под свой контроль Сузиану³⁷ и владеют ею вплоть до 224 г., когда Сасанид Ардашир I вытесняет парфян из этой области. Время господства Сасанидов в предлагаемой периодизации отражено «раннесасанидским» (250—400 гг.) и «позднесасанидским» (400—640 гг.) периодами (далее условные названия периодов будут даваться без кавычек).

В силу специфики серийности различных категорий археологических памятников, полученного в результате обследования равнины, с предельной точностью соотносить даты времени поселения с предельной точностью соотносить даты времени политического суверенитета над этой областью. Однако для наше-

2015/05/30 15:38

го анализа предлагаемая периодизация, отражающая в целом основные этапы социально-политических изменений в стране, является вполне корректной и применимой для разработки. Для более надежного сравнительного анализа учитываются данные, относящиеся не только к селевкидо-парфянскому времени, но и ко времени Ахеменидской и Сасанидской династий, поскольку, как представляется, для наглядного построения основной линии развития любого общества в конкретный исторический период необходимо по возможности анализировать и данные, выходящие за его предельные хронологические рамки.

Остановимся на вопросах, относящихся к типологии памятников Сузской равнины. В ряде исследований, в которых рассматриваются проблемы, связанные с типологией и классификацией поселений, существовавших в разные исторические периоды, подчеркивается тот факт, что значительные их размеры уже сами по себе могут отражать сложную структуру выполнявшихся ими функций. Поэтому основой для подобных классификаций стали показатели площадей поселений, связанные с появлением специализированных экономических, религиозных, военных и административных функций³⁸. Последние нашли свое отражение и во внутренней структуре исследуемых объектов, и в составе находок³⁹. Однако при использовании данных сплошного обследования памятников, полученных без стационарных раскопочных работ на каждом конкретном городище, не всегда удается твердо определить их назначение и тип. В связи с этим отправным элементом для классификации и типологии древних памятников, не затронутых лопатой археолога, становится площадь его городища (размеры собственно нуклеарной части археологического объекта или его так называемая «селитебная» площадь). Мы сознаем, что сам по себе критерий величины требует дополнительных определений и может работать лишь в том случае, когда достаточно хорошо известна внутренняя структура поселений различных типов. Но все же представляется возможным наметить определенный числовой рубеж, позволяющий на основе сравнения разницы площадей занимаемых поселениями различных периодов, отнести одну их группу к поселениям сельского типа, другую — к поселениям городским. Естественно, более надежно указанная разница площадей будет работать для однослойных памятников, а в сельской округе таковых большинство.

Р. Мак Адаме в одной из своих работ, посвященных сплошному обследованию археологических объектов в округе города Урука-Варки, считает, что грань между площадями поселений сельского и городского типов лежит в пределах 6 га⁴⁰. Аналогичные работы в долине реки Диалы (приток Тигра) позволили этому исследователю уточнить данный числовой рубеж, который, по его мнению, составляет, в отличие от предыдущего, уже 4 га⁴¹. Г. Джонсон, анализируя информацию о размерах и местоположении поселений более ранних периодов в долине

Диалы, дает для интересующего нас показателя значение от 5 до 6 га⁴².

Для памятников Северной Парфии рубежа новой эры, подпадающих типологической классификации, к поселениям городского типа обычно относят укрепленные городища с нуклеарной площадью свыше 4 га, с плотной застройкой внутри стен и следами ремесленных производств. Сельскими же поселениями (кроме особого типа «рассредоточенных») считаются те, которые не превышают по своей площади 4 га⁴³.

Данные обследования северобактрийских памятников кушанского времени показывают, что значимая грань при их делении по величине лежит в пределах от 4 до 5 га. Исходя из этого, памятники площадью 4 га относятся исследователями к типу сельских поселений, а более 5 га — к числу городов⁴⁴.

Анализ памятников Сузской равнины, осуществленный на основе учета и группировки площадей поселений, также выявляет их деление на две большие группы, причем рубеж между ними опять-таки лежит в пределах значения 4—5 га. Поэтому есть основания условно считать поселения площадью до 4 га — сельскими, более 4 га — отнести к типу городских. Что же касается группы сельских поселений, то ее в свою очередь, для удобства работы с числовым материалом, следует подразделить на три типовых варианта. В первое подразделение выделяются «мелкие» сельские поселения (от 0,24 до 0,6 га), во второе — сельские поселения «среднего» размера (от 0,64 до 1,12 га), в третье — «крупные» (1,18—3,92 га)⁴⁵.

Окончательная типологическая классификация с учетом усредненных площадей памятников выглядит следующим образом⁴⁶: поселения площадью до 0,6; 0,6—1,8; 1,8—4 га — сельские, 4,8—8,0; 8,0 га и более — городские поселения.

Материалы различных исследований древних поселений показывают, что вопрос установления их единой типологии еще окончательно не решен. Большинство типологий в значительной мере условны. Малая степень археологической изученности древних памятников не позволяет пока выработать также и оптимальные типологические формулировки, которые смогли бы отразить назначение, внутреннюю структуру, функциональные особенности разных типов поселений. Определения некоторых исследователей подчас грешат чисто умозрительными заключениями, отсутствуют единые критерии классификации⁴⁷, что нередко ведет к аморфным, нечетким выводам и построениям. Тем не менее первые шаги к подобным разработкам, как мы видим, уже сделаны. В некоторых типологических классификациях уже включается ряд признаков, характерных и для поселений сельского типа. Представление факта, что в той или иной мере обращавшиеся к данной проблеме исследователи в единой мере обращавшиеся к данной проблеме в типологическом разном: наиболее показательный рубеж в типологическом разли-

чии сельских и городских поселений заключается в разнице их размеров и, следовательно, площадей, которые они занимают, — различие, рубеж которого лежит в пределах от 4 до 6 га. Поэтому есть основания считать, что предлагаемая типология древних поселений Сузианы не противоречит аналогичным разработкам, основанным чаще всего на сравнительном анализе размеров и площадей древних памятников ирано-среднеазиатского региона, и может быть использована для рассмотрения сельских поселений и урбанизационных процессов.

Отметим, что типология поселений Сузской равнины, в основе которой лежит признак дифференциации их площадей, не единственная. Если иметь в виду такие признаки поселения, как наличие и характер оборонительных сооружений, их форму и внутреннюю планировку, то в этом случае археологические памятники Сузианы делятся на три категории:

- 1) укрепленные подпрямоугольные в плане поселения с четко прослеживаемыми следами оборонительных стен;
- 2) так называемые «рассредоточенные» поселения, представляющие собой группы небольших всхолмлений с неясными границами между ними;
- 3) все остальные поселения, большинство которых представляет собой круглые или овальные холмы, лишенные признаков, характерных для двух первых групп⁴⁸.

На основе этой классификации, полученной в основном в результате визуальных осмотров поселений на месте и изучения аэрофотоснимков, трудно установить, к какому типу поселения (городское или сельское) принадлежат указанные категории памятников. Определенным исключением являются «рассредоточенные» поселения, единодушно относимые исследователями к разряду сельских⁴⁹. Поэтому в основу настоящего анализа развития поселений Сузианы и положена классификация памятников, основанная на разнице их площадей, которая позволяет сравнительно подробно проследить их эволюцию. Вторая же указанная типология, обладает в нашем случае ограниченным информационным спектром, поскольку в используемых публикациях памятники скомпонованы крупными блоками без указания конкретных признаков величины, характерных для каждого поселения. Поэтому она будет носить в большей степени служебный характер.

§ 2. Динамика сельской округи Сузской равнины

Для удобства дальнейшей разработки сведем известный нам конкретный материал по памятникам Сузской равнины в следующие таблицы. Табл. 3⁵⁰ показывает число сгруппированных по площадям поселений разных типов, которые были обжиты в рассматриваемые исторические периоды.

В табл. 4⁵¹ входят данные по совокупным площадям, занятым поселениями в каждом из избранных районов Сузской равнины (в га).

Цифровой материал, иллюстрирующий предположительную плотность населения в сельскохозяйственной округе Суз в из-

Таблица 3.

Период	Площадь поселений в га					Сумма
	0—0,6	0,6—1,8	1,8—4,0	4,0—8,0	8,0 и более	
Ахеменидский	81	36	13	3	3	136
Селевкидо-парфянский	88	42	12	0	1	143
Среднепарфянский	139	101	41	11	3	295
Позднепарфянский	147	80	41	7	11	286
Раннесасанидский	86	49	13	7	4	159
Позднесасанидский	55	26	7	1	5	94

бранных районах в различные исторические периоды, приводятся в табл. 5⁵². Подобный подсчет осуществлен Р. Дж. Уэнком, который допускает, что модуль плотности населения в границах обжитой площади поселения составляет 178 человек на 1 га. Эта величина была получена при подсчете показателя плотности населения по группе современных сельских посе-

Таблица 4

Период	Районы								Сумма
	1	2*	3	4	5	6	7	8	
Ахеменидский	1,5	1,4	12,6	13,7	15,8	13,2	19,9	30,1	108,2
Селевкидо-парфянский	4,8	13,4	10,3	15,0	1,3	10,1	5,7	20,5	81,1
Среднепарфянский	20,6	44,8	22,6	42,3	21,7	20,8	29,0	87,3	289,1
Позднепарфянский	33,2	35,4	12,4	34,5	15,2	21,8	53,3	105,4	311,2
Раннесасанидский	23,0	15,8	10,9	17,5	10,0	3,0	5,4	40,7	126,3
Позднесасанидский	43,1	9,6	7,7	8,5	10,2	4,2	3,2	9,8	96,3

* За исключением площади городища Суз.

ний округи города Дизфуля в Хузистане⁵³. Само значение модуля плотности обживания древних поселений Сузской равнины (178 человек на 1 га) — это не более, чем грубое приближение, поскольку не известны ни относительная плотность, ни структура их застройки. Однако аналогичные изыскания, осуществленные для некоторых регионов, обжитых в различные исторические периоды, дают усредненное значение плотности населения внутри границ поселений, которое составляет 150—200 человек на 1 га⁵⁴, что близко к цифре, предложенной Р. Дж. Уэнком. При всей условности поданных данных, которые не всегда могут отражать действительные

метим тем не менее, что даже при заложенной в них вероятной ошибке результаты будут вполне сравнимы и показательны для проводимого анализа эволюции сельской округи Сузаны. Важно тем не менее подчеркнуть, что приводимые цифры плотности населения не могут стать отправными для каких-либо далеко идущих палеодемографических реконструкций, так как вероятность ошибки при их использовании может быть весьма значительной. Указанные данные используются только для иллюстрации и сравнения процессов эволюции сельской округи Сузаны.

Таблица 5

Период	Районы								Средняя по периоду
	1	2	3	4	5	6	7	8	
Ахеменидский	1,7	5,2	14,1	32,4	51,5	19,6	18,9	16,8	20,0
Селевкидо-парфянский	5,5	5,3	11,6	35,5	4,2	15,0	5,4	11,5	11,8
Среднепарфянский	23,6	17,6	25,4	100	70,6	30,8	27,5	48,8	43,0
Позднепарфянский	38,1	13,9	13,9	83,1	44,6	32,3	50,7	58,9	41,9
Раннесасанидский	26,4	6,2	12,3	41,1	32,7	4,5	5,2	22,8	18,9
Позднесасанидский	49,5	3,8	8,7	20,2	33,2	6,2	3,0	5,5	16,3
Современный (1968 г.)	8,4	59,2	17,0	26,5	11,6	9,4	34,4	13,5	20,6

В отличие от сводки Р. Дж. Уэнка мы считаем возможным не приводить значения цифр плотности населения, а скоррелировать их для наглядности сравнения в перечень относительных индексов. Мы принимаем за 100 выражение абсолютного максимума плотности населения, составляющего 2,872 человека на 1 га (для района 4 в среднепарфянский период по сводке

Таблица 6

Период	Районы								Средняя по периоду
	1	2*	3	4	5	6	7	8	
Ахеменидский	0,8	0,7	0,6	0,4	4,0	1,0	1,7	2,0	1,4
Селевкидо-парфянский	0,5	0,9	0,7	0,6	0,4	0,7	0,7	0,9	0,7
Среднепарфянский	0,9	1,1	1,1	0,8	1,4	0,7	1,7	3,5	1,4
Позднепарфянский	1,1	0,9	0,7	0,5	1,4	0,8	3,1	4,2	1,6
Раннесасанидский	1,4	1,3	0,6	0,4	2,1	0,8	0,9	2,7	1,3
Позднесасанидский	5,4	0,9	0,5	0,5	2,6	2,1	0,8	3,3	2,0

* За исключением площади городища Суз.

Р. Дж. Уэнка). В этом случае аналогичное значение минимума 0,05 человека на 1 га (ахеменидский период, район 1) будет при таком расчете составлять 1,7. Соответственно коэффициент корреляции составит 34,82 (при округлении абсолютных величин до сотых, а полученных относительных индексов — до десятых целого).

В табл. 6⁵⁶ представлены значения средних площадей посевных (в га) различных исторических периодов в избранных десятиях целого). Проконментируем цифровые показатели.

Ахеменидский период
521—325 гг. до н. э.⁵⁶

Для этого времени прежде всего необходимо отметить следующие обстоятельства. Нельзя не учитывать того, что Элам как часть Юго-Западного Ирана был завоеван ассирийцами в результате двух военных походов — в 647 и 646 гг. до н. э. Завоевателям удалось проникнуть в глубь Аншана, скорее всего до современного Бехбехана и далее на восток — в области, расположенные на стратегически важной дороге Сузы — Персеполь⁵⁷. На обратном пути из Аншана Ашшурбанапал взял штурмом Сузы. В своих аниалах он гордо объявляет: «...я опустошил области Элама... Царских дочерей, царских сестер вместе со старшей и младшей родней царей Элама, заместников, градоначальников тех городов, которые я завоевал... всадников, лучников, старост оружейников, всех ремесленников, сколько их было, людей, мужчин и женщин, от мала до велика... я заполнил в страну Ашшур»⁵⁸. Жители покоренной страны привудительно переселялись даже далеко на запад, в частности в Палестину⁵⁹. Элам обезлюдел. Разрушение городов, истребление и угон на чужбину местного населения сопровождалось и разорением сельской местности, сельских поселений. «Соль и плевелы я распространил по ним... Голоса человеческого, топота коров и овец... я лишил поля», — сообщает Ашшурбанапал⁶⁰.

Впрочем, есть мнение, что разрушение населенных пунктов Элама в результате войны было далеко не полным и что ассирийский царь в целях устрашения покоренных народов сознательно преувеличил картину всеобщего разорения⁶¹. Тем не менее, даже учитывая тенденциозность данного источника, вполне можно признать, что ущерб был причинен огромный. Вплоть до 639 г. до н. э. продолжалась борьба народов Юго-Западного Ирана с ассирийцами. В конце концов Элам был лишен самостоятельности и подчинен Ассирии. С этих пор могущество Элама пошло на убыль, и некогда цветущая и богатая страна стала переживать период глубокого упадка⁶². После того как мидийский царь Киаксар в союзе с вавилонским правителем Набонassarом завоевали столицу Ассирии Ниневию в 612 г. до н. э., территории Элама отошли к Вавилонии. После свержения Вавилонии эти территории перешли к персам, и завоевания им во владение персов.

Почти полтора века политической и экономической нестабильности не могли не отразиться на уровне сельскохозяйст-

2015/05/30 15:39

венного развития региона, его ирригации. Оросительные системы, достаточно хорошо отлаженные вплоть до агрессии ассирийцев, были разрушены или же пришли в упадок, резко понизились демографические показатели, уменьшилось число поселений Сузской равнины.

Подавляющее большинство сельских поселений ахеменидского времени на Сузской равнине концентрируется в основном в долине реки Диза и вдоль ее притоков — Уджируда, Шура, Сиа-Мансура, т. е. в центральной и южной частях равнины. Вокруг Суз их очень немного. Такая картина неравномерного распределения сельских поселений по всей площади Сузской равнины может объясняться тем, что река Диз имеет наивысший летний уровень воды и может обеспечить ею значительные земельные угодья без проведения трудоемких работ по строительству оросительных каналов, возведению плотин. Долины же Керхи и Шаура, особенно в округе Суз, при Ахеменидах были менее удобны для интенсивной ирригации, возможно, в результате разрушения плотин и дамб в их верховьях, а также из-за засоленности почв по причине их долговременной эксплуатации в эпоху могущества Эламского царства. Немногочисленное население Сузианы удовлетворяло свои жизненные потребности, скорее всего, почти исключительно за счет эксплуатации богарных земель, как это было, например, в ранние периоды истории этого региона⁶³. Однако не только повсеместное разорение, учиненное Ашшурбанапалом, но и постоянная угроза со стороны горцев Юго-Западного Ирана (киснеев, укснеев, элимеев) удерживали на первых порах ахеменидских владык от крупномасштабных строительных работ в Сузиане и соседних областях⁶⁴. К тому же на первых порах скорее всего экономический потенциал общества при Ахеменидах не позволял еще проводить достаточно трудоемких работ по сооружению новых и приведению в порядок разрушенных и заброшенных ранее плотин и каналов на Керхе и Шауре.

Начало определенного периода экономического подъема и стабилизации хозяйственной жизни ряда областей Юго-Западного Ирана положил Дарий I, превративший Сузы в одну из столиц своего государства⁶⁵. Так называемый «канал Дария», построенный по местному преданию этим царем для орошения территорий, расположенных между реками Керхой и Дизом, при Ахеменидах был небольшим водным протоком, соединявшим эти реки. Вблизи него известно лишь одно ахеменидское поселение. Ныне убедительно доказано, что этот канал был построен еще во времена эламского царя Унташ-Напириши в XIII в. до н. э. Он не только обеспечивал водой столичный центр Дур-Унташ, но и обводнял значительные земельные угодья⁶⁶. При Ахеменидах работы по восстановлению этого сооружения только лишь начинались.

На севере и северо-востоке равнины, в районе между разветвлениями Сиа-Мансура и Шура, ирригационных сооружений

практически нет, население немногих поселков земледельцев, располагавшихся здесь, довольствовалось для орошения своих полей естественными осадками. Кстати говоря, аналогичная ситуация характерна и в наши дни для жителей двух небольших современных деревушек, находящихся в этом районе.

Укажем сравнительно крупный искусственный водный проток, действовавший в VI—V вв. до н. э., который проходил близ хорошо укрепленного поселения KS-369⁶⁷. Его значительная величина (ширина около 15 м), а также то, что на его берегу размещалось единственное сельское поселение ахеменидского времени, могут свидетельствовать о том, что он был сооружен в оборонительных целях. Вообще из 136 поселений, обжитых при Ахеменидах, лишь 8 (сами Сузы в данный перечень не включены) были хорошо укреплены с точки зрения фортификации. Большая их часть (например, поселения 369, 301, 458 и др.) размещалась в центре междуречья Керхи и Каруна, на притоках Диза. Скорее всего они являлись форпостами для защиты Суз, столичного центра Ахеменидов, от угрозы с востока контролировали крупные переправы через водные протоки. Несколько каналов, отчетливо прослеживающихся близ поселений 107 и 369, также следует связать с ахеменидским временем.

В целом можно констатировать, что ахеменидский период в истории Сузской равнины был временем становления этого региона после длительного запустения. Можно говорить и о пока еще сравнительно низких демографических показателях и небольшой степени освоенности сельскохозяйственных территорий равнины. Несмотря на наличие ряда ирригационных систем, население довольствовалось в основном «сухим» орошением на богарных площадях, не требовавшим значительных затрат труда на искусственные сооружения, но и не позволявшим, однако, возделывать более продуктивные сельскохозяйственные культуры. Плановые работы по созданию сложных ирригационных систем только начинались, причем в этот период, как правило, восстанавливались прежние искусственные ирригационные сооружения, построенные еще до установления ахеменидской гегемонии в Юго-Западном Иране.

Селевкидо-парфянский период (325—25 гг. до н. э.)⁶⁸

В это время Юго-Западный Иран входил сначала в державу Александра Македонского, затем в состав государства Селевкидов. Около 140—139 гг. до н. э. регион подпал под власть парфянского царства, которое контролировало его вплоть до середины I в. до н. э. Вскоре, примерно со 148 по 140/139 г. до н. э., регион перешел под контроль правителей соседней Элиадской династии. В селевкидо-парфянский период наблюдается возрастающая

плотность поселений вокруг Суз-Селевкии на Эвлее. Это связано, очевидно, со строительством на Керхе и Шауре крупной ирригационной системы. Возможно, что ее некоторые каналы были сооружены и несколько позже, в среднепарфянское время, тем не менее расположенные группы селевкидо-парфянских поселений (578, 1114, 1115, 1165 и др.) показывает, что большая часть оросительных сооружений была возведена именно в рассматриваемое время. Показательно, что в двух эпиграфических документах из Селевкии на Эвлее речь идет о расчистке и восстановлении крупного водного протока, который «сделал полноводными давно покинутые безводные клеры» граждан полиса⁶⁹.

Известно, что еще при Селевке I в Сузиане были осуществлены крупномасштабные строительные мероприятия, из которых прежде всего следует упомянуть устройство судоходного канала вплоть до Персидского залива⁷⁰. О возрастающем внимании центральной администрации к вопросам орошения и сохранения Селевкии-Суз в качестве торгового центра региона свидетельствует большое число привозных монет, обнаруженных при раскопках этого города (см. гл. II).

Указанные мероприятия не могли не отразиться на развитии сельскохозяйственной округи полиса. Несмотря на то что в рассматриваемое время продолжает существовать лишь треть поселений, обжитых при Ахеменидах, общее число поселений периода превышает аналогичный показатель для времени ахеменидского господства в Юго-Западном Иране. Однако другой показатель — средний размер поселений — имеет тенденцию к уменьшению (1,4 га для ахеменидского, 0,7 га для селевкидо-парфянского времени). Это, естественно, привело к снижению совокупной площади, занятой поселениями Сузской равнины (108,2 против 81,1 га). Наблюдения за демографической ситуацией позволяют сделать вывод о том, что значение индекса плотности населения на равнине в селевкидо-парфянское время уменьшается почти в два раза (11,8 против 20).

Столь резкие перемены требуют объяснения. Обычно это представляют следующим образом⁷¹. В селевкидо-парфянское время центральный город региона Сузы теряет функции столпного и административного центра. Это в определенной мере повлияло и на размеры сельских поселений, которые в эпоху господства Селевкидов превращаются в мелкие, небольшие по размеру деревушки, окружавшие «провинциальный город». Уменьшение размеров сельских поселений могло быть и результатом определенных изменений в сельскохозяйственной стратегии жителей региона. При Ахеменидах земледелие на равнине Суз базировалось преимущественно на богаре, в то время как новые завоеватели сумели наладить ирригацию района, поэтому роль орошаемого земледелия значительно возросла. В этих условиях крестьянство могло обрабатывать землю и получать высокопродуктивные урожаи, не требовавшие уже значитель-

ного скопления людских ресурсов в каждом конкретном поселении. «Избыточное» население стало осваивать новые земельные массивы, при этом размеры как старых, так и вновь построенных поселений уменьшаются.

Но эта на первый взгляд логичная схема лишь частично объясняет причины резкого падения плотности населения на равнине, что непременно должно было бы отразиться, в частности, на благосостоянии жителей региона и значительно снизить уровень экономики. Однако этого не произошло. В 317 г. до н. э. Сузиана упоминается в античной традиции как процветающий и богатый регион, на протяжении всего периода здесь культивировались различные сельскохозяйственные культуры, требующие интенсивного водоснабжения. Наконец, и сама Сузиана, и ее центр Селевкия-Сузы привлекали к себе внимание множества торговцев, вывозивших отсюда большие партии продуктов земледелия. Диспропорция между показателями значительного уменьшения численности населения на равнине и сохранением, если не увеличением, уровня развития экономики слишком разительна. Это вынуждает более подробно рассмотреть сложившуюся ситуацию.

Еще во время походов Александра Македонского значительная часть местного населения была перебита в вооруженных столкновениях, множество военнопленных, обращенных в рабство, наполнили местные рынки рабов, и отдельные партии их иногда вывозились даже за пределы бывшей Персидской державы, например в Грецию и Македонию (Агг. Анаб., I, 29, б). Другие же, обращенные в рабство местные жители или бывшие солдаты армии Дария III, оставались на родине в качестве прислуги победителей — греков и македонцев (Агг. Анаб., IV, 2, 4; IV, 3, 5; Plut. Alex., 42, 1—8; Curt., IX, 3, 11). Следовательно, уменьшение числа местных жителей — непосредственных производителей — могло быть результатом не только военных успехов и террора завоевателей, но и следствием работорговли, поскольку попавшие в плен и порабощенные победителями в свои родные края уже не возвращались.

Не следует забывать и о том, что вскоре после смерти Александра ряд областей Юго-Западного Ирана становится ареной острой борьбы между наследниками царя — Евменом и коалицией диадохов, возглавляемой Антигоном. В Сузиане и Элиманде велись активные боевые действия между противоборствующими армиями. Конфискация продуктов сельского хозяйства для снабжения воинских подразделений, разрушение ирригационных систем и ущерб земледельческому хозяйству местных жителей не могли остаться без последствий.

Аналогичная картина наблюдается и столетием позже, во время завоевания Сузы оставшиеся верными Антигоном, однако город был с боем взят и частично разрушен, в результате осаждающей Полибия, достаточно под-

робно описавшего эти события (Polub., V, 40, 7; 41,1—9), хорошо подтверждаются археологическими данными⁷².

Отнюдь не мирными были действия Антиоха III и в другом районе Юго-Западного Ирана — в Элимаиде, равно как и его сына Антиоха IV Эпифана. При парфиях также имели место неоднократные военные столкновения, происходившие в Юго-Западном Иране. Достаточно вспомнить захваты Митридатом I храмовых центров Элимаиды и покорение столицы элимеев Селевкии на Гедифонте.

Безусловно, все эти военные акции и периоды политической нестабильности в регионе, о которых свидетельствуют далеко не полные данные античной письменной традиции, не могли не отразиться и на демографических показателях региона, и на состоянии экономики, с ее периодами кратковременных спадов. Однако о каком-либо ее затяжном кризисе наши источники информации не несут.

Данные сплошного археологического обследования поселений Сузианы и сведения античных авторов позволяют высказаться в пользу заключения об уменьшении общей численности непосредственных производителей на Сузской равнине. Как в таком случае объяснить сравнительно стабильное развитие сельского хозяйства в регионе? Причина этого может заключаться в следующем. Сузы действительно потеряли значение крупного административного и столичного центра государства. Однако они приобрели новое качество, новый статус. В раннеселевкидское время они были преобразованы в полис, получив новое название — Селевкия на Эвлее. Восточноэллинистический полис, как уже подчеркивалось выше, являлся особой формой социальной организации привилегированных греко-македонских коллективов, внесшей в результате своего возникновения новые тенденции в развитие экономики, социальных отношений и модифицировавшей традиционные формы эксплуатации непосредственных производителей. Полис являлся своего рода «коллективным клерухом», эксплуатировавшим местное крестьянство прилегавшей к нему хоры. Следствием более эффективного использования труда крестьян могло стать расширение обрабатываемых площадей и зон искусственного орошения и соответственно расселение непосредственных производителей (местного крестьянства) на новые возделываемые территории. При этом общее число жителей сельской округи не могло увеличиться настолько, чтобы более производительно обрабатывать землю, проживая в поселениях прежних размеров. Поэтому основание новых поселений требовало оттока жителей из прежних сельских поселений, что в свою очередь влияло на уменьшение их размеров. Некоторые поселения были просто покинуты местными жителями. Ситуация осложнялась и тем, что общая численность жителей равнины уменьшилась по причинам, указанным выше.

Выход, как представляется, был найден в гибком использо-

вании некоторых характерных особенностей, присущих полисным объединениям. Греческий полис немислим без института рабства, и основание полисов на Востоке приводило к более широкому распространению здесь рабства в его классической форме. Факт существования отношений классического рабства в Селевкии-Сузах засвидетельствован вполне определенно. Но насколько эти более развитые для своего времени формы эксплуатации глубоко внедрились в хоры полиса, где все же основным эксплуатируемым классом были различные категории независимого крестьянства, судить из-за недостатка источников трудно. И все же если принять тезис об отсутствии источниковской территории континентов частновладельческих рабов (на клерах их хозяев — граждан полиса), то в таком случае легче будет объяснить факт сравнительно высокой степени развития сельского хозяйства при определенном уменьшении общего числа непосредственных производителей — местных крестьян. Труд рабов на определенных этапах его использования более эффективен с точки зрения его производительности и результатов. Весь прибавочный продукт принадлежит хозяину раба. Предлагаемая гипотеза дает возможность, как представляется, объяснить несоответствие между ухудшавшейся демографической ситуацией на Сузской равнине в селевкидо-парфянское время, с одной стороны, и определенным прогрессом в развитии некоторых отраслей экономики области — с другой.

* * *

Парфянская, или элимаидская, эпоха, условно разделяемая на два периода — средне- и позднепарфянский, — важная веха в истории Юго-Западного Ирана. В это время регион вовлекается в сферу активных политических и экономических связей, крепость которых была обусловлена периодами усиления или ослабления степени централизации Парфянской державы, ростом и падением торговой активности Суз, что было связано с обострением конкурентной борьбы на торговых путях.

В середине I в. н. э. Сузиану подчиняют своему контролю правители Элимаиды, лишь номинально зависящие от власти парфянского царя. В это время становятся более заметными некоторые процессы, свидетельствующие о стабилизации экономики региона, которые выразились, в частности, в широком обращении на сельской территории муниципальной бронзовой монеты мелких номиналов (см. гл. III, § 4), а также в существенных изменениях в численности и типологии сельских поселений, активизации демографических процессов и т. д. В начале III в. н. э. Сузиана вошла в состав Парфянского царства, но теперь уже не в составе Парфянского царства, а в составе государства, которое соединяет область к своему молодому государству.

2015/05/30 15:40

Отметим еще одну существенную деталь. При парфиях Селевкия на Эвлее, имевшая полисный статус еще со времени Селевка I, лишается его (к 45 г. н. э.), что не могло не отразиться на структуре моделей сельских поселений и на характере эксплуатации и организации свободных мелких производителей земельной округи бывшего полиса.

Среднепарфянский период
(25 г. до н. э. — 125 г. н. э.) 73

В это время почти в два раза по сравнению с предыдущим, селевкидо-парфянский период увеличивается число поселений (295 против 143). Очевиден рост числа всех категорий поселений от самых малых, размером до 0,6 га (139 против 88), до поселений, которые, согласно предлагаемой типологии, считаются городами. Если при Селевкидах таковыми были только собственно Сузы, то в данное время насчитывается уже три таких городских центра. Величина средней площади поселения среднепарфянского периода достигает значения, наблюдавшегося при анализе ахеменидских моделей поселений (1,4 га). В связи с этим и показатель, характеризующий совокупные площади, занятые поселениями этого времени, достигает цифры 289,1 га, что более чем в три с половиной раза превышает аналогичное значение по селевкидо-парфянскому периоду и более чем в два с половиной раза — по ахеменидскому. Для индексов плотности населения в это время следует констатировать в большинстве случаев максимальные значения. В среднем по периоду индекс плотности населения составляет 43,0, а для района 4 он достигает своего наивысшего показателя — 100.

Если проследить динамику сельской округи Сузской равнины, ориентируясь на показатели по каждой из восьми зон, то заключения будут аналогичными. Так, в районе 1, водные ресурсы которого чрезвычайно бедны, в связи с чем проведение оросительных каналов сопряжено с большими трудностями, рост числа сельских поселений (с 9 в селевкидо-парфянский до 22 в рассматриваемый периоды) и соответственно увеличение численности населения и его плотности (индексы 5,5 в селевкидо-парфянский и 23,6 в среднепарфянский), очевидно, были результатом более интенсивной обработки земельных угодьев в условиях «сухого», естественного орошения. Это, в общем, не противоречит продуктивности и потенциальным возможностям богарного земледелия. Из 9-ти поселений селевкидо-парфянского периода лишь два (771 и 1051) оказались покинутыми жителями, остальные же продолжали существовать в рассматриваемое время. При этом, например, поселение 771 было прорезано искусственно сооруженным каналом, который, вероятно, к этому времени прекращает свое функционирование. Следовательно, причиной ухода жителей могла стать невозможность восстановления этого водного протока, а также и засоленность

почв. При богарном же орошении проблема засоленности не стоит так остро, поэтому остальные 7 селевкидо-парфянских поселений продолжают свое существование, и основываются еще 15 новых деревень.

Во втором районе жителями покинуты 7 из 15-ти селевкидо-парфянских поселков, но зато заново обживаются 30 деревень. Некоторые из них (11, 741, 871) приобретают сравнительно крупные размеры. Земледелие в этой зоне базировалось на искусственном орошении, водоснабжение обрабатываемых участков обеспечивалось специально сооруженными плотинами на Шауре или ДIZE. Не исключено, что указанные запруды были построены еще при Селевкидах, но наиболее интенсивно они стали использоваться уже позже. Средняя площадь поселений среднепарфянского времени для второй зоны в два раза больше, нежели в предыдущие периоды.

Площадь, занятая поселениями среднепарфянского времени в районе 3, в два раза выше, чем в селевкидо-парфянский период. Несколько каналов и более мелких искусственных водных протоков, относящихся к рассматриваемому времени, а также скопление ряда поселений вдоль их русел свидетельствуют об определенном развитии ирригации в средней части равнины реки ДИЗА. К тому же своеобразное «пучкование» ряда сельских поселений этого времени (например, группа поселений 113, 484, 413 и др.) также указывает на наличие сети водных каналов, действующих в среднепарфянский период. Водозаборы этих каналов были устроены, как нам представляется, на берегах не только ДИЗА, но УДЖИРУДА.

При Ахеменидах и Селевкидах район 4 был заселен сравнительно плотно. В среднепарфянский период процесс концентрации населения здесь получил дальнейшее продолжение и достиг своего пикового значения (индексы плотности населения соответственно 32,4; 35,5; 100). Это, несомненно, явилось следствием значительного расширения орошаемых площадей. Из 55 среднепарфянских поселений лишь 12 продолжают существовать со времени Селевкидов. Многие фрагменты сырцового кирпича, из которого были построены жилища земледельцев рассматриваемого периода, имеют вкрапления рисовой мякины⁷⁴, что свидетельствует о культивировании этой влаголюбивой сельскохозяйственной культуры. Характерно, что несколько ахеменидских поселений, заброшенных в селевкидо-парфянское время, восстанавливаются и достигают сравнительно больших размеров. Так, например, в районе 5 для сельской округи площадей (120, 121, 643, 690—692 и др.).

Показатели среднепарфянского времени для района 5 значительно превышают аналогичные цифры более ранних периодов. В рассматриваемый период в селевкидо-парфянский период в сельской округе Р. ДИЗА приходится на одного жителя сельской округи в рассматриваемое время приходится лишь 0,44 га земли, в то время как нынешние обитатели рай-

она, занимаясь почти исключительно богарным земледелием (из-за запущенности ирригационных систем), довольствуются большей площадью — 1,34 га на человека⁷⁵.

Наблюдается много схожих черт между показателями для районов 5, 6 и 7. В целом для этих трех зон число поселений составляет 45 против 23 в селевкидо-парфянский период. Явно прослеживается экстенсивное развитие ирригационных систем, строятся новые каналы, отводящие воду из Сиа-Мансура.

Вдоль канальных трасс, построенных в районе 8 в среднепарфянский период, располагается большое число поселений (900—904, 911—913, 950, 981 и др.). Общая площадь поселений 87,3 га (30,1 га при Ахеменидах и 20,5 га в селевкидо-парфянское время). При этом общее число поселений незначительно отличается от предыдущего периода — 25 против 24, но подавляющая их часть (17) строится заново, и лишь 8 продолжают свое существование с селевкидо-парфянского времени. При этом последние, как правило, обжиты уже в более обширных границах.

Отличительной чертой этого времени является бытование на равнине значительного количества поселений так называемого «рассредоточенного» типа (397, 484—487, 661—670, 1018—1020 и др.), представляющих собой группы близко расположенных отдельных домов. Обычно число их от трех и выше. Ныне они являются собой группы холмов высотой до двух метров, причем размеры каждого всхолмления варьируются в пределах десятков метров⁷⁶. Если в ахеменидское время поселений этого типа сравнительно немного — около 1,5% от общего числа, в селевкидо-парфянский несколько больше — 2,7, то в среднепарфянское время эта величина уже составляет 5,8%⁷⁷. Столь заметное распространение поселений нового типа может свидетельствовать об определенных изменениях в социальной структуре общества, новых тенденциях в его организации. К проблеме генезиса и развития «рассредоточенных» поселений мы обратимся ниже, пока же отметим, что скорее всего новые тенденции в развитии сельскохозяйственной округи были обусловлены также и планомерной деятельностью центральной администрации в деле организации местного населения для строительства новых ирригационных сооружений и наблюдением за старыми, возведенными раньше. Под контролем центральной власти были, очевидно, и работы по основанию поселений и водному обеспечению их обитателей.

Таким образом, на Сузской равнине в период с 25 г. до н. э. по 125 г. н. э. наблюдается существенный рост плотности населения, достигающий в некоторых исследуемых зонах своих пиковых значений. Расширяется сеть ирригационных каналов, резко увеличивается общее число поселений, которое в это время достигает своего максимума за всю историю Сузианы, включая и современный период.

Позднепарфянский период (125—250 гг.)⁷⁸

Для данного периода характерны, с одной стороны, дальнейшая реализация направлений развития сельскохозяйственной округи Сузской равнины, проявившаяся еще в среднепарфянское время, с другой — зарождение новых тенденций в размещении и типологии поселений.

Для района 1 позднепарфянский период отмечен значительным числом новых поселений (на восемь больше, чем ранее) и усилением демографических процессов (индекс плотности населения здесь максимальный — 38,1). Ряд новых поселений близ деревни (9), основанной в среднепарфянское время и по-прежнему населенной. Всего из 22 поселений среднепарфянского времени 12 уже покинуты жителями. Рост числа поселений на ранее не обрабатывавшихся землях, трудных для ирригационных мероприятий, является, очевидно, следствием усилий центральной администрации, взявшей на себя организацию оросительных систем, позволивших получать большие урожаи с ранее богарных площадей.

Поселений позднепарфянского периода в районе 2 меньше, чем ранее, — 36 против 40, соответственно уменьшилась и совокупная площадь, занимаемая ими (35,4 против 44,8 га). Ухудшились и демографические показатели. Все это могло стать следствием падения значения Суз в качестве торгового и политического центра региона, что подтверждается и нумизматическим материалом.

Район 3 переживает аналогичные тенденции в своей эволюции. Только 7 из 20 среднепарфянских поселений продолжают свое существование. Число новых поселений незначительно, их всего пять. Совокупная площадь, занятая ими, уменьшилась почти в два раза, равно как и уменьшились усредненные площади каждого из них. Следует отметить, что ряд поселений этого времени имеет характер «рассредоточенных».

Топографическое размещение поселений района 4 повторяет схему предыдущего хронологического этапа. По-прежнему они группируются как на сооруженных заново, так и на восстановленных каналах. Возможно, жители этой зоны отводят воду для орошения посевов уже не только из Диза, но и Сиа-Мансура. Расширяются две группы поселений «рассредоточенного» типа (в западной и юго-западной частях зоны). Тем не менее значение индекса плотности населения уже не достигает предыдущего показателя.

В позднепарфянский период в районе 5 наблюдается тенденция к укрупнению поселений. Площадь занятых поселений: с 21,7 до 15,1 га. Число поселений: с 15 до 10. Общая площадь остается на прежнем уровне и составляет 1,4 га. Общее число поселений

ний уменьшается с 16 до 11. Это может быть связано как с экономической невыгодностью эксплуатации прежних оросительных каналов, так и с прогрессирующей засоленностью почв.

Большинство сельских поселений позднепарфянского времени было сконцентрировано в южной части района 6. Подобное их «скупивание» может объясняться понижением уровня воды в Сиа-Мансуре, которой уже было недостаточно для обеспечения посевных площадей. Совокупная площадь поселений увеличилась незначительно — с 20,8 до 21,8 га, равно как и средняя площадь поселений (0,84 против 0,72 га). Несмотря на то что индекс плотности населения превышает свое прежнее значение на 1,9, общее число поселений в зоне несколько уменьшилось (с 29 до 26).

При наличии одинакового числа поселений района 7 для средне- и позднепарфянского периодов (17) в последнем значительно изменилась общая площадь, занятая поселениями (29,0 га для средне- и 53,3 га для позднепарфянского времени). При этом средняя площадь поселений возрастает почти в два раза и достигает значения 3,1 га. Также резко увеличивается индекс плотности населения — с 27,5 до 50,7. Значительная часть поселений зоны — это поселения «рассредоточенного» типа.

Линия развития сельской округи района 8 в позднепарфянское время эволюционирует в направлении, аналогичном для большинства упомянутых зон Сузской равнины. Увеличиваются обрабатываемые земельные площади, растут и площади, занятые поселениями (с 87,3 до 105,4 га). Процесс укрупнения размеров поселений находит и здесь свои проявления. Средний размер поселения составляет значительную величину — 4,2 га (предельная для всех рассмотренных периодов). Возрастает и плотность населения, индекс которой также максимален — 58,9. Сеть ирригационных каналов, построенных в предыдущие периоды, расширяется, увеличиваются их «зоны командования».

В целом позднепарфянское время отмечено некоторым снижением общего числа поселений на равнине (с 295 до 286). При этом важно отметить, что данный процесс идет в основном за счет поселений среднего размера. Число же малых деревень (площадь до 0,6 га), которые чаще всего составляют комплексы поселений «рассредоточенного» типа, возрастает до 147 (против 139 в предыдущий период). Увеличивается и количество крупных поселений городского типа (площадь от 8 га и выше). Их насчитывается уже 11 против трех среднепарфянских. Таким образом, в позднепарфянское время получает свое яркое выражение тенденция развития поселений Сузианы к заметному укрупнению их площадей. Общая площадь поселений достигает своего максимального значения — 311,2 га. В ряде зон наблюдаются пиковые значения плотности населения. При явном перемещении центров сельскохозяйственной активности

населения в восточные районы равнины продолжают свое формирование поселения «рассредоточенного» типа, доля которых среди остальных категорий поселений составляет уже 6%.

Сасанидский период
(250—640 гг.)⁷⁹

При анализе развития поселений Хузистанской провинции во время правления царей Сасанидской династии необходимо учитывать следующие обстоятельства. Прежде всего наряду с Сузами на равнине появляется ряд крупных городских центров, таких, как Гундишапур, Айваникерхе, Шуштер. Основание Гундишапура относится ко времени победы персов в 260 г. над римскими войсками, возглавляемыми императором Валерианом. Сам император и большая часть его войска (около 70 тыс. человек)⁸⁰ были пленены и поселены, в частности, в этом городе. Согласно преданию, именно римские военнопленные воздвигли плотину на реке Карун, сохранившуюся до наших дней⁸¹. Айваникерхе был построен Шапуром II скорее всего на месте крупного парфянского поселения Кут-и Гапу⁸², что подтверждается керамическим материалом позднепарфянского времени с этого городища⁸³.

Другое обстоятельство — это значительные изменения в количестве и топографии поселений Сузской равнины. Подробный анализ их эволюции выходит за рамки нашего исследования. Однако необходимо хотя бы обозначить основные направления развития, поскольку именно в сасанидское время реализуется часть зародившихся ранее явлений, касающихся сельскохозяйственной округи равнины. Поэтому в данном разделе мы будем иметь в виду сасанидский период в целом, сохраняя, где это необходимо, это условное деление на ранне- и поздне-сасанидский подпериоды. Общее число поселений Сузианы резко сокращается — с 286 до 159 в ранне- и до 94 в поздне-сасанидское время. Соответственно падает и величина совокупной площади, занятой поселениями (311,2 га при парфянах, 126,3 га в ранне- и 96,3 га в поздне-сасанидский период). Этот процесс имел и свои конкретные проявления, и локальные особенности в некоторых избранных для исследования зонах.

Показатели районов 2—8 Сузской равнины в сасанидское время подчинены единой тенденции: резко и весьма значительно уменьшаются число поселений, совокупные площади, занятые ими, индексы плотности населения. При этом, однако, условные площади поселений несколько увеличиваются в районных группах 3—8 (так же как и в районе 1) и уменьшаются в первой выделенной группе зон (таблица 1). В частности, в первой выделенной группе зон наблюдается тенденция укрупнения поселений, которые обозначались нами как поселения «рассредоточенного» типа (площадь от 4 га и выше). Именно их развитие в крупные города определило увеличение показателя средней площади по-

селения зоны, так как при общем подсчете все они учитывались. В связи с этим необходимо отметить, что площадь такого урбанизированного центра, как Сузы, исключалась во избежание значительных ошибок при расчете показателей всех периодов, а также крупные городские центры, как Гундишапур и Шуштер, находятся вне исследуемых зон Хузистанской низменности. Естественно, что площади, занимаемые ими, не могли быть учтены. В зонах второй указанной группы таких крупных по площади поселений нет, и цифры, характеризующие рассматриваемый показатель, уменьшаются пропорционально значениям общего числа поселений, их совокупных площадей и индексам плотности населения.

Значительно контрастирует с отмеченными тенденциями ситуация, сложившаяся в районе 1, где, несмотря на прогрессирующее уменьшение числа поселений (29 парфянских, 17 ранне- и 8 позднеасанидских), индекс плотности населения велик и составляет в позднепарфянский период 49,5 — величину, максимальную за все рассмотренное время. Совокупная площадь, занятая здесь поселениями, также максимальна (43,1 га), что незначительно отличается от аналогичного показателя по остальным семи зонам равнины, взятого суммарно.

Сасанидский период, особенно его вторая половина, характеризуется для зоны 1 также и пиковым значением показателя усредненной площади поселения (5,4 га), что превышает принятый нами рубеж при дифференциации сельских и городских поселений. Позднепарфянские поселения южной и западной частей зоны заброшены, их население мигрирует на северо-восток района, где появился крупный городской центр Сасанидов Айваникерхе.

Характерно, что в сасанидское время резко уменьшается сеть и протяженность ирригационных каналов, существовавших ранее, сокращаются их «зоны командования» и соответственно освоенные земельные площади. Очевидно, интенсивная эксплуатация земельных и водных ресурсов региона в предшествующее время привела к их значительному истощению. Следствием этого и стали уменьшение общего числа поселений, миграция сельских жителей и ухудшение всех сопутствующих этому процессу показателей.

Но были, очевидно, и причины иного характера. Как уже отмечалось, роль и значение городов в сасанидское время возрастают, именно они стягивают к себе лишившееся плодородных земель сельское население. Благодаря этому возникают такие крупнейшие центры урбанизации и городской культуры Юго-Западного Ирана, как Гундишапур и Айваникерхе. Это стало результатом появления вокруг таких городских центров, сконцентрировавших в своих стенах большую часть населения покинутых районов, своеобразной «зоны прямого влияния» (город — сельская округа), как это было, например, в раннединастический период истории Урука, где эта зона составляла

округу в 10 км⁸⁴. Сельскохозяйственные работы осуществлялись здесь жителями городов. Вокруг этой зоны возникла в свою очередь «зона непрямого влияния города», на которой также встречается определенное число сельских поселений⁸⁵. Ирригационные системы сохраняются и совершенствуются в основном в округе городов; жители немногих отдаленных сельских поселений довольствуются чаще всего продукцией с богарных земель.

Не следует, однако, думать, что в результате указанных процессов наступает упадок сельского хозяйства. На протяжении всего сасанидского периода, как об этом свидетельствуют источники⁸⁶, Хузистан остается вполне благополучным районом державы. И если была необходимость в налаживании или строительстве ирригационных сооружений, то сасанидская администрация этому активно способствовала. Примером тому является строительство мощных плотин и дамб, осуществленных в верховьях Диза для выправления ситуации, связанной с понижением уровня воды в Сиа-Мансуре. Причиной такого понижения стал, очевидно, отвод жителями Гундишапура большого объема воды из этой реки.

Некоторые исследователи подчеркивают еще одну особенность: в эпоху Сасанидов происходят качественные изменения в характере обработки и орошения земли, где на смену экстенсивным методам ведения хозяйства, дававшим высокие показатели при наличии больших пространств ранее невозделываемых земель, приходят более экономные, рациональные и эффективные приемы интенсивной эксплуатации природных ресурсов и, в частности, воды⁸⁷.

Таблица 7

Период	Число поселений (в %)		
	рассредоточенные	укрепленные	остальные
Ахеменидский	1,5	6,0	92,5
Селевкидо-парфянский	2,7	2,8	94,5
Среднепарфянский	5,8	3,0	91,2
Позднепарфянский	6,0	1,0	93,0
Раннесасанидский	7,3	0,8	91,9
Позднеасанидский	6,2	6,3	87,5
Раннеарабский	9,9	3,8	86,3

Весьма характерной тенденцией к уменьшению числа сельских поселений в Хузистане при Сасанидах доля поселений «рассредоточенного» типа увеличивается. Так, в раннесасанидское время их доля составила

уже 7,3%⁸⁸ от всех поселений равнины. Происходят определенные изменения и в группе укрепленных поселений. Более наглядно динамика изменения указанных типов поселений представлена в табл. 7⁸⁹, хронологические рамки которой расширены вплоть до 1000 г., т. е. включают и раннеарабский период.

Очевидна восходящая линия развития «рассредоточенных» поселений с VI в до н. э. вплоть до X в. н. э., т. е. до периода арабской гегемонии в Юго-Западном Иране. Правда, заметен некоторый регресс в позднесасанидское время (400—640 гг.), однако усредненное значение данного показателя для всей сасанидской эпохи, составляющее 6,75%, тем не менее превышает соответствующие значения парфянского времени.

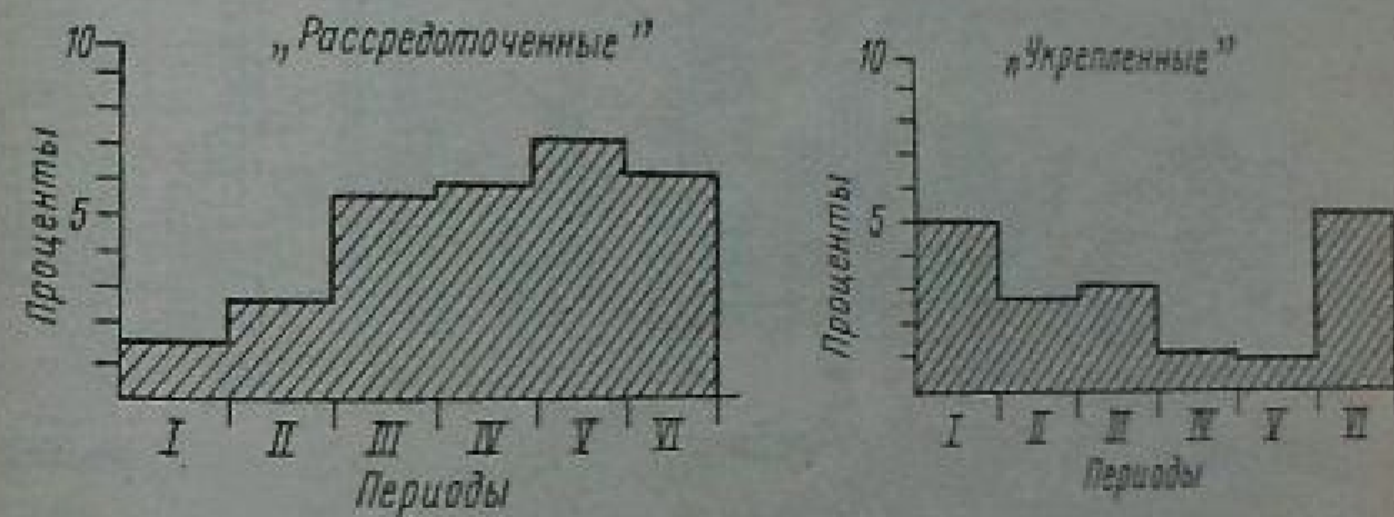
Исследователи, изучавшие поселения этого типа на материалах среднеазиатского региона, пришли к выводам о том, что памятники «рассредоточенного» типа представляют собой обширные поселки, состоящие из нескольких жилищ (от 3 до 13 домохозяйств, например, для Парфиены), каждый из которых был занят большесемейной домашней общиной. В большинстве случаев члены этой общины были экономически самостоятельны и достаточно хорошо обеспечены⁹⁰. В. Н. Пилипко, специально рассмотревший вопрос об удельном весе поселений «рассредоточенного» типа, сделал вывод о том, что в них проживала наиболее значительная часть сельского населения Парфиены. С известными оговорками этот вывод можно распространить на «рассредоточенные» поселения Сузской равнины. Но, поскольку ни одно из них не было раскопано археологами, трудно утверждать что-либо определенное о характере организации их жителей⁹¹.

Интересен вывод о том⁹², что «рассредоточенные» поселения Средней Азии зафиксированы еще в ахеменидское время; они однотипны и для античного периода. Поскольку в раннесредневековое время ведущим типом сельских поселений здесь становятся крупные усадьбы, данное явление указывает не только на важные качественные отличия в типологии сельских поселений. В комплексе с изменениями в других областях материальной и духовной жизни это может демонстрировать существенные отличия в социальной структуре античного и раннесредневекового обществ.

В Сузиане тем не менее наблюдается иная картина. Действительно, большесемейные домашние общины известны здесь с ахеменидского времени. Р. Гиршман вскрыл часть деревни, датируемой VII—IV вв. до н. э., которая, по его мнению, являлась местом проживания крупного семейно-родственного коллектива, тождественного патронимии⁹³. «Рассредоточенные» поселения распространены здесь и в ахеменидский, и в селевкидский, и в парфянский периоды. Однако в сасанидское время они не только не исчезают, а, напротив, приобретают постепенно доминирующее значение, сохранявшееся вплоть до 1000 г. Столь долгое бытование, точнее сказать, даже возрастание

роли такой весьма архаичной формы социальной организации коллективов непосредственных производителей, какой является большая патриархальная семья (если правомерна ее связь с поселениями «рассредоточенного» типа), пока труднообъяснимо.

С другой стороны, представляются не бесспорными утверждения о том, что поселения «рассредоточенного» типа, являющиеся собой модель нового типа поселения, выработанного в среднепарфянское время и широко распространенного в последующее время, указывают на радикальные изменения в структуре экономической и социальной жизни, поскольку они резко отличаются от «стандартных» моделей поселений предыдущих периодов⁹⁴. Уже говорилось, что «рассредоточенные» поселения бытовали еще при Ахеменидах и Селевкидах. Это свидетельствует о том, что едва ли они могли быть следствием каких-то резких изменений, имевших место в парфянское время. Однако значительное увеличение их числа при Аршакидах и дальнейший прогрессирующий рост при Сасанидах и после арабского завоевания заставляет все же связать подмеченную тенденцию в их эволюции с некоторыми переменами в социально-экономической области в условиях развивающихся феодальных отношений. В связи с этим можно вспомнить отмеченные выше изменения в моделях поселений городского типа на рубеже парфянского и сасанидского времени.

Соотношение числа «рассредоточенных» и «укрепленных» поселений Сузской равнины по периодам (в процентах ко всем поселениям)

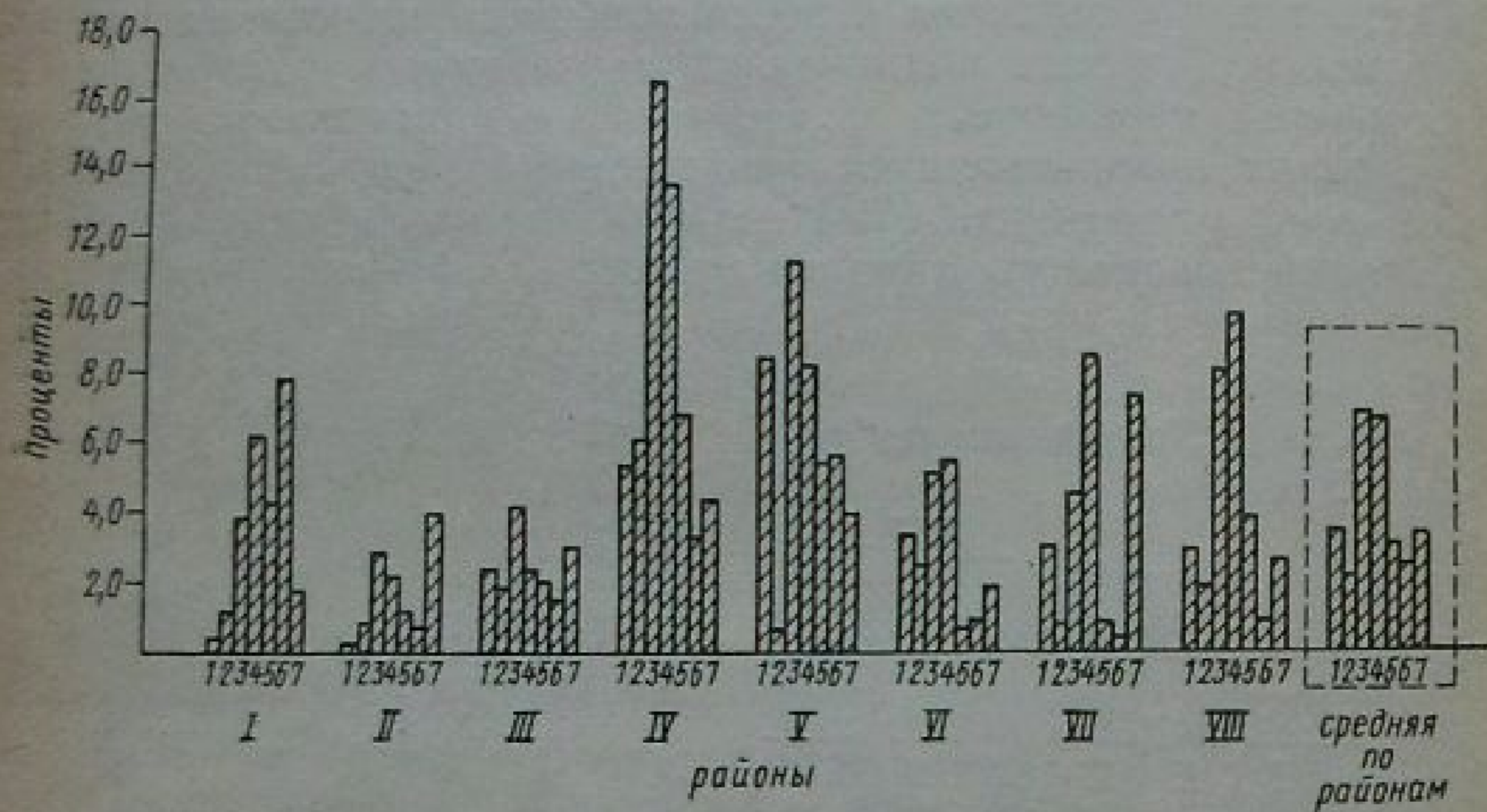
- I — ахеменидский
- II — селевкидопарфянский
- III — среднепарфянский
- IV — позднепарфянский
- V — раннесасанидский
- VI — позднесасанидский

Составлено по: Wenke R. J. Imperial Investments... Tabl. 48.

Что же касается развития укрепленных поселений Сузской равнины, то предлагаемые цифровые показатели можно интерпретировать как свидетельство о постепенном уменьшении числа поселений, обладающих фортификационными сооружениями, и о возможности, как, в частности, и сама мощная политическая власть, свидетельствовать, во-первых, либо о периодах политической

нестабильности в регионе и возрастающей угрозе внешних завоеваний, либо, наоборот, о процветании, стабилизации и усилении могущества центральной власти или власти на местах. Во-вторых, это может указывать на причины более общего и глубокого характера, связанные с радикальными изменениями в жизни общества, выразившимися в трансформации типов поселений.

Представляется, что первой группой причин можно объяснить значительное число укрепленных поселений в ахеменидское время и заметное их уменьшение вплоть до периода парфянского владычества. Группой причин второго порядка можно попытаться объяснить резкое увеличение их количества в позднепарфянский период, когда общие изменения в социально-экономической структуре общества формирующихся феодальных отношений приводят в конце концов и к изменениям в планировочной структуре поселений, в частности и городских.

Площади освоенной территории в 8-ми избранных районах Сузской равнины в соответствующие исторические периоды (в процентах)

- 1 — ахеменидский
- 2 — селевкидопарфянский
- 3 — среднепарфянский
- 4 — позднепарфянский
- 5 — раннесасанидский
- 6 — позднепарфянский
- 7 — современный

Составлено по: Wenke R. J. Imperial Investments... Tabl. 42.

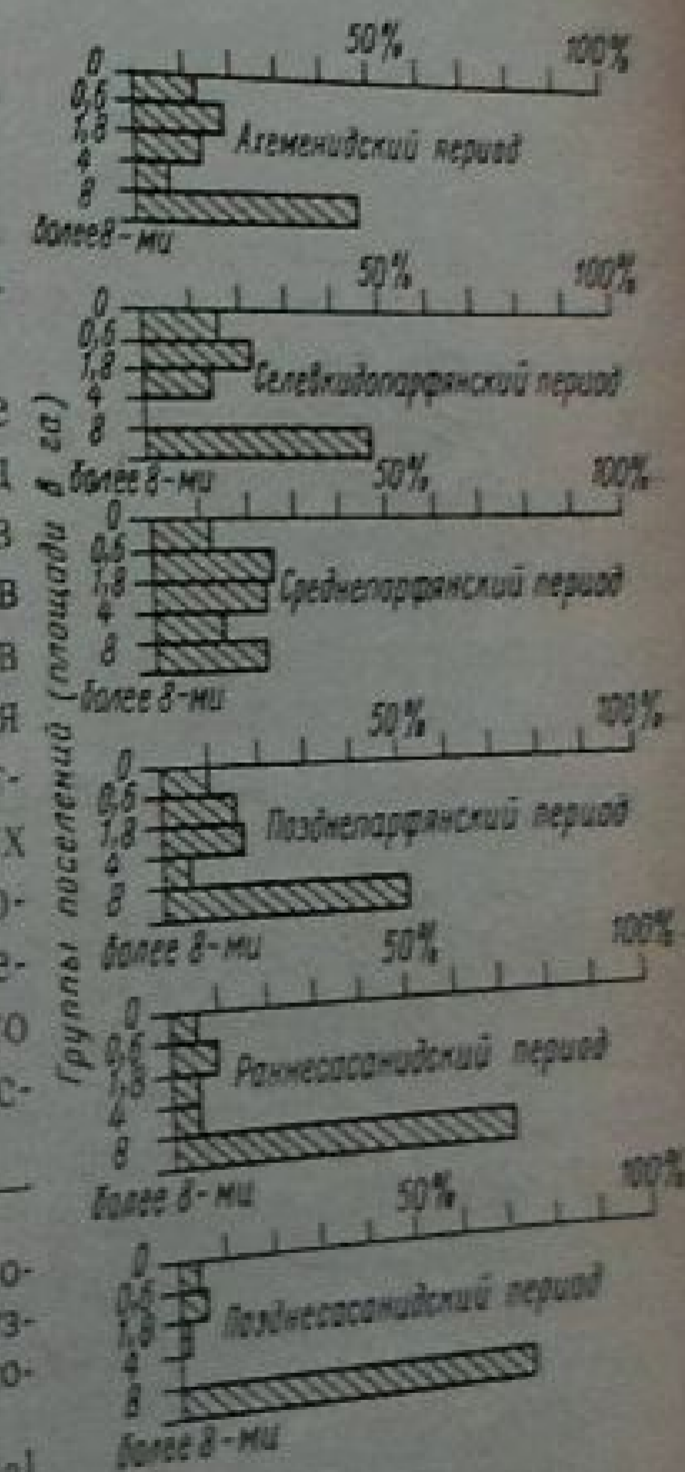
Предложенные попытки объяснения подмеченных тенденций базируются на аналогиях, прослеженных при анализе очень ограниченного круга источников. Будущие археологические исследования должны проверить их корректность.

Подведем предварительные итоги. Ахеменидский период развития Юго-Западного Ирана можно считать временем ста-

билизации во всех областях жизни населения Сузской равнины и рассматривать в качестве отправного для дальнейшего анализа социально-экономических изменений в регионе. Этот период отличается сравнительно малым числом поселений, плотность населения на равнине еще невелика. Отмечать значительный объем ирригационных работ в это время еще не приходится: население немногих сельских поселений довольствуется сравнительно примитивными и еще не слишком производительными оросительными сооружениями, большая его часть используется в своей сельскохозяйственной деятельности посевами под богару.

Эта ситуация начинает меняться при Селевкидах, когда после прихода в Юго-Западный Иран греков и македонцев намечаются новые тенденции в развитии хоры Суз-Селевкии на Эвфрате, ставших полисом. Проводятся значительные работы по постройке новых и расчистке прежних, ранее заброшенных оросительных систем, число районов с богарными посевами сокращается. Вместе с медленным ростом численности населения постепенно растет общая площадь обрабатываемых земель. За счет увеличения числа мелких поселений возрастает, правда еще пока незначительно, общее число поселений на равнине.

Наиболее ярко отмеченные тенденции проявляются в период включения основных районов Юго-Западного Ирана в состав Парфянской державы. Именно в это время здесь наблюдаются пиковые значения для большинства показателей, характеризующих степень социально-экономического развития региона. Резко увеличивается и достигает своего максимума значение общей чис-

Соотношение сгруппированных по площадям различных типов поселений Сузской равнины в соответствующие исторические периоды (в процентах)

Составлено по: Wenke R. J. Imperial Investments... Tabl. 47.

2015/05/30 15:41

ленности населения, пр... возрастает число поселений сельского типа... активизируются процессы экономического развития. Со активизацией демографических процессов в парфянском Юго-Западном

Иране свидетельствует достигнутый максимум плотности населения на равнине. Заметны и такие явления, рельефно обозначившиеся при парфянах, как перемещение центров сельскохозяйственной активности населения на новые, ранее не обрабатывавшиеся земли в пределах региона. В это же время проявляются тенденции в развитии поселений Сузианы в сторону урбанизации, начинаются процессы качественной трансформации поселений разных типов.

При Сасанидах число сельских поселений сократилось. Их население частично поглощается крупными городами типа Айванкерхе, Гундишапур, Шуштер, приобретшими в эту эпоху значение ведущих центров экономики и социальной организации общества. Широко распространяются поселения «рассредоточенного» типа, вобравшие в себя значительную часть земледельческого населения региона.

§ 3. Историко-региональные параллели. Ирригация

Для проверки надежности полученных выводов сравним результаты проделанного анализа с данными обследования территорий, близких к Юго-Западному Ирану не только географически и климатически, но и входивших в систему аналогичных государственных образований, имевших схожую социально-экономическую и политическую структуры. В тех случаях, когда при изучении некоторых регионов применялась методика исследования, аналогичная или близкая рассмотренной выше, полученные результаты представляют несомненный интерес для сравнения с нашими выводами. Этим, а иногда и большей степенью археологической изученности обусловлен выбор того или иного региона для такого анализа.

Сплошное обследование археологических объектов в округе Урука-Варки (Вавилония) позволяет сделать следующие заключения⁹⁵. В парфянское время здесь насчитывалось значительное число поселений, как сельских, так и городских. Именно на этот период приходится наивысший подъем экономики района, сопровождающийся возрастанием общего числа населенных пунктов и расширением площадей орошаемой и культивируемой земли. Активно используется искусственное орошение, совершенствуются ирригационные системы. При Сасанидах происходит перемещение ирригационных систем в районы к северу от Урука-Варки, южные области в результате деградации ирригационных систем заболачиваются. На новых землях строятся каналы меньшей протяженности, но их сеть уже более разветвлена, формируются крупные поселения типа городов.

Следуя условной периодизации Р. Мак Адамса и Х. Ниссена, в нововавилонско-селевкидский период (800—120 гг. до н. э.)

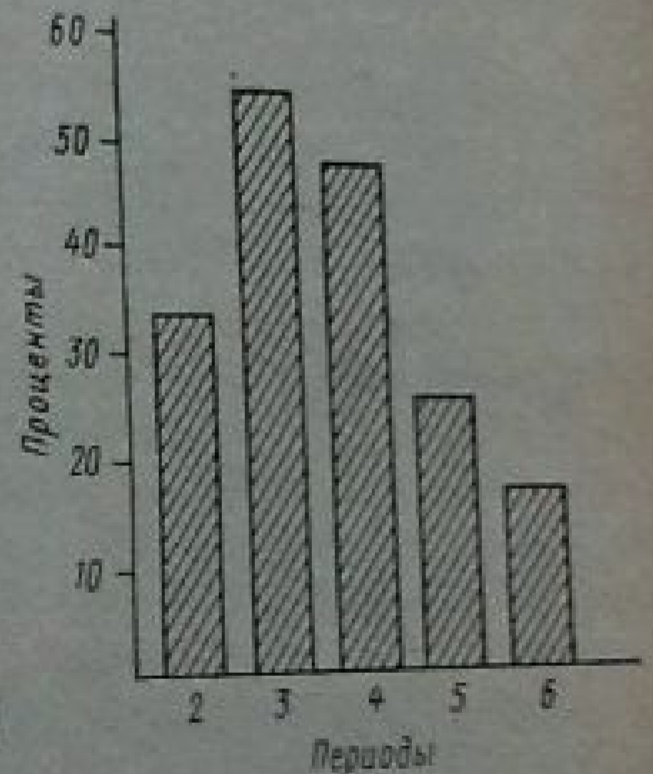
в этом регионе существовало 13 поселений, в парфянский (120 г. до н. э. — 224 г. н. э.) — 25, в сасанидский (224—640 гг.) — 14 поселений⁹⁶. В данном случае речь идет только об однослойных поселениях. Что же касается поселений, время обживания которых приходится на два или более периода, то в этом случае показатели таковы⁹⁷: общее число поселений, имеющих парфянские слои, — 151, из них сами парфяне основывают до обжито 28 поселений, при этом в сасанидский период было обжито 28 поселений, построенных еще парфянами. Таким образом, на парфянское время приходится наибольшее число обжитых, так и вновь основанных поселений.

В Сеистане в ахеменидо-эллинистический период (600—200 гг. до н. э.) известны 2 населенных пункта, для парфянского (200 г. до н. э. — 200 г. н. э.) — 53 и для сасанидского (200—700 гг.) — 62 памятника⁹⁸. Здесь, как и в предыдущем случае, периодизация В. Файерсервиса носит в значительной степени условный характер. На первый взгляд кажется, что данные по сасанидскому периоду даже перекрывают показатели парфянского времени. Однако это не совсем так. Среди интересных показателей необходимо, на наш взгляд, выделять не только общее число поселений, продолжающих свое функционирование с более раннего времени, но и, что более важно, число поселений, основанных именно в исследуемом периоде.

Процентное соотношение числа поселений Сузской равнины, обжитых в последующий исторический период

- 2 — селевкидопарфянский
- 3 — среднепарфянский
- 4 — позднепарфянский
- 5 — раннесасанидский
- 6 — позднесасанидский

Составлено по: Wenke R. J. Imperial Investments... Tabl. 40

дуемый период. С этой точки зрения из 53 обжитых парфянами поселений Сеистана лишь одно продолжало свое развитие с ахеменидского времени и еще одно — со времени до 600 г. до н. э. Следовательно, парфяне основали здесь 51 поселение. Для времени Сасанидов отмечено всего 62 населенных пункта, из которых два были основаны еще до парфян и 46 — парфянами. Нерых сложный подсчет показывает — Сасанидами в Сеистане было построено лишь 14 поселений, что не выдерживает сравнения с достижениями парфян в этой области.

Продолжением парфянского периода в этой области (приток Тигра, Месопотамия) существовало еще два сасанидских поселения, однако и парфянский, чем в селевкидо-парфянский период.

здесь сравнение количества новых поселений, основанных в каждый из указанных периодов, не в пользу Сасанидов. За исключением самых мелких населенных пунктов типа деревень, в селевкидо-парфянский период строится значительно больше поселений, чем в сасанидский. К тому же если в Сузиане процесс урбанизации начинался в раннесасанидский период, то в долине Диалы он довольно отчетливо проявился уже при Селевкидах и парфянах. Это и могло повлиять на бытование сравнительно небольшого числа сельских поселений в селевкидо-парфянский период. Видимо, городские центры, особенно крупные, брали на себя функции сельских поселений, что в целом усиливало тенденцию к уменьшению их числа. Исследователи отмечают огромный экономический прогресс района в селевкидо-парфянский период, выражающийся в экстенсивной урбанизации, увеличении численности населения, значительном качественном и количественном росте ирригационных систем. По общей площади освоенной территории этот период превосходит период Иссин-Ларса (конец XXI — середина XVIII в. до н. э.) — время наивысшего экономического подъема в древневосточную эпоху) в три раза, а предшествующий ахеменидский — в пять раз¹⁰⁰. Именно в селевкидо-парфянский период была заложена основа для дальнейшего экономического развития района реки Диалы в сасанидский период.

В результате учета парфянских поселений древней Парфии в этом регионе зафиксировано 90 памятников. Из них «стерильных» парфянских — 59, при этом 52 принадлежат к типу сельских поселений. Из общего числа парфянских памятников 31 поселение относится к числу перекрытых более поздними культурными наслоениями. Таким образом, число парфянских поселений Северной Парфии велико, при этом подавляющую их часть составляют сельские поселения¹⁰¹. Населенных пунктов ахеменидского времени как здесь, так и для сопредельных территорий отмечено довольно мало¹⁰².

Аналогии подмеченным тенденциям дает анализ поселений Серахского оазиса¹⁰³. В парфянский период здесь наблюдаются значительные изменения в системе расселения, ирригационная сеть приобретает новые черты — каналы стали короче, их сеть — гуще. Заметно увеличилось число поселений.

Суммируя вышесказанное, можно заключить, что на территориях, входивших в состав Парфянского царства, производительные силы общества достигли высокого уровня развития.

С I по IV в. н. э. на территории Афганистана, Северной Индии и части Средней Азии существовало мощное Кушанское царство, для которого исследователи обычно отмечают ряд следующих характерных явлений. Во-первых, количественный рост сети городских поселений, появление новых городов, причем их число становится максимальным по сравнению с предшествовавшими эпохами. Во-вторых, рост площадей, занимаемых городами, увеличение плотности городской застройки¹⁰⁴.

При этом более ранние периоды не отличались подобной интенсивностью этих процессов¹⁰⁵.

Для сравнительного анализа важно рассмотреть некоторые материалы, характеризующие ряд областей Средней Азии в кушанский период в русле поставленных задач. Это сравнение представляется перспективным еще и потому, что два общества, парфянский и кушанский, не были резко обособлены друг от друга, между ними существовали не только культурные, но и экономические связи. Много общего было и в области социально-экономической жизни.

О высокой степени развития городских и сельских поселений в кушанское время свидетельствуют материалы исследования долины реки Сурхандарья (юг Узбекистана). На кушанский период здесь приходится 90 поселений общей площадью около 700 га, тогда как на ахеменидское время — лишь 15 поселений общей площадью около 40 га¹⁰⁶. Около 30 основанных кушанами поселений продолжают существовать и в период раннего средневековья. Поселений, которые классифицируются как сельские, для эпохи кушан выявлено 67, городских — 10. Можно предположить, что в кушанский период эта область Северной Бактрии достигает апогея в экономической и культурной жизни¹⁰⁷.

Слои или отдельные находки кушанского времени зафиксированы на 45 поселениях Северо-Западной Бактрии на побережье среднего течения Амударьи, из которых по крайней мере три определяются как города¹⁰⁸. Эта цифра значительно превышает аналогичный показатель всех предыдущих эпох.

Согдийские материалы, в частности данные по одному из крупнейших оазисов Кашкадарьинского района области — Каршинскому, также весьма показательны. Древний Нахшеб, находившийся в долине реки Кашкадарья, являлся скромной провинцией древних и средневековых государственных образований¹⁰⁹. К югу от этой области находился Тохаристан, где правили кушанские цари, к западу располагались территории Парфянского царства. Все средневековые поселения здесь были основаны на месте более древних памятников (их всего 117). Для времени средневековья зафиксировано лишь 64 поселения, т. е. в два раза меньше. Если исключить из подсчета многослойные поселения, значительно расширившиеся по площади в период средневековья (они не поддаются типологической классификации), то остаются памятники двух категорий: существовавшие до V—VI вв. без позднейших наслоений и перекрытые средневековыми наслоениями, но без расширения занимаемой площади. Их общее число 103, причем лишь пять из них занимали площадь. Таким образом, основную массу поселений составляют сельские поселения средневековья. Среди городов лишь Ер-Курган относится к эпохе раннего средневековья. В данном случае очевиден не только процесс уменьшения числа сельских поселений в эпоху раннего средневековья,

но и заметны признаки урбанизации¹¹⁰. Значительное количество сельских населенных пунктов, возникновение которых приходится на эллинистическое время, зафиксировано и в Бухарском оазисе Согда¹¹¹.

На территории Ферганы, сохранявшей в древности свою самостоятельность и лишь номинально входившей в состав Кушанского царства, к началу I в. до н. э. существовало около 40 поселений, в то время как в I в. до н. э. — IV в. н. э. культура оседлоземледельческого населения Ферганы достигает своего наивысшего развития. Об этом свидетельствует значительное число памятников, приближающееся, по некоторым подсчетам, к цифре 600 и более¹¹².

Подводя итог, отметим, что для большинства рассмотренных районов античный период, понимаемый как время от Селевкидов до парфян или кушан включительно, был ознаменован наибольшим расширением освоенных территорий, основанием значительного числа поселений сельского и городского типов, которое в ряде случаев достигает своего максимального значения. При этом преобладание сельских поселений очевидно. Подобная картина экономического подъема в античную эпоху в основной сфере экономики — сельском хозяйстве — наблюдается в большинстве районов Ближнего и Среднего Востока — от Северной Сирии¹¹³ до крайних восточных рубежей — областей Кушанского царства. А. Сейриг, рассмотревший ситуацию, сложившуюся в Северной Сирии после основания там Антиохии на Оронте, отметил, что в течение почти двух тысяч лет до прихода греко-македонян там не было ни одного сколько-нибудь значительного поселения. Со времени Селевка I ситуация резко меняется: возникает несколько поселений городского типа, увеличивается число сельских поселений, значительно расширяется сельская округа. Все отмеченное вполне соответствует направлениям развития поселений сузской округи и не противоречит общей линии развития общества в античную эпоху.

Обратимся к вопросам, связанным с ирригацией. Проблема развития ирригационных систем в изучении социально-экономической истории древневосточных государственных образований, где, как отмечал К. Маркс, «климатические условия и своеобразие поверхности... сделали систему искусственного орошения... основой восточного земледелия»¹¹⁴, является одной из важнейших. Поэтому, считал К. Маркс, забота о строительстве ирригационных систем и сами эти общественно-полезные сооружения были более необходимы в азиатских странах, чем где бы то ни было¹¹⁵. Ф. Энгельс писал: «Сколько ни было в Персии и Индии деспотий, последовательно расцветавших, а потом погибавших, каждая из них знала очень хорошо, что она прежде всего — совокупный предприниматель в деле орошения речных долин, без чего там невозможно было какое бы то ни было земледелие»¹¹⁶. Действительно, постоянная забота о воде, о поддержании в исправности оросительных систем и различных

водохозяйственных сооружений была первостепенной задачей местной и центральной власти, всего земледельческого населения¹¹⁷. Прогрессируя и изменяясь, уровень развития производительных сил, техники, характер производственных отношений и социальных строй общества обуславливали изменение приемов и способов орошения. Это в свою очередь находило закономерное отражение в эволюции типов и зональном размещении указанных круга вопросов не только исторический период. Поэтому анализ с точки зрения, но и представляется важным с методологической точки зрения, но и представляется перспективным в связи с существующими в науке гипотезами, искажающими значение ирригации в процессах развития древних государственных образований на Востоке.

Исследование ирригационной ситуации рек Сузской равнины дает следующую картину. Для времени Ахеменидов характерен сравнительно малый объем ирригационных работ, связанный с еще слабой степенью освоения земельных массивов. Преобладают земледелие богарного типа, не требовавшее значительных вложений со стороны государства на проведение искусственных оросительных систем.

Ситуация начинает меняться при Селевкидах, для времени правления которых очевидно определен, но пока еще незначительный рост числа поселений, усиление демографических процессов. Начинается освоение ранее пустовавших земельных массивов, строительство новых и расчистка старых ирригационных систем.

В дальнейшем наметившиеся тенденции наиболее ярко проявляются в парфянское время, когда становится заметна возрастающая интенсивность экономических и демографических процессов. Ведущее значение приобретает поливное земледелие, увеличиваются государственные вложения средств в ирригацию. Именно парфянское время для Сузаны и в целом для Юго-Западного Ирана отличается такими показательными явлениями, как наибольшая площадь орошенных и освоенных земель, максимальное число поселений на равнине, пиковые значения для демографических процессов. Наблюдается экстенсивное расширение сети ирригационных каналов, возрастают до максимальных значений их «зоны командования», они более разветвлены и густы, нежели раньше.

В первые века господства царей Сасанидской династии происходят качественные изменения в социальной организации общества и в системе расселения. Возникают крупные городские центры, уменьшается число сельских поселений, жители сельско-хозяйственной округи стягиваются в эти центры. Несколько уменьшаются суммы освоенных земель, ирригационных сооружений, уменьшается количество ирригационных сооружений. Однако об упадке экономики при Сасанидах говорить не приходится. Качественные изменения в социальной организации и

экономике раннефеодального общества привели к аналогичным изменениям в характере оросительных систем. Снижение числа и размеров ирригационных систем было следствием интенсивного (ранее, при парфиянах, экстенсивного), экономного и более эффективного использования водных ресурсов. В округе городов строятся крупные и мощные плотины, дамбы, позволяющие влиять на уровень рек, эти сооружения возводятся и в верховьях рек. Начинают использоваться водоподъемные механизмы, позволившие значительно снизить трудовые затраты и объем работ по проведению новых и расчистке прежних ирригационных систем, а в ряде случаев даже устранить необходимость в их эксплуатации.

Подобные изменения в практике ирригации не были уникальным явлением, присущим только Юго-Западному Ирану. Сопоставление истории и динамики орошения Сузианы с процессами развития ирригации современных ей некоторых районов Средней Азии может это подтвердить. В Хорезме, Северной Бактрии, Согде, Маргиане, Серахсе, Чаче, Парфиене, наконец, на периферии земледельческой зоны Средней Азии, в частности на нижней Сырдарье, античный период отмечен значительным прогрессом в ирригационном земледелии, как в количественном (расширение орошаемых территорий), так и в качественном (усовершенствование ирригации) отношении. Этот прогресс затронул подавляющее большинство областей Средней Азии и в конечном счете стал одной из главных причин ее общего экономического подъема¹¹⁸.

Сравнительный анализ развития ирригации в ряде районов ирано-среднеазиатского региона позволяет поддержать мнение исследователей¹¹⁹, резко критикующих концепцию так называемого «гидравлического» общества или «гидравлического» развития государственности К. Витфогеля¹²⁰, который, отрицая классовый характер государств, возникших в долинах «исторических рек», считает, что основой этих государств служила не система эксплуатации народных масс, а своеобразные «организационные» функции «аппаратного государства».

Наши данные позволяют не согласиться и с другой крайностью — мнением, высказанным Р. Мак Адамсом, отводящим ирригации третьестепенную роль или даже вообще отрицающим ее значение в развитии государственности на Востоке¹²¹. Он считает, что создание крупномасштабных ирригационных систем было не причиной, а следствием возникновения государства. Разумеется, с этим также нельзя согласиться. Дело в том, что развитие интенсивного и регулярно орошаемого земледелия стало возможным только в результате создания достаточно сложных и мощных для своего времени гидротехнических сооружений. Провести такие работы, требовавшие огромных затрат труда, могли только организованные большие массы населения. Не случайно Ф. Энгельс отмечал, что «искусственное орошение... является делом либо общин, либо провинций, либо

центрального правительства»¹²². Аналогичные высказывания мы встречаем и у К. Маркса¹²³. Поэтому важнейшие изменения в характере ирригации должны были соответствовать основным периодам социально-экономического развития общества, в нашем случае — переходу от рабовладения к феодализму.

§ 4. Денежное обращение на сельской территории

Нумизматический материал, свидетельствующий о денежном обращении на сельской территории Юго-Западного Ирана, прогиона — сельских святилищ Бард-е Нешанде и Масджид-и Солайман, расположенных в Бахтиарских горах на территории древней Элимаиды. Комплексы священных террас этих святилищ являлись объектом поклонения иранского населения, существовавшего уже в доахеменидское время пустовавшие земли на территории бывшего Эламского царства¹²⁴. Здесь находилось еще несколько аналогичных святилищ иранского населения Элимаиды — Калге, Шами, Изз-Меламир (все на левом берегу Каруна), а также Кала-и Барди, Кала-и Лит — на правом берегу этой реки¹²⁵. Из них только Шами было частично исследовано археологически¹²⁶.

Нумизматический материал Бард-е Нешанде и Масджид-и Солайман дополняется монетными находками, обнаруженными на сельских поселениях Сузской равнины при составлении археологической карты, а также некоторыми другими монетами, о которых речь пойдет ниже. Публикация монет Бард-е Нешанде и Масджид-и Солайман¹²⁷ не представляет собой подборку всего нумизматического материала, выявленного в период раскопок (5894 экз.). В ней отражена лишь часть коллекции

Таблица 8

Место находок монет	Металл			Всего (экз.)
	серебро (экз.)	бронза (экз.)	свинец (экз.)	
Бард-е Нешанде	13	2487	2	2502
Масджид-и Солайман	33	450	55	538

(3040 экз.), находящейся в Париже. Остальные монеты, как считает Р. Гиршман, идентичны парижскому собранию. Они были оставлены в Археологическом музее Тегерана и пока еще не опубликованы. Монеты тегеранской коллекции еще даже не расчищены. Публикация монет Бард-е Нешанде и Масджид-и Солайман включает «некоторые неожиданности»¹²⁸. Из общего числа монет, найденных при раскопках обоих

2015/05/30 15:42

святилищ и хранящихся в Париже, 46 серебряных, 2937 бронзовых, 57 свинцовых. Табл. 8 дает численное распределение монет между святилищами¹²⁹.

Заметная разница в количестве монет, обнаруженных при раскопках святилищ, объясняется характером их происхождения¹³⁰. На поверхности обеих террас Бард-е Нешанде монет было обнаружено немного (здесь располагались обрабатываемые земельные наделы). Подавляющее их число происходило из так называемого «закладного» клада, зарытого в проходе, ведущем в центральное помещение тетрастильного храма. Нумизматический материал Масджид-и Солайман, значительно меньший по объему, включает в себя преимущественно те монеты, которые являлись приношениями, оставленными здесь посетителями святилища в последний период его существования перед приходом Сасанидов. Более ранние дары собирались храмовым персоналом.

По месту чеканки и в хронологическом отношении серебряные монеты Бард-е Нешанде (по своему номиналу все они — драхмы) распадаются на следующие группы. Чеканы Колофона, Абидоса, Лампсака (по одному экземпляру), две драхмы неустановленных монетных дворов Малой Азии являют собой монеты, выпущенные в конце IV в. до н. э. по типу монет Александра Македонского. Из Экбатан происходят две драхмы Антиоха IV (175—164 гг. до н. э.), одна — Деметрия I (162—150 гг. до н. э.) и драхма Артабана I (127/126—124/123 гг. до н. э.). Монетный двор Антиохии представлен драхмой Александра Балы (150—145 гг. до н. э.), Суз — драхмой элимаидского царя Камнаскира Никефора (148/147—140/139 гг. до н. э.) и, наконец, Селевкии на Гедифонте — драхмой Камнаскира и его соправительницы Анзазе (82—75 гг. до н. э.).

Большая часть серебряных монет Масджид-и Солайман (28 экз.) выпущена сасанидскими царями. Остальные распределяются по следующим монетным дворам и правителям: Лампсак — драхма, чеканенная по типу монет Александра, Селевкия на Тигре — драхма Александра Балы, Экбатаны — драхма парфянского чекана Орода I (80—77 гг. до н. э.), Селевкия на Гедифонте — драхма Камнаскира и Анзазе и обол Камнаскира (62—58 гг. до н. э.).

Таким образом, среди находок серебряных монет храмовых комплексов Бард-е Нешанде и Масджид-и Солайман присутствуют эмиссии монетных дворов Малой Азии (Лампсака, Колофона, Абидоса и двух неопределенных городов), чеканивших серебро по типу драхм Александра Македонского, а также монетных дворов Экбатан, Антиохии, Селевкии на Тигре, Суз, Селевкии на Гедифонте. Серебро селевкидских царей отчеканено в Экбатанах (Антиох IV и Деметрий I), Антиохии и Селевкии на Тигре (Александр Бала). Парфянские серебряные монеты выпущены от имени Арбатана I и Орода I (Экбатаны), элимаидские — от имени Камнаскира Никефора (Сузы), Камнас-

кира и Анзазе, Камнаскира (Селевкия на Гедифонте). Отдельную группу представляют монеты сасанидских царей (II—IV вв.).

Бронзовые монеты из Бард-е Нешанде представлены эмиссиями следующих монетных дворов. Селевкия на Гедифонте — 85 экз., из них так называемых «бронзовых тетрадрахм» царей Элимаиды, правивших в конце I—II в. н. э.: Камнаскира — 16 экз., Орода I — 12, Фраата — 4, Орода II — 34, Камнаскира-Орода — 19 экз. Монетный двор Суз представлен выпусками парфянских царей: Артабана II (23/24 — 38 гг.) и Хосроя (39—45 гг.) — 3 экз., а также большого числа монет малых номиналов элимаидских царей: Камнаскира (конец I в. н. э.) — 50 экз., Орода I, Фраата, Орода II, Камнаскира-Орода (все II в. н. э.) — в общей сложности 2320 экз., элимаидских царей конца II — начала III в. — 20 экз. Выпуски Селевкии на Тигре отчеканены от имени парфянских царей Вологеза III (111/112—146/147 гг.), Вологеза V (190/191—206/207) — по одному экземпляру. В составе «закладного» клада Бард-е Нешанде обнаружена бронзовая монета кушанского царя Канишки (конец I — начало II в. н. э.).

Бронзовых монет, происходящих из Масджид-и Солайман, так же как и серебряных, намного меньше — 450 экз. Часть их («бронзовые тетрадрахмы») принадлежит монетному двору Селевкии на Гедифонте и выпущена в конце I—II в. элимаидскими царями Камнаскиром, Ородом I, Фраатом, Камнаскиром-Ородом (всего 16 экз.). По одному экземпляру сузского чекана принадлежат выпускам Селевкидов Антиоха IV и Александра Бала, два экземпляра — парфян Тиграя (правил в Сузах со 138/137 по 133/132 г. до н. э.), по одному — Фраата II или Артабана I и Вардана I, два — Фраата IV (40—3/2 гг. до н. э.), а также нескольких царей Элимаиды. Среди них 6 экз. Камнаскира (конец I в. н. э.), 165 экз. правителей II в. н. э. (Орода I, Фраата, Орода II, Камнаскира-Орода), 49 экз. царей, правивших в конце II — начале III в. В Селевкии на Тигре были выпущены две бронзовые монеты от имени Вологеза I (51—77 гг.) и Вологеза IV, в Спасину-Хараксе — две «бронзовые тетрадрахмы» Аттамбела IV (53/54—63/64 гг.) и неизвестного царя Харакены, правившего в середине II в.

Бронзовых монет сасанидских правителей, найденных в Масджид-и Солайман, сравнительно много — 179 экз. Отметим и находку 57 сасанидских свинцовых монет и двух кушано-сасанидских бронзовых монет, выпущенных во второй половине III в. н. э. В нумизматической коллекции из Масджид-и Солайман содержится также восемь экземпляров римской бронзы: император Траян (Антиохийский двор Рима), Траяна (Антиохия), Траяна (Нисибин), Траяна (Антиохия), Траяна (Антиохия) — по одному экземпляру, Гордиана III и Агбара (Эдесса), Константина I (Антиохия) — два экземпляра, и Константина I (Антиохия) — два экземпляра.

ляра. К этому перечню добавим 10 экз. бронзовых монет монетных дворов и правителей, которых не удалось определить.

Таким образом, бронзовые монеты, найденные в Бард-е Нешанде и Масджид-и Солайман, выпущены на монетных дворах Суз, Селевкии на Гедифонте, Селевкии на Тигре, Спасину-Харакса. Бронза римских императоров отчеканена в Антиохии, Александрии, Эдессе, Кизике, Нисибине и, наконец, в Риме. Как в отношении серебряных монет, так и для бронзы в отдельную группу выделяются монеты восточной чеканки (сасанидские, кушано-сасанидские и кушанская). Следующая табл. 9¹³¹ показывает суммарное распределение монет Бард-е Нешанде и Масджид-и Солайман по месту и общему объему их выпусков.

Таблица 9

Монетный двор	Серебро (экз.)	Бронза (экз.)	В процентах
Сузы	1	2626*	89,47
Селевкия на Гедифонте	3	101	3,44
Селевкия на Тигре	1	7	0,24
Спасину-Харакс	—	2	0,07
Вкбатаны	5	—	—
Восточные дворы	28	183**	6,24
Остальные	8	16	0,54

* Включая две бронзовые монеты сузской чеканки, найденные в Шами в 1971 г.

** Без учета 57 сасанидских свинцовых монет.

Как видно из таблицы, преобладание монет из бронзы, выпущенных на сузском монетном дворе, бесспорно, причем подавляющее их число (2553 экз. или 97,25% от всей сузской бронзы) приходится на выпуски царей Элимаиды II — начала III в. н. э., когда денежный рынок сельской округи Юго-Западного Ирана был буквально наводнен бронзой мелких номиналов, отчеканенной элимеями в Сузах.

Дополнительный материал по истории денежного обращения на сельской территории Юго-Западного Ирана можно почерпнуть, воспользовавшись результатами сплошного археологического обследования поселений Сузской равнины. Обращение к этому вопросу, однако, связано с трудностями в интерпретации собранного нумизматического материала. Дело в том, что монеты сельских поселений Сузианы известны лишь по воспроизведениям в публикации Р. Дж. Уэнка¹³². Все они подъемные, очень плохой сохранности. Р. Дж. Уэнк полагает, что часть найденных монет — это бронза элимаидских царей, отчеканенная в Сузах в I—II вв.¹³³ В своих определениях он ориентировался в основном на выводы Ж. Ле Ридера, касающиеся анализа монет, происходящих из раскопок Суз¹³⁴. Однако ко времени выхода в свет исследования Р. Дж. Уэнка не были еще

опубликованы монеты храмовых комплексов Бард-е Нешанде и Масджид-и Солайман, давшие на сегодняшний день наиболее полную коллекцию монет царства Элимаиды. В другой работе¹³⁵ Р. Дж. Уэнк сообщает о 91 экземпляре целых и фрагментированных бронзовых монет, происходящих с поселений Сузской равнины, которые, по его мнению, датируются двумя первыми веками новой эры. На самом деле, как представляется, а также их хронологическая привязка несколько иные. Это и заставляет нас еще раз обратиться к монетным находкам на сельских поселениях Сузской равнины для того, чтобы провести выводы этого автора и внести необходимые коррективы.

Коллекция указанных монет насчитывает 28 целых монет и 63 монетных фрагмента. Большинство целых экземпляров принадлежит к выпускам элимаидских царей I—II вв., причем лишь два экземпляра (1 и 24) из 22 поддающихся определению монет «тетрадрахмы» Камнаскира (24) и Орода II («второй тип», 1)¹³⁶. Все остальные монеты, более мелких номиналов, отчеканены в Сузах от имени Камнаскира, Орода I или Фраата («первый тип», 2—5, 11—13, 15), Фраата («второй тип») или Орода II (6—8, 10, 14, 16), Орода II (8, «второй тип»), Фраата (9, «второй тип»), поздних неопределенных царей II — начала III в., так называемого «первого» (23), «второго» (18, 21) и «третьего» (27)¹³⁷. Монеты 28 нет среди воспроизведений Р. Дж. Уэнка, и нам не остается ничего другого, как последовать за атрибуцией этого экземпляра, осуществленной автором. Это, очевидно, сузский чекан Фраата («второй тип») или Орода II, так как Р. Дж. Уэнк соотносит данный экземпляр с аналогичным, опубликованным у Ж. Ле Ридера¹³⁸.

Экземпляры 19, 25, 26 («малые номиналы»), 17 («большой номинал») и 22, размер которого не укладывается в принятую классификацию (он помещается между «большим» и «малым»), не удалось определить из-за их плохой сохранности, а также отчасти по причине их неудовлетворительного воспроизведения в публикации. Тем не менее нам представляется, что экземпляры 17 и 22 — это не элимаидские монеты.

Из 63 фрагментов монет¹³⁹ лишь два не бронзовых, очевидно, из серебра (16) и золота (9). По части фрагментов удается восстановить первоначальный диаметр монет. Так, лишь экземпляр 54 был опознан как крупный, соотносящийся с размерами монеты 1 («бронзовая тетрадрахма»), 35 экземпляров восстанавливаются как «средние» (диаметр 15 мм), что соответствует размерам монет сузских эмиссий элимаидской бронзы I—II вв. н. э. (диаметр 15 мм), а также «малые» (диаметр 10 мм), аналогичные размерам монет сузских эмиссий неопределенных царей Элимаиды конца II — начала III в. н. э. (диаметр 13 мм). Установить не удалось. Итак, можно предположить, что большая часть фрагментов — 47 из 63 — это бронза элимаидских

правителей, причем лишь единственный экземпляр был выпущен в Селевкии на Гедифонте в I или во II в., остальные же отчеканены в Сузах в период с 75 г. по начало III в. н. э.

Укажем еще несколько пунктов находок монет. В округе города Дизфуля Ж. Де Морганом был обнаружен клад элимаидских монет сузской чеканки, выпущенных во второй половине I и во II в. н. э.¹⁴⁰ Монеты элимаидских царей Орода II и Фраата найдены на поселении Телль-Тенди, расположенном к юго-востоку от современного города Ахваза, близ реки Джерахи, в результате археологических разведок Дж. Хэнсмэна¹⁴¹.

Подведем итоги. Денежное обращение на сельской территории Юго-Западного Ирана (по материалам Элимаиды и Сузианы) коренным образом отличалось от ситуации на денежном рынке в крупном городском центре этого региона (Сузы). На сельской территории подавляющее преимущество в обращении имели монеты, отчеканенные на монетном дворе Суз. Выпуски Селевкии на Тигре, равно как и эмиссии других немногих в общей сложности монетных дворов, имели ничтожное значение. Создается впечатление, что именно сузский монетный двор полностью обеспечивал нужды и интересы торговли населения аграрной периферии Юго-Западного Ирана.

Всего лишь 8 экземпляров селевкидских, 22 — парфянских по сравнению с 2786 экземплярами (это число на самом деле еще больше, поскольку не известно точное количество монет с поселения Телль-Тенди) монет царей Элимаиды, выпущенных в основном в I — начале III в., найдено на сельских поселениях Сузианы и Элимаиды. Это сопоставление весьма показательное для характеристики денежного обращения в регионе. Прежде всего данный факт, как представляется, снимает вопрос о том, почему среди нумизматического материала сельских поселений Юго-Западного Ирана отсутствуют выпуски первых царей Селевкидской династии (от Селевка I до Антиоха IV)¹⁴². Даже если отбросить элемент случайности в находках подъемных монет, то все равно становится очевидным, что серебряные и бронзовые выпуски Антиоха IV, Деметрия I, Александра Балы и Антиоха VII (от имени этих Селевкидов выпущены монеты, найденные на сельских поселениях) сами по себе не играли определяющей роли в денежном обращении.

Однако в таком случае ставится под сомнение сам факт развития товарно-денежных отношений при первых селевкидских царях на сельской территории Сузианы-Элимаиды. Действительно, при ахеменидских царях на территории Ирана денежное хозяйство в большинстве случаев играло лишь подчиненную роль: здесь господствовали натуральное хозяйство и соответственно натуральный обмен. Более ярко это было выражено на аграрной периферии¹⁴³. Поэтому на первых порах после греко-македонского завоевания только лишь намечаются качественно новые явления в экономике Ирана, вошедшего в состав Селевкидского царства. Более отчетливо эти явления

проявляются в городах, население которых вовлекается во внутрисоциальную и даже в международную торговлю. Жители же сельских районов, традиционно консервируя отношения прежнего типа, были меньше затронуты новыми веяниями в экономической жизни. Кроме того, следует учитывать сравнительно низкий уровень освоения земельных массивов сельской глубинки в это время. Это хорошо подтверждается проведенным выше анализом структуры аграрной периферии Юго-Западного Ирана. Поэтому есть основания утверждать, что для селевкидского и отчасти парфянского времени, по крайней мере вплоть до рубежа новой эры, уровень развития денежного обращения и соответственно товарно-денежных отношений в сельской местности был еще сравнительно низок.

Ситуация коренным образом меняется в начале I в. н. э., когда при царях Элимаиды денежный рынок Юго-Западного Ирана начинает активно насыщаться сериями бронзовых монет преимущественно мелких номиналов. Число сельских поселений этого времени также значительно. Все это является доказательством того, что товарно-денежные отношения интенсивно проникают и в негородскую зону. Отмеченный процесс, разумеется, был подготовлен всем поступательным развитием экономики Парфянского (ранее Селевкидского) царства к рубежу новой эры.

Сравнение характера денежного обращения в городском центре и на сельской территории Юго-Западного Ирана позволяет более уверенно поддержать тезис Р. Гиршмана о том, что в экономическом отношении Парфия не являлась цельным организмом и не имела единого рынка¹⁴⁴. Безусловно, в рамках Парфянского царства существовал ряд местных, региональных рынков, границы которых в основном совпадали с границами тех политических образований, на которые впоследствии распалось Парфянское государство. Отмеченное явление можно распространить и на державу Селевкидов, но с одной оговоркой. Под границами региональных рынков следует предполагать традиционные рамки селевкидских сатрапий. Пример тому — Сузиана-Элимаида, занимавшая большую часть территории Юго-Западного Ирана.

При этом, однако, следует учитывать и мнение Г. А. Кошеленко, отметившего неоднородность, своеобразную «двуслойность» парфянской экономики, «когда над множеством мелких, достаточно замкнутых местных рынков возвышаются рынки крупных городов, связанных активной внутригородской и даже международной торговлей»¹⁴⁵. Сузы являлись одним из таких центров транзитной (возможно, и терминальной, но в значительной степени — транзитной) торговли в масштабах всего Парфянского государства. В то же время, Сузы в экономическом отношении были тесно связаны с ведущими торговыми центрами государства, но и играли опреде-

ленную роль в торговле международной. Население же сельской округи не было вовлечено в систему таких глобальных связей. Однако со временем товарно-денежные отношения получают развитие и здесь, на аграрной периферии, причем потребность разменной монеты для ведения розничных торговых операций на внутреннем рынке Юго-Западного Ирана стала покрываться за счет обильных эмиссий бронзовых монет. Крупные (оптовые) торговые сделки здесь не осуществлялись, серебряная монета в качестве средства платежа в мелких торговых операциях на сельском рынке была неудобна.

Немногочисленные находки серебряных монет в Барде-Нешанде и Масджид-и Солайман могут объясняться близостью этих святилищ к переправе через реку Карун, которая могла использоваться оптовыми торговцами, осуществлявшими транспортировку своих товаров. Они же могли оставить здесь и римские монеты, несколько экземпляров которых было найдено на священных террасах. Отметим, наконец, что вблизи Масджид-и Солайман располагалось поселение, в котором жили македонцы, охранявшие стратегическую карунскую переправу. Они, надо полагать, были лучше, чем местное население, знакомы с преимуществами расчетов с помощью монеты. Однако важно подчеркнуть, что, особенно для селевкидского времени, серебряная монета служила больше показателем уровня благосостояния, нежели индикатором степени вовлеченности в торговые операции как всадников катойкии македонской кавалерии в Масджид-и Солайман, так и отдельных местных жителей сельской округи Юго-Западного Ирана.

Примечания

- ¹ Wenke R. J. *Imperial Investments and Agricultural Developments in Parthian and Sassanian Khuzestan*. 150 B. C. to 640 A. D.//*Mesopotamia*. Vol. X—XI. Firenze, 1975—1976. P. 80; *Idem*. *Elymeans, Parthians and the Evolution of Empires in Southwestern Iran*//*JAOS*. Vol. 101. 1981. N 3. P. 314.
- ² *Источниковедение древней Греции (эпоха эллинизма)*. М., 1982. С. 133—134.
- ³ Waterman L. *Preliminary Report upon the Excavations at Tell Umar*. Iraq. Ann Arbor, 1931; *Idem*. *Second Preliminary Report upon the Excavations at Tell Umar*. Iraq. Ann Arbor, 1933; Mc Dowall R. H. *The Excavations at Seleucia*//*Papers of Michigan Academy of Sciences*. Art and Letters. T. 18. 1932; Rostovtzeff M. *Dura-Europos and its Art*. Oxford, 1938; Perkins A. *The Art of Dura Europos*. Oxford, 1973; Wetzel F., Schmidt E., Mallowitz A. *Das Babylon der Spätzeit*. Berlin, 1957; Falkenstein A. *Topographie von Uruk*. T. I. Uruk zur Seleukidenzeit. Leipzig, 1941.
- ⁴ Mallowan M. E. L. *The Excavations at Nimrud (Kalhu)*, 1957//*Iraq*. Vol. XX. 1958.
- ⁵ Jeppesen K. A. *A Royal Message to Ikaros. The Hellenistic Temples of Failaka*. Kuml, 1960. Aarhus, 1960.
- ⁶ Напр.: Пилипко В. Н. *Парфянское сельское поселение Гарры-Кяриз*. Ашхабад, 1975; Неразик Е. Е. *Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.)*. М., 1976; Пидаев Ш. Р. *Поселения кушанского времени Северной Бактрии*. Ташкент, 1978; Пилипко В. Н. *Поселения Северо-Западной Бактрии*. Ашхабад, 1985.

- ⁷ Подробнее о методике сплошного археологического обследования, применявшейся при изучении памятников Сузаны, см.: Wenke R. J. *Imperial Investments...* P. 42—80.
- ⁸ См.: Неразик Е. Е. *Указ*, соч. С. 5; Пидаев Ш. Р. *Указ*, соч. С. 3; *Древние города: Материалы к Всесоюзной конференции «Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего Средневековья»*. Пенджикент. Октябрь, 1977. Л., 1977.
- ⁹ См.: Пилипко В. Н. *Парфянское сельское поселение...* С. 7.
- ¹⁰ См.: Хинц В. *Государство Элам*. М., 1977. С. 12—13.
- ¹¹ *Зарубежная Азия. Общий обзор. Юго-Западная Азия*//*Страны и народы*. М., 1979. С. 123, 148.
- ¹² Wenke R. J. *Imperial Investments...* P. 153; Юсифов Ю. Б. *Элам. Археология Месопотамии*. М., 1984. С. 29; См. также: Ллойд С. *Зарубежная Азия. Общий обзор. Юго-Западная Азия*. С. 124; Хинц В. *Указ*, соч. С. 12; Юсифов Ю. Б. *Указ*, соч. С. 30.
- ¹³ Wenke R. J. *Imperial Investments...* Map 5.
- ¹⁴ Ghirshman R. *Village Perse-Achéménide*//*MMAI*. T. 36. Paris, 1954. P. 10. Note 2; Le Rider G. *Suse sous les Séleucides et les Parthes. Les trouvailles monétaires et l'histoire de la ville*//*MMAI*. T. 38. Paris, 1965. P. 262—267.
- ¹⁵ Wenke R. J. *Imperial Investments...* P. 86.
- ¹⁶ Le Rider G. *Op. cit.* P. 262—267.
- ¹⁷ Кн. Даниила. VIII, 2, 16.
- ¹⁸ Robert L. [C. r. de:] *Samothrace. Excavations Conducted by the Institute of Fine Arts/Ed. K. Lehmann*. Vol. 2. P. 1. *The Inscriptions on the Stone*, by Fraser P. M. N. Y., 1960//*Gnomon*. Bd. 35. 1963. P. 75—76.
- ¹⁹ Schwarz P. *Iran in Mittelalter, nach den Arabischen Geographen*. Leipzig, 1921. S. 304.
- ²⁰ Wenke R. J. *Imperial Investments...* P. 84.
- ²¹ Le Rider G. *Op. cit.* P. 266—267. Carte I. P. 256.
- ²² Wenke R. J. *Imperial Investments...* Pl. I, II, V.
- ²³ Schwarz P. *Op. cit.* S. 349.
- ²⁴ Wenke R. J. *Imperial Investments...* P. 88; *Зарубежная Азия. Общий обзор. Юго-Западная Азия*. С. 133, 148.
- ²⁵ См.: Ллойд С. *Указ*, соч. С. 13.
- ²⁶ Там же. С. 14—15.
- ²⁷ Wenke R. J. *Imperial Investments...* P. 109—110.
- ²⁸ См.: Поляков С. П. *Историческая этнография Средней Азии и Казахстана*. М., 1980. С. 34—35.
- ²⁹ Там же. С. 45—46.
- ³⁰ Там же. С. 51; Марков Г. Е. *Кочевники Азии*. М., 1976. С. 283—284.
- ³¹ *Зарубежная Азия. Общий обзор. Юго-Западная Азия*. С. 134.
- ³² Wenke R. J. *Elymeans...* P. 305.
- ³³ Wenke R. J. *Imperial Investments...* Maps 4, 23. P. 43—44.
- ³⁴ Wenke R. J. *Elymeans...* P. 306.
- ³⁵ См.: Дьяконов М. М. *Очерк истории древнего Ирана*. М., 1961. С. 223.
- ³⁶ Об этом свидетельствует, в частности, так называемая «стела Хаасака» (см.: Ghirshman R. *Un bas-relief d'Artaban V avec inscription en pehlevi-arsacide*//*Monuments et mémoires de la Fondation Piot*. T. 44. Paris, 1950. P. 97—104).
- ³⁷ Adams R. McC., Nissen H. J. *The Uruk Countryside*. Chicago—London, 1962. P. 18; *Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии*//*Восточная Азия*. М., 1985. С. 349.
- ³⁸ См.: Пилипко В. Н. *Парфянское сельское поселение и кушанская археология*//*Восточная Азия*. М., 1985. С. 7.
- ³⁹ Adams R. McC., Nissen H. J. *Op. cit.* P. 18.
- ⁴⁰ Adams R. McC. *Land behind Baghdad: A History of Settlement on the Diyala Plain*. Chicago—London, 1965. P. 21—22.

- ⁴² Johnson G. A. A Test of the Utility of Central Place Theory in Archaeology//*Man, Settlement and Urbanism*. London, 1972. P. 769—785.
- ⁴³ Древнейшие государства... С. 212—214; Пилипко В. Н. Парфянское сельское поселение... С. 10—11.
- ⁴⁴ Древнейшие государства... С. 257; Массон В. М. Кушанские поселения... С. 7.
- ⁴⁵ Wenke R. J. *Imperial Investments...* P. 90—91.
- ⁴⁶ *Ibid.* Maps 16—22.
- ⁴⁷ См., напр.: Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия. Проблемы истории и культуры. М., 1977. Гл. II.
- ⁴⁸ Wenke R. J. *Imperial Investments...* P. 152—153.
- ⁴⁹ См., напр.: Пилипко В. Н. Парфянское сельское поселение... С. 104—105; Пидаев Ш. Р. Указ. соч. С. 110; Древнейшие государства... С. 342—343; и др.
- ⁵⁰ Подсчитано по: Wenke R. J. *Imperial Investments...* Maps 16—21.
- ⁵¹ *Ibid.* P. 98. Tabl. 8.
- ⁵² *Ibid.* P. 97. Tabl. 7.
- ⁵³ *Ibid.* P. 89—91.
- ⁵⁴ Сводку материалов по этому вопросу см.: Массон В. М. Раннеземледельческие общества и формирование поселений городского типа//*Ранние земледельцы. Этнографические очерки*. Л., 1980. С. 81; Сариниди В. И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977. С. 130—132. Особенно важны исследования Р. Мак Адамса (Adams R. McC. *The Uruk...* P. 28—30) и В. Чайлда (Childe V. G. *The Urban Revolution//Town Planning Review*. Vol. 21. 1950).
- ⁵⁵ Wenke R. J. *Imperial Investments...* P. 99. Tabl. 9.
- ⁵⁶ *Ibid.* P. 97—104. Maps 10, 16, 38, 43, 48, 57.
- ⁵⁷ См.: Фрай Р. Н. *Наследие Ирана*. М., 1972. С. 88; Хинц В. Указ. соч. С. 156—157. Подробнее об ассиро-эламских столкновениях в это время см.: Соловьева С. С. Элам и завоевательная политика Ассирии при Ашшурбанапале // *Древний Восток и античный мир*. М., 1972.
- ⁵⁸ «Цилиндр Рассама»//*Хрестоматия по истории древнего Востока*. М., 1963. С. 239. (Пер. В. А. Белявского).
- ⁵⁹ Кн. Ездра, IV, 9—10.
- ⁶⁰ «Цилиндр Рассама»//*Хрестоматия...* С. 239.
- ⁶¹ Юсифов Ю. Б. Указ. соч. С. 58.
- ⁶² Фрай Р. Н. Указ. соч. С. 140—143.
- ⁶³ Adams R. McC. *Agriculture and Urban Life in Early South-Western Iran//Science*. Vol. 136. 1962. N 3511. P. 109—110.
- ⁶⁴ *Ibid.* P. 111—112.
- ⁶⁵ О строительной деятельности Дария в Сузиане см.: Дандамаев М. А., Луконин В. Г. *Культура и экономика древнего Ирана*. М., 1980. С. 255—258.
- ⁶⁶ См.: Хинц В. Указ. соч. С. 111—116.
- ⁶⁷ Wenke R. J. *Imperial Investments...* Map 43. В дальнейшем индексы «KS», применяемые для обозначения поселений Сузской равнины, опускаются.
- ⁶⁸ *Ibid.* P. 109—112. Maps 17, 24, 30, 34, 39, 44, 49, 53, 58.
- ⁶⁹ SEG. Vol. VII, 1934. N 12, 13. Стк. 11.
- ⁷⁰ Le Rider G. *Op. cit.* P. 209.
- ⁷¹ Wenke R. J. *Imperial Investments...* P. 110.
- ⁷² Ghirshman R. *Suse au tourant du III-e au II-e millenaire avant notre ere//Arts Asiatique*. T. XVII. 1968. P. 12—17.
- ⁷³ Wenke R. J. *Imperial Investments...* P. 115—124. Maps 18, 25, 31, 35, 40.
- ⁷⁴ *Ibid.* P. 120.
- ⁷⁵ *Ibidem.*
- ⁷⁶ *Ibid.* P. 121—122; Wenke R. J. *Elymeans...* P. 313.
- ⁷⁷ Wenke R. J. *Imperial Investments...* Tabl. 48.
- ⁷⁸ *Ibid.* P. 124—131. Maps 19, 26, 32, 36, 41, 46, 51, 55, 60.
- ⁷⁹ *Ibid.* P. 131—138. Maps 20—21, 27—28, 33, 37, 42, 47, 52, 56, 61.

- ⁸⁰ Ghirshman R. *Iran From the Earliest Times to the Islamic Conquest*. London, 1954. P. 292.
- ⁸¹ См.: Фрай Р. Н. Указ. соч. С. 292; Дьяконов М. М. Указ. соч. 261—262.
- ⁸² См.: Фрай Р. Н. Указ. соч. С. 345. Ил. 7; см. также: Adams R. McC. (1946—1951). Paris, 1952. P. 10—11.
- ⁸³ Wenke R. J. *Imperial Investments...* P. 73—74.
- ⁸⁴ Nissen H. *The City Wall of Uruk//Man, Settlement and Urbanism*. 793—798.
- ⁸⁵ Wenke R. J. *Imperial Investments...* Pl. I—III.
- ⁸⁶ Adams R. McC. *Agriculture...* P. 8—11.
- ⁸⁷ *Ibid.* P. 10; Wenke R. J. *Elymeans...* P. 313—314.
- ⁸⁸ Wenke R. J. *Imperial Investments...* Tabl. 48.
- ⁸⁹ *Ibidem.*
- ⁹⁰ Древнейшие государства... С. 343; Пилипко В. Н. Парфянское сельское поселение... С. 101—107; Пидаев Ш. Р. Указ. соч. С. 17 сл.; Невзник Е. Е. Указ. соч. С. 207—210; и др.
- ⁹¹ Древнейшие государства... С. 343.
- ⁹² См.: Пилипко В. Н. Парфянское сельское поселение... С. 106—107.
- ⁹³ Ghirshman R. *Village...* P. 16—17.
- ⁹⁴ Wenke R. J. *Imperial Investments...* P. 153; *Idem.* *Elymeans...* P. 316; Adams R. McC. *Agriculture...* P. 11.
- ⁹⁵ Adams R. McC., Nissen H. J. *Op. cit.* P. 58—59.
- ⁹⁶ *Ibid.* Pl. 19—21.
- ⁹⁷ *Ibid.* P. 219—238.
- ⁹⁸ Fairervis W. *Archaeological Studies in the Sistan Basin on the South-Western Afghanistan and Eastern Iran*. N. Y., 1961. P. 98. Tabl. 7.
- ⁹⁹ Adams R. McC. *Land...* P. 59—72. Tabl. 17—19.
- ¹⁰⁰ *Ibid.* P. 68, 59.
- ¹⁰¹ См.: Пилипко В. Н. Парфянское сельское поселение... С. 8, 104.
- ¹⁰² См.: Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы//*МИА*. Вып. 73. М.—Л., 1959. С. 51—53, 136—164.
- ¹⁰³ Древнейшие государства... С. 225; Оразов О. *Археологические и архитектурные памятники Серахского оазиса*. Ашхабад, 1973. С. 99, 109.
- ¹⁰⁴ См.: Литвинский Б. А. Кушанский город. Индо-среднеазиатские параллели//*Древний Восток и мировая культура*. М., 1981. С. 121.
- ¹⁰⁵ См.: Литвинский Б. А. *Древний среднеазиатский город (местные традиции и иноземные модели)//Древний Восток. Города и торговля*. Ереван, 1973. С. 124—125.
- ¹⁰⁶ См.: Ртвеладзе Э. В. *Разведочное изучение бактрийских памятников на юге Узбекистана//Древняя Бактрия*. Л., 1974. С. 74—75; Он же. *Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана//Бактрийские древности*. Л., 1976. С. 93—103.
- ¹⁰⁷ См.: Пидаев Ш. Р. Указ. соч. С. 28, 112.
- ¹⁰⁸ Древнейшие государства... С. 245—246; см. также: Пилипко В. Н. *Поселения...* С. 103—106.
- ¹⁰⁹ См.: Кабанов С. К. *Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III—VII вв.)*. Ташкент, 1977.
- ¹¹⁰ См.: Кабанов С. К. *Культура сельских поселений южного Согда III—IV вв.* Ташкент, 1981. С. 163—174; Массон М. Е. *Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен*. Ташкент, 1973. С. 137.
- ¹¹¹ Древнейшие государства... С. 278.
- ¹¹² Там же. С. 304—312.
- ¹¹³ Seyrig H. *Seleucus I and the Foundation of Hellenistic Syria//The Role of the Phoenicians in the Integration of Mediterranean Civilization. Papers of the American University of Beirut Symposium at the American University of Beirut*. Beirut, 1968. P. 53—33.
- ¹¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.* Т. 9. С. 132.
- ¹¹⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.* Т. 12. С. 532.

- ¹¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 184.
- ¹¹⁷ Там же.
- ¹¹⁸ Древнейшие государства... С. 338—340; Андрианов Б. В. Роль ирригации в становлении древних государств на примере Средней Азии//От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987. С. 73—88.
- ¹¹⁹ См.: Андрианов Б. В. Концепция К. Витфогеля «гидравлическое общество» и новые материалы по истории ирригации//Концепции зарубежной этнологии. Критические этюды. М., 1976. С. 156—176. См. здесь же обширную библиографию вопроса. Ср.: Андрианов Б. В. Роль ирригации... С. 75—76.
- ¹²⁰ Wittfogel K. Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power. New Haven, 1957.
- ¹²¹ Adams R. McC. Historic Patterns of Mesopotamian Irrigation Agriculture//Irrigation's Impact on Society. Tucson (Arizona), 1974. P. 1—6; Idem. The Evolution of Urban Society: Early Mesopotamia and Prehispanic Mexico. Chicago, 1966. P. 66—68. Ср.: Андрианов Б. В. Роль ирригации... С. 75, 77.
- ¹²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 28. С. 221.
- ¹²³ В работах «Британское владычество в Индии», «Налоги в Индии» и др.
- ¹²⁴ Ghirshman R. Terrasses sacrées de Bard-è Néchandeh et Masjid-i Solaiman. L'Iran du Sud-Ouest du VIII-e s. av. n. ère au V-e s. de n. ère. Vol. I. Texte//MDAI. T. XLV. Paris—Leiden, 1976. P. 149—150; Он же. Религии Ирана от VIII в. до н. э. до периода ислама//Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978. С. 67.
- ¹²⁵ Ghirshman R. Terrasses sacrées... Fig. 1; Он же. Религии Ирана... С. 67.
- ¹²⁶ Stein A. Old Routes of Western Iran. London, 1940. P. 141—159.
- ¹²⁷ Ghirshman R. Introduction//Augé Ch., Curiel R. et Le Rider G. Terrasses sacrées de Bard-è Néchandeh et Masjid-i Solaiman. Les trouvailles monétaires//MDAI. T. 44. Paris—Leiden, 1979. P. IX.
- ¹²⁸ Кошеленко Г. А. [Рец. на кн.:] Augé Ch., Curiel R. et Le Rider G. Op. cit.//ВДИ. 1984. № 1. С. 192.
- ¹²⁹ Составлена по сводке: Augé Ch., Curiel R. et Le Rider G. Op. cit. P. 1—3.
- ¹³⁰ Ibid. P. X—XI.
- ¹³¹ Ibid. P. 1—3.
- ¹³² Wenke R. J. Imperial Investments... P. 55—65. Fig. 3—4.
- ¹³³ Ibid. P. 59.
- ¹³⁴ Le Rider G. Op. cit. Pl. LXXII, 11—18; LXXIII, 1—37; LXXIV, 4—11.
- ¹³⁵ Wenke R. J. Elymeans... P. 306.
- ¹³⁶ Le Rider G. Op. cit. Pl. LXXII, 15—18; LXXIII, 6; Augé Ch. Monnaies d'Elymaide//Augé Ch., Curiel R. et Le Rider G. Op. cit. P. 157—158. Pl. 3, 4; P. 160. Pl. 12—13.
- ¹³⁷ Le Rider G. Op. cit. Pl. LXXIII, 10—19, 22, 37; Augé Ch. Op. cit. P. 158—159. Pl. 4, 8—11, 14; P. 161. Pl. 17.
- ¹³⁸ Le Rider G. Op. cit. Pl. LXXIII, 22.
- ¹³⁹ Wenke R. J. Imperial Investments... P. 57—58. Tabl. 4.
- ¹⁴⁰ Fuye A. de la Monnaies de l'Elymaide//MDP. Vol. VII. Paris et Chartres, 1905. P. 168; Idem. Les monnaies de l'Elymaide. Modification au classement proposé en 1905//RN. Vol. XXII. 1919. P. 57; Hill G. F. Catalogue of the Greek Coins of Arabia, Mesopotamia and Persia. British Museum. London, 1922. P. CLXXXV; Le Rider G. Op. cit. P. 352. N. 10.
- ¹⁴¹ Hansman J. Seleucia and Three Dauraks//Iran. Vol. XVI. 1978. P. 158.
- ¹⁴² См.: Кошеленко Г. А. Указ. рец. С. 193.
- ¹⁴³ См.: Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Указ. соч. С. 209—213.
- ¹⁴⁴ Ghirshman R. Introduction. P. XI.
- ¹⁴⁵ Кошеленко Г. А. Указ. рец. С. 195.

Заключение

В истории Юго-Западного Ирана последней трети IV в. до н. э. — начала III в. н. э. отчетливо выделяются два периода: время господства селевкидских царей и период вхождения региона в состав Парфянской державы. Социально-экономическое развитие Юго-Западного Ирана в селевкидское время в значительной мере определялось ролью в структуре государства так называемого специфического объединения греков и македонцев, как восточноэллинистический полис. Статус полиса получают при первых Селевкидах Сузы, есть основания считать таковыми Александрию-Антиохию и Селевкию на Гедифонте. Будучи основным и неотъемлемым звеном экономики Селевкидского царства, полисы становятся центрами развития в регионе рабовладения в его классической форме. Они были вовлечены в активную торговлю, не только региональную, но и общегосударственную, а также международную. Наши источники позволяют уверенно высказаться в пользу таких заключений пока лишь в отношении Суз (Селевкии на Эвлее). Что же касается Селевкии на Гедифонте и Александрии-Антиохии, то слабая степень их археологической изученности позволяет лишь предполагать это.

Роль полисов в экономике региона зависела прежде всего от степени внутривластной стабилизации и внешней активности государства. Коммерческие интересы граждан Селевкии-Суз в селевкидское время были в значительной степени подчинены интересам более крупных торговых и политических центров государства. Для Юго-Западного Ирана одним из них являлась Селевкия на Тигре. Усилению и стабилизации экономических взаимоотношений между ними способствовал, как представляется, факт своеобразной «полисной», точнее, «этнической солидарности» греко-македонских коллективов граждан этих городов, связанных между собой тесными экономическими, социальными и культурными узами.

Сельскохозяйственная округа Юго-Западного Ирана при Селевкидах получает свое дальнейшее развитие, начало которому было положено еще ахеменидскими царями. После прихода к власти греков и македонцев получают свое более четкое выражение новые тенденции в эволюции хоры полисов. Предпринимаются работы по строительству новых и расчистке ранее заброшенных ирригационных сооружений. Число районов аграрной периферии с богарными посевами сокращается. За счет роста количества мелких размеров несколько увеличивается численность населения. В этом процессе ведущее значение имеют изменения в структуре эксплуатации непосредственных производителей гражданами восточноэллинистических полисов. Являясь своего рода «коллективным клерухом»¹, полисная гражданская община стала коллек-

2015/05/30 15:44

тивным эксплуататором местного крестьянства. Традиционные формы эксплуатации непосредственных сельских производителей были в определенной степени модифицированы новыми элементами в области социально-экономической жизни, привнесены в среду аграрных отношений греками и македонцами, объединившимися в полис. Не последнюю роль в этом процессе сыграли развитые рабовладельческие отношения классического типа в городах. Можно предположить их распространение в хоре полисов, хотя и не столь значительное, нежели в городах, что нашло свое отражение в структурных изменениях типов сельских поселений, в частности в заметном преобладании и росте числа поселений малых размеров.

В отличие от городов Юго-Западного Ирана, население которых активно вовлекается во внутригосударственную и международную торговлю, жители сельских районов на первых порах были меньше затронуты новыми явлениями в экономике державы Селевкидов. Уровень развития денежных отношений и торговли в сельских районах Юго-Западного Ирана оставался низким. Денежное хозяйство здесь играло по преимуществу подчиненную роль, господствовал простой натуральный обмен, и крестьянство было слабо связано с городским рынком. Различные экономические отношения, носителями которых были граждане полисов, не могли охватить всю аграрную периферию Юго-Западного Ирана за сравнительно короткий период селевкидского господства в регионе.

Вхождение Юго-Западного Ирана в состав государства Аршакидов отмечено новыми качественными явлениями во всех областях жизни полиэтничного населения региона. Постепенно сводится на нет значение полисных организмов греко-македонских коллективов, не ставших в новых условиях жизненно важным звеном в социально-политической и экономической структурах царства парфян. Отныне греки и македонцы не могли претендовать на свои традиционные привилегии. Военизированный характер государственной структуры, преобладание агрессивной функции обусловили тот факт, что политическая и социальная организация общества в значительной мере совпала с военной. В подобном государстве самоуправляющийся греческий полис был чужеродным организмом². Проримская ориентация большей части его граждан в условиях обострения политической конфронтации Парфии и Рима являлась еще одной причиной антагонизма. В этих условиях целенаправленная борьба Аршакидов с полисами, остававшимися на завоеванных парфянами территориях бывшего Селевкидского государства, увенчалась успехом: полисы были лишены своих привилегий. В Юго-Западном Иране это происходит в результате элимейского завоевания (по крайней мере для Селевкии на Эвлее и Селевкии на Гедифонте), которое было в значительной мере облегчено всей предшествующей борьбой полисов с Аршакидами. В связи с этой непрерывавшейся борьбой полисов за

ое существование процессы распространения новых явлений в экономике и социальной жизни на сельской территории, проводимыми которых были греко-македонские коллективы граждан, оказались приостановленными. Прекращается (или изменяется, что менее вероятно) отпуск рабов на волю, столь популярный в селевкидскую эпоху. Иные формы приобретает развитие сельских поселений и вообще всей аграрной периферии Юго-Западного Ирана. Полис на последних этапах существования замыкается в свои узкие границы и уже не может являться носителем прогрессивных тенденций в социально-экономической жизни общества в силу слабости и исторической неперспективности развития в новых условиях.

С другой стороны, парфянское завоевание Юго-Западного Ирана способствовало укреплению связей между племенами скотоводов гор и предгорий и земледельцами равнинных частей региона, которые в предшествующий период были весьма ограниченными. Именно для парфянского времени приходится говорить о возникновении единой экономической системы, которая объединила как земледельцев равнин, так и скотоводов гор. И те и другие экономически не могли существовать без постоянного взаимобмена. Известно, что нарушение этого экономического единства в силу внутренних и внешних потрясений приводило к тяжелейшим последствиям для обоих секторов системы³. Этим объясняются подчеркнутая воинственность горцев Юго-Западного Ирана и их постоянное стремление уйти из-под контроля со стороны селевкидской администрации. Парфянам, в главе которых стала кочевая по происхождению династия Аршакидов, удалось нормализовать эти взаимоотношения. В результате часть бывших кочевников-парфян осела на землю. В связи с этим значительно расширяется зона культивируемых земель, наблюдается рост общего числа поселений вплоть до пиковых значений, активизируются строительство и расширение ирригационных систем, улучшаются демографические показатели для населения региона. Необходимо, однако, иметь в виду, что указанные процессы были подготовлены всем предшествующим развитием региона в составе Селевкидского государства.

Образование мировой державы Аршакидов в значительной степени повлияло на развитие товарно-денежных отношений в регионе. При этом со временем становится заметной тенденция расширения значения центров транзитной и терминальной торговли городов с греко-македонским населением (ситуация, известная в частности, и на материалах Месопотамии)⁴, влияние которых к концу III в. до н. э. в государственной торговле становится минимальным. Усиливается роль Западных торговых артерий, которые используются для торговли Юго-Западного Ирана. Консолидация на этой территории двух так называемых «вассальных» царств — Элимаиды и Харакены, субаршакидских государственных образований, — в значительной сте-

пени меняет общую ситуацию. Процесс дезинтеграции Парфянского царства в определенной мере облегчил его контроль над завоеванными ранее территориями. Греческие полисы окончательно лишаются своей автономии. Вопросы экономики и денежного обращения решаются теперь под контролем Аршакидов в рамках этих небольших государственных образований представителями династии Камнаскиров и царьками хакеракенской династии.

Не случайно именно элимаидский период в истории Сузской равнины отмечен максимальными значениями показателей, характеризующих уровень экономического развития. Население сельскохозяйственной округи, где начинает циркулировать бронзовая монета мелких номиналов, теперь уже активно вовлечено в рыночную торговлю. Характерно, что в городских центрах региона, например в Сузах, оставалась в хождении монета бывших традиционных торговых партнеров — Селевкии на Тигре, а также выпущенная от имени парфянских царей в других центрах государства. На аграрной же периферии, среди сельских жителей Юго-Западного Ирана, подавляющее преимущество имели элимаидские эмиссии мелкой бронзовой монеты, чеканку которых налаживают Камнаскиры в Сузах. Своей столице — Селевкии на Гедифонте — элимаидские цари оставляют право выпуска более крупных бронзовых номиналов. Торговля в сельской округе, таким образом, была замкнута рамками регионального рынка.

Анализ социально-экономического развития одного из регионов Ирана позволяет выдвинуть ряд контраргументов сторонникам концепции так называемого «циклического» развития общества, которые постоянно подчеркивают циклическую природу экономической и политической истории древних империй. Эти исследователи считают, что сменяющие друг друга более или менее неизменные циклы развития характеризуются ростом и упадком общества, по величине и плотности населения, уровню государственной интеграции и координации, размеру вкладов в общественные работы, степени внутренней и внешней безопасности, масштабам войн⁵. Исследование эволюции Сузской равнины, базирующееся на данных Р. Дж. Уэнка⁶, приводит к следующим выводам. Конкретная история развития в период от Ахеменидов до первых Сасанидов не может быть согласована с концепцией повторяющихся циклов, важнейшие элементы которых — демографические показатели и состояние экономики. Для селевкидо-парфянской и сасанидской эпох выявляется принципиально иная картина: постепенный и медленный рост населения от ахеменидского до позднепарфянского периода, после чего происходят качественные изменения в социальной организации и соответственно в системе расселения — возникновение крупных городских центров и стягивание в них сельского населения из периферийных аграрных областей. Данные по Сузской равнине дают отрицательный ответ,

если рассматривать весь период от Ахеменидов до арабов включительно просто как один цикл.

Отметим, наконец, еще одно важное обстоятельство. Ныне популярна концепция по-прежнему популярна концепция эллинизма, предложенная К. К. Зельниным⁷. Мы так же придерживаемся ее основных положений. Однако проведенный анализ социально-экономического развития одного из основных регионов древнего Ирана убеждает нас в необходимости введения дефиниций «эллинистический» и «постэллинистический» Иран. Под первым следует понимать селевкидский период его истории, когда находит свое яркое проявление сочетание эллинских и местных начал в экономической жизни, парфянское) время в связи с падением значения полисов, социально-экономические отношения в регионе, оплодотворенные предшествующей историей развития, получают свое развитие уже по традиционной восточной схеме, в которой роль зачатых, эллинских элементов ничтожна.

Совершенно иная ситуация наблюдается в области культуры и идеологии⁸, где синтез эллинских и местных, восточных начал в значительной мере был обусловлен крепостью рамок полисных образований. Именно они сдерживали взаимодействие местных и греко-македонских элементов в ряде областей культуры в период существования Юго-Западного Ирана в составе государства Селевкидов. Процесс бурного синтеза в различных областях культуры приходится здесь на парфянское время, когда роль и автономия греко-македонских гражданских полисных общин была сведена к минимуму.

Примечания

- ¹ Košelenko G. A. Les cavaliers parthes. Aspects de la structure sociale de la parthe//Dialogues d'histoire anciennes, 6. Paris, 1980.
- ² См.: Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 286.
- ³ Briant P. Etat et pasteurs au Moyen-Orient ancien. Cambridge—Paris, 1982.
- ⁴ Košelenko G. A. La politique commerciale des Arsacides et les villes grecques//Estratto da Studi in onore di Edoardo Volterra. Vol. I. Milano, 1971.
- ⁵ Steward J. H. Cultural Causality and Law: A Trial Formulation of the Development of Early Civilizations//American Anthropologist. Vol. 51. 1949. P. 1—27; Lattimore O. Inner Asian Frontiers of China. Boston, 1951; Wittfogel K. A. Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power. New Haven, 1957; Adams R. McC. The Evolution of Urban Society: Early Mesopotamia and Prehispanic Mexico. Chicago, 1966.
- ⁶ Wenke R. J. Imperial Investments and Agricultural Developments in Parthian and Sassanian Khuzestan: 150 B. C. to A. D. 640//Mesopotamia. Vol. X—XI. Firenze, 1975—1976. P. 31—157.
- ⁷ См.: Зельни К. К. Некоторые основные проблемы истории эллинизма//Вопросы истории культуры. 1977. С. 204—213; Кошеленко Г. А. Эллинизм и культура. М., 1977. С. 28—29.
- ⁸ См.: Кошеленко Г. А. Эллинизм и культура. М., 1977. С. 28—29.

2015/05/30 15:44

- ВДИ — Вестник Древней истории
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 НАА — Народы Азии и Африки
 НиЭ — Нумизматика и эпиграфика
 СА — Советская археология
 Учен. зап. ЛГУ — Ученые записки Ленинградского
 венного университета
 АС — L'antiquité classique
 АЖРф — American Journal of Philology
 АМИ — Archaeologische Mitteilungen aus Iran
 BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies
 CDAFI — Cahiers de la Délégation Archéologique Française en
 Iran
 CIL — Corpus inscriptionum Latinarum
 CPh — Classical Philology
 CQ — Classical Quarterly
 CRAI — Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, Comptes
 rendus
 FHG — C. Müller. Fragmenta Historicorum Graecorum. Vol. 1—3
 Paris, 1841—1870.
 IA — Iranica Antiqua
 IG — Inscriptiones Graecae
 JA — Journal Asiatique
 JAOS — Journal of the American Oriental Society
 JHS — Journal of Hellenic Studies
 JRGS — Journal of the Royal Geographical Society
 LEC — Les études classiques
 MDAI — Mémoires de la Délégation Archéologique en Iran
 MDP — Mémoires de la Délégation en Iran
 MMAI — Mémoires de la Mission Archéologique en Iran
 MMAP — Mémoires de la Mission Archéologique en Iran
 NC — Numismatic Chronicle
 OGIS — W. Dittenberger. Orientis Graeci Inscriptiones selectae
 Vol. I—II. Leipzig, 1903—1905.
 PCZ — C. C. Edgar. Zenon Papyri. T. 1—4. Caire, 1925—1931.
 T. 5. O. Guéraud et Jouget. Cair, 1940—1951.
 REA — Revue des études anciennes
 REG — Revue des études grecques
 REL — Revue des études latines
 RN — Revue numismatique
 SEG — Supplementum epigraphicum Graecum
 SGDI — H. Collitz, F. Bechtel, O. Hofmann. Sammlung
 der griechischen Dialekt-Inschriften. Bd. I—IV. Göttingen,
 1884—1915.
 YCS — Yale Classical Studies

54:51
 54:51
 2015/05/30

Оглавление

Введение	3
Глава I. Источники, историография	
§ 1. История археологического изучения	7
§ 2. Юго-Западный Иран в античной традиции	16
Глава II. Социально-экономические отношения в полисах Юго-Западного Ирана (на примере Селевкии-Суз)	
§ 1. Городской строй	50
§ 2. Манумиссии Селевкии на Эвлее	71
§ 3. Денежное обращение и торговля в городских центрах	85
Глава III. Аграрная периферия Юго-Западного Ирана в античное время	
§ 1. Вводные замечания. Методика исследования	118
§ 2. Динамика сельской округи Сузской равнины	130
§ 3. Историко-региональные параллели. Ирригация	15
§ 4. Денежное обращение на сельской территории	15
Заключение	171
Список сокращений	176
Указатель имен	177
Указатель географических названий	181

Научное издание

Новиков Сергей Викторович

**ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ИРАН В АНТИЧНОЕ ВРЕМЯ
(от Александра Македонского до Ардашира I)**

Зав. редакцией *Н. М. Сидорова*

Редактор *И. А. Барам*

Художник *Н. Андриевич*

Художественный редактор *М. Ф. Евстафиева*

Технический редактор *Л. Р. Черемискина*

Корректоры *И. А. Мушникова, Т. С. Милякова*

ИБ № 3171

Сдано в набор 19.02.88.

Подписано в печать 19.05.89.

Л-14143. Формат 60×90/16. Бумага кн.-журн. № 1.

Гарантируемая литературная Высокая печать.

Усл. печ. л. 11,5. Уч.-изд. л. 13,46.

Тираж 5150 экз. Заказ 310. Изд. № 196. Цена 1 руб.

Ордена «Знак Почета» издательство Московского университета. 103009. Москва,
ул. Герцена, 5/7. Типография ордена «Знак Почета» изд-ва МГУ. 119899. Москва,
Лесные горы

1 СТАДИЙ = 184,37 м

1 ТАЛАНТ = 60 МИН = 6000 ДРАХМ =

= 36 000 ОБОЛОВ = 288 000 ХАЛКОВ = 3000 СТАТЕРОВ

1 ДРАХМА = 4,36 г

1 ГРАММ = 1,137 г

1 АМФОРА = 39,39 л

2015/05/30 15:44